

Г. Н. Мокшин

ИДЕИ И ЖИЗНЬ
«АРТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

С. Н. Кривенко

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Г. Н. Мокшин

ИДЕИ И ЖИЗНЬ
«АРТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

С. Н. Кривенко
(1847–1906)

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2012

ББК 63.3(2)51
М74

Рецензенты:

д-р ист. наук *Л. М. Искра*
д-р ист. наук *А. А. Лютых*

Мокшин Г. Н.

М74 Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906) / Г. Н. Мокшин ; Воронежский государственный университет. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – 196 с.

ISBN 978-5-9273-1919-0

Книга посвящена видному русскому публицисту и общественному деятелю, представителю легального народничества последней трети XIX в. – Сергею Николаевичу Кривенко.

Впервые дается описание основных этапов политической биографии Кривенко, анализируются его взгляды на ключевые вопросы пореформенной жизни России (развитие капитализма, судьбы крестьянства, взаимоотношения интеллигенции, народа и власти). Непредвзятый подход к идеологии правого народничества позволил автору по-новому оценить общественное значение разработанной Кривенко программы экономического и политического развития России, выделить позитивные стороны отстаиваемой публицистом культурнической доктрины.

Для историков, студентов и всех интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)51

*На обложке репродукция с картины Г. Г. Мясоедова
«Страдная пора (Косцы)» (1887 г.)*

ISBN 978-5-9273-1919-0

© Мокшин Г. Н., 2012

© Воронежский государственный университет, 2012

© Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Введение	8
Глава I. Формирование мировоззрения и начало общественной деятельности С. Н. Кривенко	29
§ 1. Детство С. Н. Кривенко; годы учебы; военная служба	30
§ 2. Борисоглебский кружок народников (1869–1871); кавказская земледельческая колония 1870-х годов	35
§ 3. Приобщение С. Н. Кривенко к журналистике; экономические статьи в «Отечественных записках»	44
§ 4. Историко-социологическое обоснование народничества в трудах С. Н. Кривенко	54
Глава II. С. Н. Кривенко в период внутривосточного кризиса конца 1870-х – начала 1880-х гг.	68
§ 1. Продолжение сотрудничества С. Н. Кривенко в «Отечественных записках»; организация артельных журналов	69
§ 2. Программа политической демократизации страны	82
§ 3. С. Н. Кривенко и «Народная воля»	93
§ 4. Арест и ссылка (1884–1888)	102
Глава III. С. Н. Кривенко как идеолог культурнического народничества 1890-х гг.	120
§ 1. «Скитальчество» С. Н. Кривенко по стране; «Северный вестник»	121
§ 2. Участие С. Н. Кривенко в издании «Русского богатства»; полемика с марксистами	131
§ 3. «Культурная работа» и «малые дела»	144
§ 4. С. Н. Кривенко во главе «Нового слова» и «Сына отечества»	153
§ 5. Последние годы жизни С. Н. Кривенко (1900–1906)	166
Заключение	181
Список сокращений	187
Указатель имен	188
Основные труды С. Н. Кривенко	193

«Кривенко был вполне человеком семидесятых годов. Его считали рьяным народником, но ограничиваться таким определением было бы крайне поверхностно. Народничество 70-х годов вовсе не было чем-либо однородным и определенным; оно заключало в себе разные толки, между которыми были такие, которые взаимно друг друга исключали. Так, например, что было общего между народниками по учению Юзова и Червинского, требовавшими, чтобы народу ничего не навязывали, и посему отрицавшими всякую политическую деятельность, и народовольцами и чернопередельцами? Кривенко... не отвергал политики и был замешан в ней, но у него был свой конек, на котором он подвизался всю жизнь. Конек этот заключался в устройстве земледельческих колоний и всякого рода коопераций. Начиная с земледельческой колонии в Туапсе, в которой он подвизался в начале 70-х годов, он затем перешел к ряду журнальных артелей. Таковы были: «Русское богатство», «Устой»... «Слово» и пр. Замечательно, что и в своих главных сочинениях он оставался верен своему коньку: таковы «Сборник об артелях», «Физический труд как элемент воспитания». «На распутье».

А. М. Скабичевский

Сергей Кривенко.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уроженцу борисоглебской земли Сергею Николаевичу Кривенко принадлежала в свое время роль одного из творцов духовной жизни просвещенного русского общества. Его научные труды и яркая публицистика вызывали неизменный интерес, а полемичный характер многих его трудов нередко пробуждал острые споры о способах разрешения стоявших перед Россией задач по преобразованию ее экономической, политической и культурной жизни.

По своим убеждениям С. Н. Кривенко был стойким народником. Во второй половине XIX в. народничество – это главное идейное течение русской демократической интеллигенции. В его основе лежала теория перехода России к социализму через сохранившуюся в большинстве русских деревень крестьянскую общину. Марксизм с его ставкой на рабочий класс русские народники считали применимым лишь для промышленных стран Запада. Торопясь реализовать свою, прямо скажем, несбыточную мечту, молодые русские радикалы развили необычайную энергию. На протяжении двух десятков лет после отмены крепостного права они упорно стремились поднять крестьянство на революцию. В 1870-е годы в рамках своей кампании народники предприняли беспрецедентное по характеру и масштабам «хождение в народ». По сути дела этот поход в крестьянство явился уникальным в своем роде экспериментом по наведению мостов между идеологией демократической интеллигенции и психологией простого народа.

«Хождение в народ» обернулось для народников-интеллигентов оглушительным провалом. Крестьянство не воспринимало восторженных проповедей молодых интеллектуалов и, как выяснилось, смотрело на жизненные ценности совсем другими глазами.

Но провал «хождения», сочетавшийся с тяжелыми правительственными репрессиями, не снизил накала революционных страстей. Значительная часть революционеров-народников главным виновником своих неудач посчитала самодержавное правительство и, в конце концов, перешла к тактике политической борьбы путем заговоров и террора. Кульминационным моментом такого движения стало печально знаменитое убийство Александра II 1 марта 1881 г.

Этот успех террористов обернулся тяжелым поражением для всего русского освободительного движения. Утвердившаяся вскоре реакция привела к политике контрреформ, а та, в свою очередь, лишь усилила формирование тяжелых диспропорций в социально-экономической и политической жизни страны.

Народничество, однако, сумело пережить кризис и в новых условиях 80-х – 90-х годов XIX в. попыталось предложить конструктивную программу ненасильственного обновления страны на принципах гуманизма и социальной справедливости. Среди народников начало доминировать течение, которое поставило под сомнение возможность подлинного преобразования общества путем революционного перераспределения власти и собственности. Ведомые своим популярнейшим теоретиком Н. К. Михайловским, легальные народники призывали к поиску не разрушительных, а созидательных путей постепенного улучшения жизни народа. Одним из самых талантливых последователей такого реформистского народничества стал С. Н. Кривенко.

Долгое время в нашей литературе о заслугах легального народничества предпочитали не упоминать. Жесткие политические установки заставляли исследователей идеализировать героев революции.

Представленное вниманию читателей исследование Г. Н. Мокшина со всей очевидностью раскрывает ущербность подобного подхода. На страницах этой книги воссоздается живой облик колоритного русского интеллигента, умевшего пережить как взлеты, так и удары судьбы. Современному человеку очень трудно понять психологию людей минувших эпох, их надежды, мотивы поступков, иллюзии и горькие разочарования. Не просто это и для историка. В связи с этим стоит подчеркнуть, что в данной работе духовный облик С. Н. Кривенко, отдавшего всю свою жизнь борьбе за идею, раскрыт с большой убедительностью. Чего стоят, например, практические попытки Кривенко начать жить социалистически? Или, скажем, его неоднократные опыты по внедрению артельного начала в писательской среде?

Анализ литературных и общественных достижений С. Н. Кривенко Г. Н. Мокшин сумел провести на непростом фоне исканий русской интеллигенции. Герой его повествования показан в связи с эпохой, с ее неповторимыми красками. Но, конечно, центральное место в книге заняли оценки так называемого культурнического народничества Кривенко, сумевшего предложить оригинальную, но, увы, забытую программу преодоления пресловутой отсталости русского народа.

Книга Г. Н. Мокшина по-настоящему патриотична. Она отдает долг доброй памяти выдающемуся нашему земляку, творческим исканиям демократической интеллигенции России, беззаветно служившей своему народу, молодежи страны, сумевшей взять на себя самоотверженный почин борьбы за свободу, человеческое достоинство и справедливость.

М. Д. Карпачев

ВВЕДЕНИЕ

*

Во второй половине XIX века Россия вступила в эпоху глубоких преобразований, затронувших все стороны ее жизни. Патриархальность и застой уступали место бурному экономическому развитию и небывалой общественной активности.

Между тем, процесс капиталистической перестройки страны шел трудно, принимая подчас болезненные, гипертрофированные формы. Правительство – главная движущая сила реформ, в силу целого ряда внутренних и внешних причин взяло курс на форсированное создание крупной фабрично-заводской промышленности. В сельском хозяйстве, наоборот, вплоть до начала XX века все делалось для консервации общины и господствующих в ней патриархальных отношений. В этих условиях крестьянство оказалось неспособным перестроить свое хозяйство в соответствии с требованием рыночной конъюнктуры. Аграрное перенаселение заставляло его по-прежнему придерживаться принципа уравнительного пользования землей. В итоге деревня, где проживало основное население страны, быстро расслаивалась и нищала¹.

Ухудшающееся положение народа не могло не отразиться на умонастроениях привилегированной части российского общества, и прежде всего радикальной интеллигенции, считавшей себя нравственно ответственной за судьбу страны. Примерно с рубежа 1860/70-х годов в ее среде получает широкое распространение идеология народничества, претендующая на защиту интересов всех бедных слоев населения России.

Учитывая «печальный» опыт Западной Европы, допустившей появление у себя безземельного пролетариата и порабощение его капиталом, теоретики русского народничества, начиная с А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, доказывали возможность перехода страны к социалистическому строю, минуя все перипетии капитализма. В качестве «живой ячейки» желательной организации общественных отношений они рассматривали крестьянскую общину. Надо было только ее доразвить, устранив такие негативные стороны «мирской» жизни, как патриархальность и поглощение личности коллективом.

В 1870-е гг. в народническом движении преобладала идея крестьянской революции, как средства ускорения социального развития России. И революционные народники немало сделали для «настраивания» народа и общества против правительства, побуждая последнее к порой слишком суровым репрессиям против молодого поколения. Убийство народовольцами Александра II – последнего царя-реформатора – в тот самый день, когда он одобрил проект «конституции» М. Т. Лорис-Меликова, послужило, как известно, поводом для сворачивания правительственного курса на дальнейшие либеральные преобразования страны.

Однако не все сторонники доктрины русского «общинного» социализма становились революционерами и террористами. Даже в эпоху «Народной воли» гораздо больше было тех народников, кто стремился к улучшению положения народа посредством мирных реформ и культурно-просветительской деятельности в деревне. Историки-марксисты, по традиции называя этих народников «либеральными»^а, стремились доказать паллиативность и оппортунизм их программы преобразований. При этом, как правило, игнорировались позитивные ее стороны: обращенность к реальным нуждам народных масс, акцентирование внимания на культурных предпосылках социальных изменений в обществе, неприятие насилия как главной движущей силы прогресса и попыток немедленного разрушения обветшалого здания Российской империи. Лишь пересмотр прежнего отношения к эволюционному развитию общества в 90-е гг. XX века заставил исследователей отнести к их доктрине с большим пониманием и уважением.

Данная монография посвящена одному из видных представителей легального (не революционного) народничества 70–90-х годов XIX века Сергею Николаевичу Кривенко. Сегодня имя этого публициста и общественного деятеля известно только специалистам. Но в то время, когда он сотрудничал в «Отечественных записках», «Русском богатстве» и «Новом слове», его статьи пользовались широкой популярностью у передовой части русского общества.

^а По нашему мнению, термин «либеральное народничество» затемняет принципиальное различие между либералами и социалистами-народниками. Если первые стремились к приоритету свободы человеческой личности, то вторые, в конечном счете, пытались подчинить личность интересам коллектива. Поэтому более удачным представляется именование правого крыла народничества «легальным», т.е. действующим на законной почве.

Кривенко не принадлежал к идейным вождям той эпохи, подобно своему близкому другу Н. К. Михайловскому. Он не оставил после себя оригинальных обществоведческих трудов, способных перевернуть мирозерцание целого поколения молодежи. Его талант развивался в сфере деятельности более приземленной, хотя и не менее значимой, так как она была связана с напряженным поиском оптимальных путей разрешения самых злободневных вопросов русской жизни. По свидетельству современников, Кривенко обладал особым умением увязывать их решение с практической реализацией высших народнических идеалов, что придавало достижению последних характер общественно значимой программы. На разработку данной программы общественных преобразований и ее пропаганду писатель потратил всю свою жизнь, занимаясь этим даже тогда, когда народнические идеи утратили значительную часть прежнего обаяния. Может быть, как типичный представитель русской интеллигенции, как наиболее последовательный выразитель определенных идеалов и стремлений своего поколения, Кривенко представляет даже больший интерес, чем содержание отстаиваемого им варианта модернизации страны.

Впрочем, такое понимание значения общественной деятельности Кривенко еще надо доказать. Не потому, что он оказался обойденным вниманием исследователей. Это было бы весьма затруднительно из-за того следа, который оставил публицист в истории русской журналистики. Просто их двух принципиальных оценок его роли в общественной жизни пореформенной России в сложившейся историографической традиции доминирует та, которая ее в значительной степени умалает.

Историография темы. Первым биографом Кривенко был его хороший знакомый, тоже литератор, Е. Д. Максимов, писавший под псевдонимом М. Слобожанин². Сразу после смерти товарища он почтил его память небольшой заметкой, характеризующей Кривенко как одного из «последних могикан народничества шестидесятых годов». Максимов выражал надежду, что история литературы не забудет имени этого «замечательного журнального работника» и «кристально чистого человека» и оценит его вклад в дело осуществления вековых чаяний русского народа³. Однако появление статьи С. Н. Южакова⁴ и ряда других некрологов, с точки зрения Максимова грубо искажающих содержание и смысл деятельности Кривенко как представителя культурнического народничества, заставило его обратиться к более подробному изучению жизненного пути почившего литератора. Об-

ший замысел этой работы изложен в письме к А. Н. Куропаткину в октябре 1906 г.: «Из С. Н. Кривенко не выработалось крупного писателя, но он и не был мелкой сошкой в литературе, а русская журналистика обязана ему кое-чем весьма серьезно. Главное же в высоких душевных качествах его, в его жизни и деятельности ярко и определенно отразилось одно из тех направлений русской литературы и мысли, вообще, которые составляют в истории важную и почетную страницу. В этих именно видах я и пишу его биографию»⁵.

В поисках необходимых сведений Максимов обращается к личному архиву Кривенко, изучает его статьи, переписку с Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским, Н. В. Шелгуновым и др., собирает воспоминания родственников (его второй жены С. Е. Усовой, братьев Александра и Ивана Кривенковых) и ближайших сподвижников по литературной и общественной деятельности. Широко используются и собственные впечатления о Кривенко, с которым он часто общался последние 12 лет⁶.

В 1908 и 1910 г. Максимов публикует два больших очерка. В первом рассматриваются детские и юношеские годы будущего публициста, начало его о практической деятельности в борисоглебском кружке народников и кавказской земледельческой колонии 70-х гг. XIX в. На фоне господствующих в обществе идей и настроений исследуется формирование взглядов Кривенко и отличительные черты усвоенной и разрабатываемой им в дальнейшем народнической доктрины⁷. Второй очерк был посвящен сотрудничеству Кривенко в «Отечественных записках» и, в частности, вопросу о его взаимоотношениях с Г. З. Елисеевым и М. Е. Салтыковым-Щедриным⁸. Смысл обеих работ выражался их названием. Это попытка установить связь деятельности Кривенко с прогрессивными идейными течениями 1860–1870-х годов, доказать, что разрабатываемые им программа и тактика не имеют ничего общего ни с толстовством, ни с теорией «малых дел» Я. В. Абрамова, как это утверждали бывшие оппоненты Кривенко из редакции «Русского богатства».

По утверждению Максимова, Кривенко являлся выразителем так называемого «созидательного» (или морально-экономического) направления в народничестве. Его сторонники не отрицали необходимости для России радикальных социально-политических и экономических преобразований. В то же время подчеркивалось, что для их успеха требуются соответствующие материальные предпосылки в виде определенного уровня благосостояния населения и бытовых

учреждений, основанных на новых экономических принципах, а главное – люди, подготовленные (насколько это возможно при существующих условиях) к восприятию иной, более высокой культуры человеческого общежития. Вот почему деятельность Кривенко «обнимала всю жизнь, использовала все силы страны» (с правительством и интеллигенцией во главе) и рассчитывалась на целую эпоху до тех пор, пока народ не будет готов сам из своей среды произвести коренное общественное переустройство⁹. В конечном счете, это была «творческая переработка всего практически значимого в народничестве», включая «ортодоксальное» народничество В. П. Воронцова, «критическое» Н. К. Михайловского и «государственное» И. И. Каблицы, с целью выявления конкретных путей к осуществлению народных идеалов (или по крайней мере их части) в условиях русской действительности того времени. Недаром так много внимания уделено в очерках работам Кривенко о физическом труде, народных артелях, о развитии в стране кооперативного движения и их роли в воспитании нового человека и постепенном (эволюционном) устранении негативных сторон существующего порядка.

С нашей точки зрения, Максимов внес самый большой вклад в изучение Кривенко как писателя и человека. Больше так серьезно и глубоко им никто не занимался. Вместе с тем созданный Максимовым образ деятеля народнического движения не во всем может быть признан историческим. Кривенко у него скорее напоминает «икону, сорвавшуюся со стены» (как года-то в шутку называл его Михайловский), воплощение самых лучших качеств борца за народное дело, а не реального человека со своими слабостями, ошибками и заблуждениями. Впрочем, Максимов и не собирался сознательно делать из него героя или праведника. Все объясняется тем, что, представляя Кривенко в качестве одного из творцов пути к общечеловеческому счастью, Максимов, по сути дела, использует его народническое прошлое для пропаганды собственной культурнической программы¹⁰. Это быстро заметила критика: «Скучный очерк Слобожанина о сотрудничестве... “Отечественных записок” С. Н. Кривенко, – пишет А. С. Изгоев, – кажется еще скучнее. Две-три характерные черточки из жизни интеллигентного и мелкопоместного “кающегося дворянина” 70-х годов тонут в море философско-социалистической воды, на которую не покупился г. Слобожанин»¹¹.

Тем не менее, приходится только сожалеть, что работа Максимова над биографией Кривенко ограничилась рубежом 80–90-х гг. XIX в.

Закончить задуманную им книгу помешала литературная душеприказчица писателя С. Е. Усова. Не согласная с тем, как свободно трактовалось положение ее мужа в литературе, она изъяла у Максимова предоставленные ему ранее материалы, намекнув, что опровергать инсинуации против Кривенко и изгладить дурное впечатление о нем можно только человеку с талантом, а иначе не стоит и браться за это дело. Максимова оставалось лишь сетовать на недостаточную чуткость к нему – «единственному писателю, взявшему на себя выяснить литературное и общественное значение забытого деятеля, сыгравшего, по его мнению (тоже пока единственному), историческую роль»¹².

В 1911 году из печати вышли составленные Усовой два тома собрания сочинений Кривенко. Они включали работы, написанные им в 1873–1883 гг. для журнала «Отечественные записки» и ранее не доступные широкой читающей публике. Вступительную статью подготовил начинающий историк литературы и общественного движения Е. Е. Колосов. Это уже не было описанием биографии Кривенко, по замечанию издательницы, «слишком тесно связанной со многими явлениями общественной жизни, еще не подлежащими суду истории». В статье рассматривались взгляды Кривенко на земельный вопрос, отстаиваемые им меры борьбы с развитием в стране «промышленной эксплуатации и торгового капитализма». Автор доказывал широту и радикализм экономической программы публициста, основанной на отрицании «священного и неприкосновенного» принципа частной собственности. По наблюдению Колосова, она мало чем отличалась от общепринятой народнической программы обобществления земли и промышленного производства. Разве что сотрудники легальных «Отечественных записок» отстаивали необходимость государственного вмешательства в урегулирование положения рабочих классов¹³.

Вообще в определении оригинальности Кривенко как общественного мыслителя Колосов очень осторожен. Главную заслугу публициста он видел в практическом выражении в литературе и в жизни тех демократических идей, которые преобладали в русском обществе в конце 1860-х – начале 1880-х гг. Развивая эту точку зрения, Колосов впервые анализирует политическую программу Кривенко, выделяя в ней требование создания новых форм государственной жизни, появившееся у него в связи с общей политизацией русского народничества¹⁴. Завершая свою характеристику Кривенко как радикального народника 1870-х годов, Колосов хотел обязательно показать логический конец его идейной эволюции – участие в деятельности поздних

народовольцев^a. Однако редактировавшая рукопись Усова посчитала нужным отгородить Кривенко от революционного подполья, так как связи с ним «искажали» его действительный облик. При этом был изъят список народовольческих работ Кривенко, а сама статья «так изменена, что появилась без подписи автора»¹⁶.

Следующей работой о Кривенко явилась рецензия на его собрание сочинений Н. Ракитникова, представляющая собой краткий обзор народнических воззрений одного из наиболее популярных, по словам автора, сотрудников «Отечественных записок». Вслед за Колосовым Ракитников признает статьи Кривенко очень характерными для социалистического направления, выразителем которого, несмотря на строжайшую цензуру, были «Отечественные записки». Особенно импонировала рецензенту постановка в них вопроса о необходимости для России такого порядка, при котором «мы на жизнь и права обывательские станем смотреть несколько лучше, чем на овечьи права и жизнь» и «овца получит право бляеть о своих нуждах и хоть таким образом протестовать». Ракитников сожалеет, что порядок этот не завоеван до сих пор и, как бы в упрек писаниям Кривенко 1890-х годов, заявляет, что русский народ очень долго не получит того, о чем мечтает, «пока культурное творчество возносится над политикой»¹⁷.

Из досоветской литературы о Кривенко необходимо еще назвать две справочно-биографические статьи. Первая из них появилась в 25 томе «Энциклопедического словаря Гранат» (СПб., 1913). Она интересна общей оценкой идейной позиции Кривенко. Ее автор А. Н. Максимовым признает положение писателя в народническом лагере обособленным, но более близким к его правому крылу, так как «мотивы нравственные и культурные» преобладали в трудах Кривенко «над мотивами политическими и социальными». Другая статья предназначалась для «Критико-биографического словаря русских писателей», но не была опубликована и хранится в архиве А. С. Венгерова¹⁸. Автор ее не указан, но, судя по подбору материала и его литературному изложению, им мог быть только один человек — Е. Д. Максимов. Есть сведения, что он продолжал заниматься историей

^a Предшественник Е. Е. Колосова Е. Д. Максимов принципиально обошел этот вопрос стороной. Поскольку «русский народ глубоко мирный народ», а «революция противна всему складу его характера и всем течениям его жизни», то, по мнению Максимова, и С. Н. Кривенко, черпающий свои идеалы из источника народной мудрости, «не увлекся этим порывом, остался верен эволюционному пути, строго основанному на народничестве»¹⁵.

жизни Кривенко и после 1910 г. На сегодня это самая полная биография писателя, к тому же снабженная подробным перечнем его произведений.

Говоря в целом о первом десятилетии изучения творческого наследия Кривенко, можно отметить, что, несмотря на сравнительно небольшое количество исследовательских работ, именно в эти годы было собрано, обобщено и большей частью опубликовано $\frac{2}{3}$ того, что нам сегодня известно о жизни и общественной деятельности этого человека.

Искусственную завесу над пока еще малоисследованными страницами политической биографии Кривенко приоткрыл октябрьский переворот 1917 г. В 20–30-е годы, получив доступ в архив Цензурного комитета, известный литературовед В. Е. Евгеньев-Максимов (сын Е. Д. Максимова) публикует серию работ по истории социалистической журналистики. В них в более суровых, чем прежде, тонах показывается тяжесть положения легального журналиста при царском режиме. Как непросто было Кривенко не заслужить упрека в умеренности, когда цензура безжалостно изымала его статьи из «Отечественных записок», «Слова», «Русского богатства», если он пытался высказать свои политические убеждения открыто¹⁹.

Малоизученной истории артельных народнических журналов «Русское богатство» (1880–1881) и «Устой» (1881–1882) в начале 30-х гг. посвятил свои статьи историк Б. П. Козьмин. Следуя мемуарной традиции, идущей от А. М. Скабичевского и Н. С. Русанова, он рассматривал их как литературные детища Кривенко, приложившего немало усилий для устройства ассоциаций подобного рода. Причины пристрастия писателя к артельным началам Козьмин объяснял его типично народническими взглядами на особенности русской культуры и экономического строя жизни²⁰. В те же годы вместе с публикацией воспоминаний активных участников движения революционного народничества вскрываются подробности участия Кривенко в деятельности петербургского центра партии «Народная воля». Интересно, что в подстрочных комментариях к ним писатель нередко именовался народовольцем²¹. Утверждению этого мнения в немалой степени способствовало появление книги Е. Колосова «Народовольческая журналистика» (М., 1930), с составленным им перечнем нелегальных статей Кривенко.

Вскоре имя Кривенко попало в многотомный словарь «Деятели революционного движения в России». Статью подготовил, вероятно,

И. И. Попов, лично знакомый с писателем по своему народовольческому прошлому²². Поскольку издание было биобиблиографическим, здесь впервые указывалась основная документально-мемуарная, исследовательская и справочная литература о Кривенко (около 100 названий за 1884–1933 гг.). Главное же достоинство статьи в широком использовании в ней материалов Министерства юстиции и Департамента полиции Министерства внутренних дел. Это позволило автору не только обобщить уже известные факты «активной революционной работы» Кривенко, но и уточнить дату его ареста, содержание дознания и обвинительного приговора, сохранение за ним длительного негласного надзора и т.д.²³

Еще одним завоеванием нового порядка стала реанимация ленинских работ периода полемики народников и марксистов и связанных с ней документов и материалов. Выходя из-под пера идейных противников правого народничества, они представляли Кривенко как типичного «культурщика» – пассивного идеализатора деревни и крестьянства, чуждого по своей натуре политической борьбы и склонного к толстовству. Сам В. И. Ленин в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» заклеил Кривенко как оппортуниста и реакционера, своей программой мирного социального реформаторства «играющего на руку» помещикам, буржуазии и полицейско-бюрократическому абсолютизму. В исторической литературе одним из первых проводников этой позиции был известный русский марксист И. А. Теодорович²⁴.

Конечно, до тех пор, пока столь противоречивые оценки Кривенко (революционер–реакционер) сосуществовали, данный «плюрализм» мнений был естественным и, в некоторой степени, полезным. Ведь вдумчивый читатель хорошо знал, что истину следовало искать между двумя крайностями, которые сами по себе искажали реальную картину. Но время плюрализма вскоре прошло, вместе с утверждением ленинской концепции освободительного движения в России. В отношении Кривенко эту метаморфозу легко проследить по двум изданиям главного справочника страны – Большой Советской Энциклопедии. Если в 1937 г. о нем еще можно было прочитать как о публицисте-народнике, сотруднике «Отечественных записок» и ряда народнических изданий 1890-х годов, в 1884 г. за близость к народовольцам подвергнутого аресту и высылке в Сибирь, то во втором издании (1953 г.) биография Кривенко начинается прямо с 90-х гг. XIX в. На этот раз он предстает перед нами «либеральным» народником,

идеологом кулачества, проповедником примирения с царизмом, врагом русских марксистов, с которыми Кривенко полемизировал, будучи сотрудником журнала «Русское богатство». Символично, что даже дата смерти публициста указана неверно (1907 г. вместо 1906 г.).

В 50-е годы оценки Кривенко, представленные в ленинских работах 1890-х годов прошлого века, постепенно распространяются и на время его сотрудничества в «Отечественных записках». Усилиями нового поколения литературоведов искусственно раздуваются идейные противоречия между «революционным демократом» М. Е. Салтыковым-Щедриным и народнической частью редакции журнала во главе с Г. З. Елисеевым и Н. К. Михайловским. Оказывается, Кривенко уже тогда проникся духом оппортунизма и проповедовал теорию «малых дел», на которые ориентировались местная администрация и земство²⁵. В подтверждение обычно приводилось одно из писем Щедрина к Михайловскому, где он доказывал, что «пора бы “Внутренние обозрения” поставить на почву общечеловеческую, а не исключительно крестьянскую»²⁶.

В качестве образца новой критической ориентации назовем еще работы В. Я. Кирпотина, утверждающего, например, «что законченных либеральных народников Салтыков-Щедрин презирал, потому что реакционную мелкособственническую утопию они соединяли с политической трусостью и угодничеством перед самодержавием»²⁷. Что же касается занятий Кривенко революционной публицистикой, то к тому времени стали уже широко известны его собственноручные следственные показания с отречением от нелегальной деятельности по подробно изложенным идейным убеждениям. Вывод напрашивался сам собой: этот человек никогда народовольцем не был.

Пересмотр заведомо схематичных и односторонне-отрицательных оценок деятельности Кривенко наметился только с конца 50-х годов в русле общего изменения отношения к народничеству. Из новых веяний, прежде всего, отметим статью С. Н. Валка «Кривенко в нелегальной литературе». Валк стал первым советским историком, собравшим вместе основные сведения о революционной деятельности публициста, включая редактирование им «Листка "Народной воли"» и написание брошюр программного характера, где Кривенко выступил «как партийный публицист, как народоволец». Ключ к пониманию причин обращения писателя к подпольному печатному станку Валк искал в наметившемся (в условиях распада лагеря революционных народников) сближении умеренных народовольцев и либералов²⁸. В

дальнейшем роль Кривенко в судьбе позднейших народовольцев рассматривалась в работах С. С. Волка и Л. Т. Сенчаковой²⁹, после чего взгляд на него как на деятельного члена «Народной воли» начала 1880-х гг. становится господствующим.

Одновременно уточняются ленинские оценки тех, кто «двигал» «Отечественные записки». Так, М. В. Теплинский высказывает предположение, что, критикуя ведущих народнических публицистов (Елисеев, Воронцов, Михайловский, Южаков, Кривенко), В. И. Ленин обращал внимание не столько на их реальную практику в журнале, сколько на их дальнейшую эволюцию³⁰. Признается, что и у Кривенко можно найти ряд статей, проникнутых революционно-демократическим протестом против господствующего строя³¹. В первую очередь извлекалась из небытия его статья «Новые всходы на народной ниве»³², названная Лениным «profession de foi» (исповеданием веры) старого русского народничества. Как выяснил в свое время Колосов, Ленин не знал, кто был ее анонимный автор, считая им Елисеева. В 1958 г. статья, ввиду особого значения для анализа экономического содержания народничества, переиздается в специальном сборнике вместе с подстрочными ленинскими комментариями. Правда, пока без точного указания автора (С. Н. Кривенко или Г. З. Елисеев)³³.

Изменение отношения к народникам «Отечественных записок» способствовало более подробному изучению и других статей Кривенко в этом журнале. В 60–70-х гг. исследуются взгляды публициста на вопросы народного благосостояния и гражданского устройства (Н. П. Емельянов), пути развития народного просвещения (В. В. Прозоров), решение рабочего вопроса (М. М. Персиков) и вопроса об интеллигенции и ее роли в обществе (Б. П. Балувев)³⁴. Привлекали внимание ученых и педагогические взгляды писателя, чьи работы о роли физического труда в воспитании подрастающего поколения стояли у истоков политехнической школы и тем самым оставили след в истории русской педагогики³⁵.

Не осталось без внимания и участие Кривенко в журналах 1890-х годов («Северный вестник», «Русское богатство», «Новое слово»)³⁶. Самой значительной работой, затрагивающей его идейное творчество этих лет, явилась монография В. Г. Хороса «Народническая идеология и марксизм». Это была одна из первых попыток изучения содержательной стороны идеологии позднего народничества без утрированных обвинений в реакционности и сознательном затушевывании

эксплуатации трудящихся. Излагается здесь и кривенковская программа построения новой России, основанная на совместной деятельности «трех китов» – общины, земства и государства³⁷. Однако нельзя сказать, чтобы автор стремился передать позицию Кривенко в соответствии с его пониманием сути происходящих в стране процессов. Над Хоросом, как и другими исследователями, по-прежнему довлела ленинская интерпретация взглядов правого народничества. Очевидно, при таком предвзятом и заведомо избирательном подходе преобразовательный план Кривенко лишился и внутренней логики, и какой-либо привлекательности (к чему, собственно говоря, и стремилась господствующая в науке марксистско-ленинская идеология).

Таким образом, в 60–70-х гг. XX века в ходе разработки частных вопросов жизни и деятельности Кривенко четко обозначились два периода его политической биографии: 1870 – середина 1880-х гг. – время принадлежности публициста к радикальной части русской народнической интеллигенции и 1890-е гг., когда в силу общего упадка народничества и собственной внутренней эволюции он превратился в поборника «кротких начал либерализма». В 1973 г. «реабилитация» Кривенко как разработчика программы и тактики народничества 1870 – начала 1880-х гг. была зафиксирована в последнем издании Большой советской энциклопедии, а еще раньше в «Истории философии в СССР»³⁸.

Переходным этапом от советской к современной историографии легального народничества стали 80-е – начало 90-х гг. В это время, наконец, появляются первые серьезные исследования, посвященные теоретикам его правого крыла (Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский и др.³⁹), к которому традиционно причислялся и Кривенко^a. В работах В. И. Харламова, Т. М. Канаевой, В. В. Зверева⁴¹ впервые за многие десятилетия отмечаются позитивные стороны культурнической программы общественных преобразований. Наряду с критикой социальной философии народников-реформистов, подтверждается близость их взглядов к идеям просветителей 1860-х гг., поскольку формирование доктрины правого народнической началось именно в это время, а не в 1880-е гг., как считалось ранее.

^a О самом С. Н. Кривенко в 1980-е гг. годы писали мало. Пока все ограничивалось констатацией необходимости специального исследования его общественно-политического пути и особенностей развиваемого им течения народнической мысли⁴⁰.

Возрастание исследовательского интереса к идейному наследию правого народничества, как течению оппозиционному марксизму, способствовало появлению в середине 90-х гг. первых обобщающих трудов о нем Б. П. Балугева и В. В. Зверева.

Монография Балугева является выражением классового подхода к изучению легального народничества, но уже очищенного от свойственной марксистской историографии очернительной тенденции в оценках взглядов его идеологов. По убеждению ученого, всех правых народников (от Каблицы до Михайловского) роднят такие типологические черты, как «осознанная отстраненность» от подпольных и тем более террористических методов борьбы, вполне лояльное отношение к «малым делам» и, наконец, апелляция к властям по поводу сохранения общинных устоев в деревне. Поэтому он не считал возможным отказываться от традиционного именованя этих народников «либеральными»⁴². Кривенко Балугев посвящает около 15 страниц текста, сообщая много интересных подробностей из его журналистской деятельности в 1890-е гг. Но эволюция взглядов публициста после поражения народолюбцев преподносится им в духе марксистской парадигмы, т.е. как их постепенная либерализация⁴³.

Новый подход к пониманию истоков и сущности правого народничества, как идеологии самобытной (некапиталистической) модернизации страны, получил обоснование в докторской диссертации Зверева. Анализируя состав идейных течений «реформаторского народничества», исследователь выделяет адептов культурнической деятельности (Червинский, Каблицы, Абрамов, Воронцов и Кривенко) и сторонников социалистического выбора (народники-политики во главе с Михайловским). По убеждению Зверева, в их противостоянии друг другу отчетливо проявились два различных подхода у народников 1880–1890-х гг., как в оценке общего состояния российского общества, так и возможных перспектив его развития в будущем: «или приспособление к новым условиям существования (к капитализму. – Г. М.), или политическое реформирование страны с ориентацией на социалистический идеал»⁴⁴. Иначе говоря, Зверев исключил Кривенко, как типичного культурника, из числа продолжателей традиции «русского социализма». Заметим, что большинство историков народничества пока не разделяет данную точку зрения, хотя она получила отражение во многих современных справочных изданиях⁴⁵.

В последующие годы молодое поколение исследователей окончательно отказалось от толкования истории правого народничества как

«отрыжки» (результата перерождения) революционных доктрин 1870-х – начала 1880-х гг. Легальное народничество – это самостоятельное направление народнической мысли со своими специфическими общественными задачами, стратегией и тактикой общественных преобразований. Оно зародилось в 1860-е гг. и развивалось параллельно с революционным народничеством, возобладав над ним в так называемую эпоху «малых дел» (царствование Александра III).

В конце XX и в первое десятилетие нового века по идеологии и истории легального народничества были защищены диссертации Д. Д. Жвании, И. А. Гордеевой, С. Н. Касторного, Б. Б. Сажина, В. В. Блохина и автора данной работы, в которых затрагивались различные аспекты экономических и общественно-политических воззрений Кривенко (прежде всего, по проблеме русской интеллигенции и ее программы модернизации страны)⁴⁶.

В 2006 г. под эгидой Института экономики РАН опубликованы тексты трудов Кривенко по теории и практики кооперации в пореформенной России⁴⁷.

Важным подспорьем к изучению общественной и литературной деятельности народника явились статьи о нем в современных российских энциклопедиях⁴⁸.

Говоря о степени разработанности рассматриваемой темы в целом можно сделать следующие выводы.

Первое, что бросается в глаза, это неравномерность изученности основных сторон жизнедеятельности Кривенко. Достаточно подробно известно о его принадлежности к тамбовскому (борисоглебскому) кружку и артельным опытам народников на Кавказе; о сотрудничестве писателя в «Отечественных записках», артельных журналах начала 1880-х годов, «Русском богатстве» и «Новом слове»; о его взаимоотношениях с революционным подпольем; участии в полемике с марксистами. Правда, и здесь остается целый ряд вопросов, продолжающих вызывать сомнения и споры. Например, обстоятельства прекращения учебы Кривенко в С.-Петербургском технологическом институте (возможное участие в студенческих волнениях конца 1860-х – начала 1870-х гг.); его положение в редакции «Отечественных записок»; почему именно этот легальный публицист становится членом петербургской группы народолюбцев; поведение Кривенко во время следствия; причины раскола «Русского богатства» (в 1881 и 1895 г.); роль писателя в истории с продажей народнического «Нового слова» марксистам и т.д. Практически не освещено трехлетнее пребывание

Кривенко в административной ссылке и его деятельность до вторичного приобретения «Русского богатства» (начало 1892 г.)⁴⁹. Заметим, что вторая половина 1880-х и 1890-е годы в жизни Кривенко изучены гораздо слабее, чем 1870-е и начало 1880-х гг. В наибольшей мере это относится к сотрудничеству публициста в газете «Сын отечества» (1897–1900), на страницах которой велась оживленная полемика с противниками народнического направления.

Относительно общественных воззрений Кривенко приходится констатировать отсутствие в литературе их развернутого изложения. Все попытки сделать это принадлежат дореволюционным биографам писателя (Максимову и Колосову). В дальнейшем исследователи ограничивались передачей отдельных цитат из его произведений, чаще всего вырванных из общего контекста. Исключение составляют разве что педагогические взгляды Кривенко⁵⁰. Позиция публициста по вопросу об общине, земстве, народе, бюрократии, обществе, о культурной работе, его отношении к политике и существующим общественным условиям, постановка им проблемы подготовки социальной базы радикальных реформ и необходимости объединения общественных сил во имя культурно-исторической задачи – специально не изучались. В результате в исторической литературе продолжает господствовать убеждение, что, скажем, кривенковская программа борьбы с капитализмом сводилась преимущественно к укреплению общины и артели (как главного препятствия на пути развития крупной промышленности), а решение аграрного вопроса не к интенсификации способа сельскохозяйственного производства, а к устранению проблемы крестьянского малоземелья. «Культурничество» Кривенко по-прежнему отождествляется с «теорией малых дел»^a, а неприятие насильственного пути изменения социального строя сводится к недооценке им значения политических преобразований и даже примирению с самодержавием.

Разумеется, перечисленные выше недостатки не умаляют заслуг наших предшественников при разработке множества других вопросов, связанных с именем Кривенко. Без накопленного ими материала написать более или менее подробную биографию этого видного народнического публициста было бы делом весьма затруднительным.

^a Термин «культурничество» введен в оборот русскими марксистами в середине 90-х гг. XIX в. как раз для обозначения правого течения народнической мысли – сторонников теории «малых дел», выступавших за культурно-просветительскую работу в массах в отрыве от политики⁵¹.

Авторский подход к изучению темы основывается на трех ключевых положениях:

- интерпретация русского народничества как особого типа интеллигентского (общественного, наднационального) сознания. Его главные черты (нацеленность на развитие, наивный рационализм, примат общего над частным) позволяют локализовать народничество как симбиоз традиционного (религиозного) и современного (рационалистического) типа мышления. Причины возникновения феномена отечественной интеллигенции и народничества связываются нами с ускоренной модернизацией России в XIX – начале XX вв.;

- выделение в легальном народничестве не только левого (Н. К. Михайловский) и правого (И. И. Каблиц) флангов, но и так называемого среднего течения (С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов), представители которого доказывали необходимость консолидации сторонников политического реформирования России и защитников «малых дел» на основе центристской теории «органической культурной работы»;

- признание важнейшим итогом идейной эволюции легального народничества в 70–90-е гг. XIX в. учения о необходимости создания социокультурных предпосылок для обновления социального и политического строя России на основе совместной работы народа, власти и общества. Это позволяет сделать вывод о том, что «культурничество» – существенный шаг вперед по пути преодоления противоречий между социальной и политической концепциями общественных преобразований и выработки нового (надпартийного) типа мышления и действия⁵².

Основными *источниками* для написания работы послужили сочинения Кривенко. За 30 лет своей писательской деятельности он сотрудничал примерно в двух десятках газет и журналов (опубликовано не менее 230 статей). К сожалению, из-за привычки Кривенко не указывать своего авторства некоторые его работы до сих пор остаются неизвестными. Самыми значительными трудами писателя являются книги «Физический труд как необходимый элемент образования» (СПб., 1879; 1887) и «На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки» (СПб., 1895; 1901). Кроме того, привлекаются публицистические статьи и рецензии наиболее известных современников Кривенко из числа, как сторонников, так и противников народнического направления (А. И. Богданович, В. П. Воронцов, Н. К. Михайловский, А. Н. Пыпин, В. С. Соловьев, Л. А. Тихомиров, Н. А. Энгельгардт и др.). Poleмика между ними позволяет выявить особенности народнических воззрений публициста.

Вторая категория источников – воспоминания, дневники и автобиографии. Прежде всего, к ним относятся литературные воспоминания самого Кривенко о И. С. Тургеневе, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Г. З. Елисееве и др. Для воссоздания облика Кривенко как писателя, общественного деятеля и человека существенное значение имеют мемуары Н. С. Русанова, А. М. Скабичевского, И. И. Попова, Н. Я. Николадзе, Э. К. Пименовой, В. Я. Поссе, Д. А. Перелешина, В. Е. Евгеньева-Максимова. Заметим, что многие из них ранее использовались в недостаточной степени или не привлекались совсем.

Ценным источником является личная и деловая переписка С. Н. Кривенко с Н. К. Михайловским, С. Е. Усовой, Я. В. Абрамовым, Н. Ф. Даниельсоном, В. А. Гольцевым, С. Н. Шубинским и др., хранящаяся в личном архиве Кривенко в РГАЛИ (Ф. 2173), РО РНБ, РО ИРЛИ и ОР РГБ. Используются также письма М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Г. З. Елисеева, А. И. Иванчина-Писарева, Н. Ф. Бажина, А. И. Эртеля, не адресованные Кривенко, но запечатлевшие многие важные подробности из его жизни.

Первостепенное значение для написания политической биографии Кривенко имеет дело «Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др.», отложившееся в фонде Министерства юстиции РГИА. Оно содержит краткий обзор материалов предварительного следствия по делу о принадлежности народнического писателя к Исполнительному комитету «Народной воли». В частности, здесь приводятся выдержки из показаний Кривенко в Доме предварительного заключения. Часть сведений об общественной и литературной деятельности публициста почерпнута из фонда № 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел) ГАРФ. Особый интерес представляет дело «О дворянине С. Н. Кривенко». В нем зафиксированы данные негласного полицейского надзора за Кривенко с 1889 по 1903 гг.

Перед настоящим исследованием поставлены следующие *задачи*:

- описание основных этапов политической биографии Кривенко, характеристика его как общественного деятеля и человека;
- анализ идейного наследия Кривенко, его взглядов на ключевые вопросы пореформенной жизни России (развитие капитализма, судьбы крестьянства, взаимоотношения власти и общества и т.д.), отстаиваемой им программы и тактики общественных преобразований, а также исходных положений его теории «органической культурной работы»;
- определение места и роли публициста в развитии общественного движения и общественной мысли в России последней трети XIX в.

Монография состоит из 3-х глав соответственно трем периодам жизни и деятельности Кривенко. Рубежами между ними условно приняты 1878–1879 годы, когда наступил перелом в отношении публициста к политике, и 1888 год – время возвращения Кривенко из ссылки. При этом 1880-е годы впервые выделяются в качестве самостоятельного этапа его политической биографии. Второй особенностью структуры работы является рассмотрение взглядов Кривенко не отдельно, а в контексте его общественной деятельности. Это позволяет избежать возможных повторений, поскольку основная деятельность Кривенко сводилась к внедрению в общественное сознание идей, составляющих его собственное «духовное отечество», и, что еще более важно, лучше проследить его внутреннюю эволюцию. Вместе с тем, в каждой главе выделяется специальный параграф, целиком посвященный характеристике одной из сторон народнической доктрины публициста.

Данная работа основана на материалах кандидатской диссертации об общественно-политической деятельности С. Н. Кривенко, защищенной автором в 1995 г. и опубликованной в виде монографии⁵³. В настоящем издании расширен историографический обзор, добавлены и обновлены сноски на источники и литературу, внесены коррективы в трактовку взглядов и деятельности ряда соратников Кривенко по народническому лагерю (В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов, Н. К. Михайловский и др.).

П р и м е ч а н и я

¹ Подробнее см.: *Коцонис Янни*. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006.

² Об авторе см.: *Прокопенко З. Т.* Е. Д. Максимов-Слобожанин и В. Е. Евгеньев-Максимов. Из истории российской науки. Белгород, 2002.

³ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* С. Н. Кривенко // *Наша жизнь*. 1906. № 465. 7 июня.

⁴ *Южаков С. Н.* Памяти С. Н. Кривенко // *Рус. богатство*. 1906. № 7.

⁵ Письмо Е. Д. Максимова к А. Н. Куропаткину. 16 октября 1906 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

⁶ Большая часть собранных Е. Д. Максимовым материалов хранится в его личном фонде в РО РНБ (Ф. 1029. 121 ед. хр.).

⁷ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // *Минувшие годы*. 1908. № 1, 3, 5.

⁸ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Из истории созидательного народничества (Черты из журнальной деятельности С. Н. Кривенко // *Жизнь для всех*. 1910. № 7, 8–9, 11.

⁹ [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 5–6. С. 283, 293, 294.

¹⁰ См.: На культурной работе. Очерки и воспоминания М. Слобожанина. СПб., 1907; [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Культурная работа // Слово. 1908. № 665; 1909. № 696, 746, 773, 802.

¹¹ Изгоев А. С. Литературно-общественный дневник. Люди 70-х годов // Речь. 1908. № 29. 3 февраля.

¹² Письмо Е. Д. Максимова к С. Е. Усовой. Сентябрь 1910 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

¹³ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов // Кривенко С. Н. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. XXXVIII.

¹⁴ Там же. С. XXIV–XXVI.

¹⁵ Максимов Е. Д. Планы работы о С. Н. Кривенко. 1900-е годы. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об.

¹⁶ См.: [Колосов Е. Е.] Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 29. Первоначальный вариант статьи хранится: РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 334.

¹⁷ Ракитников Н. Собрание сочинений С. Н. Кривенко // Заветы. 1912. № 9. С. 205–209.

¹⁸ [Максимов Е. Д.] Биография С. Н. Кривенко. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Д. 1939. Описание материалов о С. Н. Кривенко см.: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель. СПб., 2001. Т. 1. С. 539.

¹⁹ Евгеньев-Максимов В. Е. В тисках реакции. К столетию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1926; Он же. Очерки по истории социалистической журналистики. XIX век. М.; Л., 1927; Он же. Судьбы журнала «Слова» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930.

²⁰ Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1930.

²¹ См.: Народовольцы после 1-го марта 1881 г. М., 1928. С. 178; Русанов Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 324, 343; Шебалин М. П. Ключки воспоминаний. М., 1935. С. 383.

²² В личном фонде И. И. Попова сохранился набросок биографического очерка о С. Н. Кривенко для упомянутого словаря, датированный 1930 годом. – РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 71. Л. 41.

²³ Часть третьего тома словаря «Деятели революционного движения в России» со статьей о С. Н. Кривенко (С. 439–443) не была опубликована. Ее гранки, верстка и рукопись хранятся в справочно-библиографическом отделе Государственной исторической библиотеки России.

²⁴ См.: Каторга и ссылка. 1929. № 3, 8–9; 1930. № 3; 1932. № 1.

²⁵ Эльсберг Я. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1953. С. 524; Ср.: Папковский Б. М. М. Е. Салтыков (Щедрин) в борьбе с народниками // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1948. Т. 8. Вып. 5. С. 445.

²⁶ Макашин С. А. С. Н. Кривенко // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 224.

²⁷ Кирпотин В. Я. М. Е. Салтыков-Щедрин. М., 1955. С. 426.

²⁸ Валк С. Н. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 253–261.

²⁹ Волк С. С. «Народная воля». 1879–1882. М.; Л., 1966; Сенчакова Л. Т. «Народная воля» в первой половине 80-х годов (1881–1884): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967; Она же. На похоронах И. С. Тургенева // Ист. СССР. 1968. № 5.

³⁰ Теплинский М. В. О народничестве «Отечественных записок» // Рус. литература. 1964. № 2. С. 59.

³¹ Эльсберг Я. Упрощенные решения (ответ А. Белкину) // Вопр. литературы. 1960. № 2. С. 135.

³² [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве // Отечеств. записки. 1879. № 2.

³³ См.: Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 660. Комментарии взяты из работы В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.).

³⁴ Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова (1868–1877). Л., 1977; Прозоров В. В. «Отечественные записки» и проблема демократического читателя // Освободительное движение в России. 1975. Вып. 5; Персииков М. М. Рабочий вопрос в «Отечественных записках» 1863–1884 годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970; Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971.

³⁵ Кириллов М. К. К вопросу о педагогических взглядах С. Н. Кривенко (1847–1907) // Сов. педагогика. 1964. № 1. С. 105.

³⁶ Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник» // Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та. 1970. Т. 59; Хорос В. Г. «Русское богатство» в середине 90-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1967. № 6; Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народничество 90-х годов (Писатель в журнале «Новое слово») // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1969. Вып. 7.

³⁷ Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. С. 81–84, 104–105.

³⁸ Пустарнаков В. Ф. С. Н. Кривенко // История философии в СССР: в 5 т. М., 1968. Т. 3. С. 287–288.

³⁹ Харламов В. И. Из истории либерального народничества России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы (Юзова): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1980; Фирсов В. М. Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Васильева Т. А. Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Книгин И. А. Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. Саратов, 1992.

⁴⁰ См.: Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 114.

⁴¹ *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы // Наше Отечество (Опыт политической истории). М., 1991. С. 189.

⁴² *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 55, 78, 258–259.

⁴³ Там же. С. 103.

⁴⁴ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 363–365.

⁴⁵ См., напр.: *Зверев В. В.* Народничество // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века.* Энциклопедия. М., 2005. С. 327.

⁴⁶ См.: *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Гордеева И. А.* Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002; *Сажин Б. Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2006; *Мокшин Г. Н.* Идеальная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2010.

⁴⁷ См.: *Кооперация. Страницы истории.* М., 2006. Т. 1. Кн. 3. Ч. 1. С. 45–128 (предисловие и комментарии Г. Н. Мокшина).

⁴⁸ См.: *Русские писатели. 1800–1917.* М., 1994. Т. 3. С. 153–155; *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия.* М., 2000. Т. 3. С. 153–154; *Общественная мысль России XVIII – начала XX века.* С. 237–238.

⁴⁹ О ссылке С. Н. Кривенко в Сибирь упоминается лишь в канд. дис. Л. П. Роцевской «Политические ссыльные 70–80-х годов в Тобольской губернии» (М., 1970) и то с фактическими ошибками.

⁵⁰ *Познанский Н.* К истории трудового воспитания в дореволюционной России // *Учен. зап. Саратовск. ун-та.* 1925. Т. 3. Вып. 3; Остальную литературу см.: *Кириллов М. К.* Указ. соч. С. 113.

⁵¹ См.: *Общественная мысль России XVIII – начала XX века.* С. 241, 269.

⁵² Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации русской интеллигенции // *Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя.* М., 2003; *Он же.* Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // *Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени: Сб. ст.* Воронеж, 2005; *Он же.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 281–290.

⁵³ *Мокшин Г. Н.* Общественно-политические взгляды и деятельность С. Н. Кривенко (1847–1906): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1995; *Он же.* С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Н. КРИВЕНКО

*

Сергей Николаевич Кривенко принадлежал к первому поколению русских народников. Основы его мирозерцания закладывались в 60-е годы XIX в. – время великих перемен в общественной жизни страны. Личное освобождение крестьян, реформа местного самоуправления и суда порвали «крепостнические узы», связывавшие «культурного человека» с народом, призвав последнего к жизни в качестве самостоятельного гражданского лица. Отныне «все, кому дороги судьбы и интересы русского государства и народа, очень хорошо знают и понимают, – писал о пореформенном времени К. Д. Кавелин, – что от экономического, умственного и нравственного состояния ⁴/₅ народонаселения зависит весь наш быт. В каком положении находятся крестьяне, в таком положении будут и образованные классы»¹.

Изменение точки зрения на «мужика», в котором, наконец-то увидели человека, а также созданная реформами особая атмосфера ожидания всестороннего обновления «мрачной русской жизни», подготовили благоприятную почву для распространения в обществе народнических идей, веры в возможность быстрого возрождения России, опираясь на самобытные народные устои. Только в крестьянской общине, полагали последователи этого вероучения, мог еще сохраниться подлинный русский дух и лучшие национальные традиции, утраченные представителями высших сословий. И уже в 1861 году А. И. Герцен – один из духовных отцов теории русского (крестьянского) социализма – призвал образованную молодежь оставить занятия науками и идти в народ, чтобы направить поднимающуюся в нем бурю недовольства своим мнимым освобождением на завоевание настоящей воли². Через 10 лет этот народнический лозунг «идти в народ» станет очень популярным в среде разночинской интеллигенции.

Идейно-теоретические предпосылки движения 1870-х гг. хорошо известны. Сложнее ответить на вопрос, как обретали его непосред-

венные участники свои народнические убеждения. Не секрет, что многие из них, будучи воспитанными в интеллигентской среде, знали о народе в основном по книгам да случайным встречам на улицах. Только услышав «благую весть нового социального Евангелия» (от П. Л. Лаврова и др. народнических теоретиков), они обращали на него свои взоры, открыв для себя и всю бездну народных страданий, и новое понимание его исторической миссии³. Но, как верно заметил Е. Д. Максимов, «были и народники по воспитавшейся в них с пеленок близости к народу, по органическому сродству с ним, лишь впоследствии освещенному сознанием и критической мыслью»⁴. Именно таким народником представляется нам Сергей Кривенко.

§ 1. Детство С. Н. Кривенко; годы учебы; военная служба

С. Н. Кривенко родился 20 января 1847 г.^a в г. Борисоглебске Тамбовской губернии. Отец его, Николай Алексеевич Кривенков^b по происхождению принадлежал к донскому дворянству. В молодости он служил в Петербурге по гражданскому ведомству, но, женившись на дочери тамбовского помещика Надежде Ивановне Страховой, перешел на службу в г. Борисоглебск. В то время, когда у Николая Алексеевича родился первенец Сергей, он занимал должность судьи. Через полтора года семья переехала на постоянное жительство в родовое имение Кривенковых в селе Никольском-Кабаньем Борисоглебского уезда^c, где и прошло детство будущего писателя.

Среди деревенского простора Сережа рос здоровым, энергичным и любознательным ребенком. Общась со своей няней Марией Евстафьевой – живым воплощением «преданий старины глубокой», с населявшей господский дом дворней, ведя дружбу с крестьянскими детьми, он рано познакомился с жизнью и интересами простого народа.

Одно из самых ярких впечатлений детства Кривенко было связано с посещением пчельника, где жил пасечник Егорыч. Сережа засиживался здесь часами, слушая рассказы старика о природе, пчелах,

^a Все даты приводятся по старому стилю.

^b В семидесятые годы, став литератором, С. Н. Кривенко изменил окончание своей фамилии.

^c Ныне село Никольское Аннинского района Воронежской области.

ружейной охоте. Балую понравившегося мальчика, Егорыч давал ему инструменты и позволял помогать себе по хозяйству (починить колесо от тележки, отрегулировать работу водяной мельницы и т.д.). Иногда он приглашал барчука на настоящую охоту на местную дичь⁵. Родившаяся из детских увлечений страсть к физическому труду и общению с живой природой сохранилась у Кривенко на всю жизнь.

Еще одним любимым занятием маленького Сережи было наблюдать за поведением пчел. Ему казалось, что действуя сообща, дружно, на чистом воздухе под ясным солнцем, эти неутомимые крылатые труженики выполняют свое дело «не через силу и не по неволе», как это бывает с рабочими на грохочущей машинами фабрике, а словно сельский мир во время праздничной косовицы – по собственной охоте, с песнями и веселыми лицами⁶. Вполне возможно, что уже тогда, восхищаясь разумным устройством жизни пчелиного общества, будущий народник задумывался над несовершенством человеческих отношений, основанных на подавлении одной личности другой.

К чести семьи Кривенковых крепостной режим у них был довольно мягким. Николай Алексеевич не стремился злоупотреблять предоставленными ему правами, гуманностью и добротой своей выделяясь среди местных помещиков. Бабушка Сергея Кривенко Глафира Васильевна снискала себе славу лекарки, услугами которой пользовались многие окрестные крестьяне. Однако несправедливости окружающей жизни не могли оставаться незамеченными. Уже с семи лет отец брал Сережу с собой во время посещений имений соседей, где им приходилось гостить по несколько дней. Вот тут-то картины грубого произвола и бесправия обступали мальчика со всех сторон и невольно лезли в глаза и уши. Однажды, по рассказу Е. Д. Максимова, «Сереже довелось заночевать у какого-то помещика; лишней комнаты для него не нашлось, и его положили в столовой за перегородкой. Он лег, а пирушка в столовой продолжалась. Подвыпивший помещик, грубый самодур, и всегда-то нехорошо обращавшийся с женой, теперь начал издеваться над ней, приставая... и требуя от нее чего-то чрезвычайно унижительного. И вдруг зал огласился горькими детскими рыданиями – не выдержала детская душа издевательства над человеческой личностью.

Такие слезы, – замечает биограф Кривенко, – не проходят даром: они выжигают в душе след и заставляют ее всю жизнь содрогаться при виде насилия и неправды, они сделали то, чего не сделала бы для юного развивающегося ума ни одна книга в жизни»⁷.

Когда Кривенко исполнилось 10 лет, родители, желая дать сыну военное образование, как было принято в дворянских семьях, определили его в тамбовский кадетский корпус. К приемным экзаменам, включающим русский язык (чтение и письмо), арифметику и Закон Божий, Сережу готовил специально нанятый учитель. До этого он обучался грамоте у сельского священника отца Николая. Учебное заведение, куда поступил Кривенко, являлось малолетним отделением (4 класса) Михайловского Воронежского кадетского корпуса для детей дворян Тамбовской губернии. Поэтому по прошествии положенного срока в 1861 г. он был переведен в губернский город Воронеж⁸.

Став кадетом, Кривенко, как и его многочисленные сверстники, занимался не только школьными науками. Известно, что в 13–14 лет он уже прочитал сочинение немецкого философа Людовика Бюхнера «Сила и материя» (русский перевод 1860 года), которое излагало основы материалистического понимания мира и считалось в то время запрещенным. По поводу этой книги у Сережи состоялся интересный разговор со знаменитым «князем церкви» московским митрополитом Филаретом (Дроздовым), побывавшим однажды в доме Кривенковых в Никольском:

«А что, – обратился он к нему, подозвав к себе, – читал Бюхнера? – Читал, – признался мальчик.

– И разделяешь? – Разделяю, – не сморгнув глазом, отвечал Сергей Николаевич.

– Ну, а как же насчет телесных наказаний? – лукаво спросил “владыка”. – Об этом мы еще с тобой побеседуем»⁹.

Смысл каверзного вопроса состоял в том, что если человек не верит в самостоятельность своей духовной природы и выводит ее из материи, то должен признать возможность материального на нее воздействия, т.е. телесные наказания. Сергей понял, что имел в виду митрополит, но обещанное им продолжение беседы не последовало.

Отрывочность сведений, имеющих в нашем распоряжении, не позволяет утверждать, что «народническая прививка», в смысле обращения к идеям родоначальников народничества, была получена Кривенко еще в стенах Михайловского кадетского корпуса. Можно лишь отметить, что местное начальство его (при директоре генерале А. И. Ватаци) не препятствовало проникновению сюда столичной прессы. Устраивая коллективные чтения и диспуты, воспитанники имели возможность жить полной жизнью, чутко реагируя на происходящие в обществе изменения.

По воспоминаниям Александра Николаевича Кривенкова, находясь в корпусе, старший брат пользовался огромным влиянием на товарищей, был их любимцем и даже «стоял в центре кружка борющихся против насилий»^а. Кроме того, он вел ученический журнал, помещая в нем небольшие заметки¹⁰. Склонность к литературному творчеству Кривенко приобрел довольно рано. В 1862 г., в возрасте 15 лет, он написал свою первую настоящую статью о русских женщинах-писательницах (М. К. Цебриковой, Е. И. Конради и др.). Правда, она так никогда и не увидела свет, поскольку сам автор находил ее излишне восторженной.

Преподаватели Воронежского корпуса вслед за своим директором старались не мешать наметившейся у молодежи тяге к самосовершенствованию, поощряя внутреннее развитие своих питомцев. В этом отношении наибольшее влияние на Кривенко оказал учитель словесности М. Ф. Де-Пуле. Вовремя заметив в Кривенко одаренного ученика, он предпочитал давать ему очень трудные темы для сочинений, которые «всегда вертелись около народа, народных идеалов, верований, обычаев, взглядов и т.п.» и требовали самостоятельного анализа источников. Обсуждение написанных работ часто перерастало в споры. Один раз, как вспоминал Кривенко в одном из своих писем, ему была предложена тема «Иван Грозный в мнениях русского народа». «Я перерыл всю историю, все песни и былины и нашел такие две былины, о каких он (Де-Пуле. – Г. М.) и не знал, а между тем они, как нельзя лучше поддерживали мой взгляд, с которым он никак не мог согласиться»¹¹. Дело кончилось тем, что Де-Пуле крепко пожал молодому человеку руку, подчеркнув тем самым уважение к личности своего воспитанника. Этот пример внимания и терпимости к чужим мнениям Кривенко не забудет никогда.

В Михайловском кадетском корпусе, благодаря самообразованию и урокам наставников, симпатии Кривенко к крестьянскому труду и быту определились уже в значительной степени. Как видно, его вкусы, склонности и интересы развивались в одном направлении с интересами нарождающейся русской интеллигенции.

К 18 годам, т.е. ко времени окончания учебы в Воронеже, Кривенко начинает всерьез задумываться о своем будущем. Карьера военного его явно не привлекала. Но, еще не имея возможности распорядиться собой самостоятельно, Сергей уступает настоянию матери

^а Очевидно, имелись в виду «неустановленные» отношения между учащимися старших и младших классов этого закрытого полувоенного учреждения.

(отец тогда уже умер) и переводится в 1-е военное Павловское училище в Санкт-Петербурге. В августе 1865 года он впервые появляется в столице.

В те годы начальником училища был П. С. Ванновский (в будущем военный министр). Как человек строгой военной дисциплины, он не любил того вольного духа, который царил в стенах вверенного ему заведения. После смерти генерала Кривенко вспоминал, что ни от одного из множества всяких начальников, которым вручали его судьбу, он «не претерпел столько муштры в виде распеканий, наставлений и карцерного сидения, как от П. С. Ванновского»^a. Но муштра оказалась совершенно бесполезной для уже вполне сложившейся личности.

Несмотря на все старения «отцов», молодое поколение по-прежнему требовало от жизни «уступок и освобождения» и продолжало брать свое. Как утверждает один из приятелей Кривенко тех лет А. Н. Куропаткин, печально известный по событиям русско-японской войны 1904–1905 гг., юнкера зачитывались «Современником», особенно Чернышевским и Некрасовым, а также статьями молодого нигилиста Писарева. Герцен их уже не удовлетворял, так как «отстал». Из иностранных авторов большой популярностью пользовались сочинения социалистов Оуэна, Фурье, Прудона, Лассаля. Книг в общей библиотеке было мало, читались они по очереди и потому все интересующиеся литературой хорошо знали друг друга и часто обменивались впечатлениями.

Относительно Кривенко Куропаткин рассказывал, что он «весь ушел в книгу», усиленно работая над своим «народническим образованием». Уже тогда будущий публицист выделялся среди сверстников вдумчивым отношением к таким сакраментальным вопросам русской жизни, как «Кто виноват?» и «Что делать?». Правда, товарищам он больше импонировал своей пронизательной добротой и чистотой¹³.

Было у Кривенко и еще одно располагающее к нему качество – стремление отстаивать человеческое достоинство людей. Например, он не испугался заступиться за одного из своих товарищей, несправедливо отчитанного за «нигилистическую» внешность самим грозой юнкеров – Ванновским¹⁴.

^a Строгость начальника не помешала С. Н. Кривенко сохранить симпатию к П. С. Ванновскому за его верность своему долгу, рассудительность и твердость убеждений¹².

В 1867 г. Кривенко закончил Павловское училище по 1-му разряду. После производства в офицеры он получил назначение в уездный город Усмань Тамбовской губернии, где квартировался 72-й Тульский пехотный полк. Осенью сюда переехала вся семья Кривенковых. Мать надеялась, что ее старший сын будет заниматься образованием младшего брата Ивана, но занятия не наладились и последнего отдали в Московскую военную гимназию.

В полку Кривенко жил вместе со своим старым товарищем Церпицким. Больше ни с кем из сослуживцев он не сходилась, стараясь воздерживаться от их шальных пирушек. В свободное время Кривенко по-прежнему много читал; ухаживал за животными, открыл целый «лазарет» для больных собак. Очень любил ходить в окрестные леса на ружейную охоту, которую время от времени устраивал для него брат Александр¹⁵. Но военная служба тяготила С. Кривенко. Положение офицера оказалось несовместимым с утвердившимися за годы учебы взглядами и убеждениями. Эпоха умственного пробуждения России воодушевляла юношу на деятельность совсем иного рода.

Через три месяца вынужденного пребывания в армии Кривенко подает прошение об отставке «по домашним обстоятельствам». 4 декабря его увольняют со службы в чине подпоручика.

§ 2. Борисоглебский кружок народников (1869–1871); кавказская земледельческая колония 1870-х гг.

Конец 1860-х – начало 1870-х гг. весьма важный период в истории становления правого крыла русского народничества. Наметившаяся еще в «Современнике» тенденция к поиску мирных путей к идеалам крестьянского социализма с 1868 г. на страницах «Отечественных записок» превращается в самостоятельное течение народнической мысли. Главной причиной возникновения легального народничества явился подъем в стране общественного движения, в котором с самого начала принимали участие не только представители революционных кружков, но сторонники мирной просветительской работы в деревне.

Изначально у народников-реформистов сложилось два противоположных подхода к путям общественных преобразований. Одни из них отдавали приоритет практической работе в земстве или в качестве «культурных одиночек». Другие придавали особое значение

созданию новых социальных учреждений (коммун-общин, производственных артелей и т.п.).

Еще до «хождения в народ» усилиями Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловского получила развитие доктрина «раннего» эволюционного социализма. Ее суть сводилась к убеждению в возможности организации в народе широкого кооперативного движения, которое со временем приведет к возникновению в деревне очагов «народного социализма». Тогда же на страницах «Отечественных записок» и «Недели» были разработаны основные положения легально-народнической программы неотложной (просветительской, врачебной, агрономической, технической, юридической и т.п.) помощи деревне. Эта деятельность должна была создать предпосылки для пробуждения в народе стремления к изменению своей жизни¹⁶.

После выхода в отставку зимой 1867 г. С. Н. Кривенко возвращается в Петербург. К этому времени относится начало его сотрудничества в некоторых столичных газетах, например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша¹⁷. Впрочем, достоверных сведений на этот счет нет. Не установлены и сами статьи, так как они не были подписаны. Известно только, что тогда Кривенко еще не собирался становиться профессиональным писателем и рассматривал свое литературное творчество не иначе как «подсобный промысел», один из способов добывания средств к существованию¹⁸. Гораздо больше его занимали дела, приносящие практическую пользу народу.

В те годы в результате реформы местного самоуправления вопросы народного благосостояния, просвещения и здравоохранения становятся в центр общественной жизни провинции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда летом 1868 г. Кривенко посетил родной Борисоглебский уезд, он вскоре познакомился с целой группой своих единомышленников из представителей местной разночинной интеллигенции. Это были: И. М. Мальнев – управляющий соседним имением князей Волконских Павловкой, его помощник А. С. Волосевич, агроном И. Г. Фрейберг, кандидат права В. К. Оленин и др.¹⁹

Заезжая в Никольское, где Кривенко выстроил для себя отдельный флигель, молодые люди вели душевные разговоры и оживленные споры о литературе (сюда выписывались «Отечественные записки», «Дело», «Неделя»), об общественной жизни, но больше всего о тяжелом положении простого народа. Здесь все сходились на необходимости защиты дарованных ему законом прав, сохранении альтруи-

стических основ крестьянского быта и культурной самостоятельности народа. Не было разногласий и относительно общего пути улучшения народной жизни. В отличие от знакомых им либеральных земцев, полагавших, что крестьянству необходимо, прежде всего, политическое освобождение, Кривенко и его новые друзья особое значение придавали экономическим условиям жизни. Главное зло они видели не в самодержавии, доказавшем свою способность к проведению широкомасштабных реформ, а в существовании бюрократического произвола и экономии чешской эксплуатации народа²⁰. К мысли о том, что первопричиной всевластия чиновников являлось сохранение абсолютизма (т.е. отсутствие политических гарантий от произвола органов государственной власти), народники придут несколько позже.

Вскоре решено было перейти от слов к живому делу и организовать кружок для совместимых действий на благо местного населения уезда. Точная дата и какие-либо подробности этого события неизвестны. В литературе высказывается мнение, что главную роль тут сыграл Кривенко, который, собственно говоря, и образовал кружок²¹. Между тем, по воспоминаниям самого Кривенко, он узнал о существовании борисоглебского кружка молодежи от одного земляка-приятеля в марте или начале апреля 1869 г. Последний обратился к нему, тогда уже студенту Петербургского технологического института, с предложением по окончании курса примкнуть к кружку для создания промышленных артелей и одного общинного завода²².

Постоянным слушателем химического отделения института Кривенко стал в августе 1868 г. Судя по экзаменационным ведомостям, его после первого же курса оставили на второй год за неуспеваемость. А в конце мая 1870 г. Сергей Кривенков просит увольнения из числа учащихся «по домашним обстоятельствам и болезни»²³. Отсюда можно заключить, что само поступление его в институт было связано отнюдь не с любовью к технологии и какие-то разговоры об артельных заводах велись еще до осени 1868 г.

Так или иначе, к середине 1869 г., когда Кривенко с началом летних каникул вновь оказался на родине, кружок уже сложился и открыл свои действия. В него входил доктор, мировой судья, судебный следователь, два юриста – будущих адвоката, четыре агронома и еще несколько молодых помещиков и помещиц из числа местных обывателей. Душой кружка Кривенко называет некую госпожу «Б» (по

^a Версия о том, что С. Кривенко исключили из института за участие в студенческих волнениях, пока не подтверждается фактами²⁴.

другому варианту «Д») – женщину с видным общественным положением и влиянием, следовательно, добавляет он, кружок был в безопасности²⁵. Но ничего противозаконного в нем и не замышлялось. Каждый член кружка стремился только оказать посильную помощь обездоленному судьбой населению уезда. Земский врач лечил, разъезжая без усталости по деревням, не беря за это денег ни с богатых, ни с бедных. Юристы писали крестьянам прошения, защищая их у мировых судей и в окружном суде. Барышни учили деревенских ребятишек счету и грамоте²⁶.

Одной из важнейших сторон деятельности кружка было его стремление к урегулированию поземельных отношений. Земля при отсутствии иных источников дохода являлась для крестьян практически единственным средством заработать лишнюю копейку. С ростом населения спрос на нее увеличился. Землевладельцы и оптовые съемщики пользовались этим, ежегодно поднимая арендную цену. Борясь со спекуляцией, наиболее состоятельные кружковцы арендовали более 10000 десятин, сдавая землю мелкими участками за умеренную плату. Мужики, естественно, предпочитали сделать несколько верст лишних, лишь бы только снять землю у кружка и не переплачивать за нее соседним «лендлордам». В результате такой «игры на понижение» стоимость десятины в данном районе падала.

Не оставались без внимания и цены на хлеб. Крестьянам говорили, чтобы они не продавали выращенный урожай сразу, а дожидались, пока крупные продавцы не установят более высокие хлебные цены. Исполнение этого совета, отмечает Кривенко, было едва ли не наиболее трудным, но мало-помалу поселяне стали поручать продажу своего хлеба членам кружка.

Действуя и на экономической, и на юридической почве, и в сельском хозяйстве, и в земстве, кружок пытался занять такое положение, чтобы иметь реальную возможность направлять народную жизнь к лучшему, не выходя за рамки существующего правопорядка. Более того, новые законы, порожденные буржуазными реформами 1860-х годов, признавались отправной точкой его деятельности. «Если, например, – пишет Кривенко, – в законе говорится: “правда и милость да царствуют в судах”, то пусть они царствуют действительно; если говорится, что “крестьянство должно образовать самостоятельное сельское состояние”, то пусть это так и будет, и пусть все, что не клонится к этому... будет предано обличению и противодействию, насколько хватит... сил»²⁷.

Через два года хозяйство кружка наладилось и доверие крестьян к незванным доброжелателям заметно возросло. Все чаще лелеялись мечты о том, что пройдет всего несколько лет и Борисоглебский уезд начнет процветать, покроется артельными фабриками, цветущими общинными садами и вообще сделается образцом благосостояния для всей страны; как газеты будут писать о нем; станут приезжать туристы из Европы и восхищаться успехами свободной России и творчеством общинного духа и члены кружка получают приглашение устроить то же самое в других губерниях.

Учитывая достигнутые успехи, следующим шагом предусматривалось устройство образцовой сельскохозяйственной общины, где хозяйство велось бы по последнему слову агрономической науки, а отношения между работниками базировались бы на принципах полной равноправности и социальной справедливости. Больше всего вопрос о необходимости показать народу пример более рациональной организации его жизни обсуждался летом 1871 г. Но, несмотря на ряд произведенных приготовлений, реализовать этот план не удалось. В сентябре того же года борисоглебский кружок распался, не просуществовав и трех лет.

В воспоминаниях Кривенко специально подчеркивается, что кружок распался «не по каким-нибудь внутренним причинам и не потому, что сознал бесполезность и бесплодность своей деятельности, хотя это и доказывал нам с большой убедительностью один приезжий товарищ нашего доктора, не пожелавший к нам примкнуть». Этот скептик говорил, что «хотя мы и прекрасные люди, а делаем пустяки, катаем по полю чурбан, даже хуже – стараемся остановить естественный ход вещей, что нас мало, что мы бессильны, сглаживаем шероховатости невозможных отношений и действуем скорее в пользу тех, кого считаем врагами». «И смотрите, – добавлял он: – они-то именно вас и слопают». К сожалению, продолжает Кривенко, слова его оказались пророческими. Деятельность молодежи не пришлась по вкусу многим местным влиятельным лицам, возбуждая в них разные подозрения, опасения и недовольство. Поэтому когда они провели о проекте заведения общего хозяйства, то сразу же было решено, что создается какая-то шайка и кружок был разгромлен²⁸. Сам Кривенко находился тогда в Петербурге и узнал обо всем из писем. Он жил и работал в деревне только в летнее время года.

Любопытные подробности из истории кружка сообщает нам Максимов. Оказывается, еще за год до его распада Кривенко был вызван

к себе одним местным помещиком-администратором^а. Последний начал обвинять юношу в том, что он «бунтует народ», пропагандируя какое-то переселение на Кавказ, чего, как ему известно, не одобряют в Петербурге. «Принимая даже личину доброжелателя, М. “во имя своих добрых отношений с покойным батюшкой” С[ергея] Н[иколаевича] предупредил его, что влиятельные особы уезда, если С[ергей] Н[иколаевич] не прекратит своей “вредной” деятельности, заручились согласием на его высылку из края»³⁰.

В своем рассказе в «Отечественных записках» Кривенко умалчивает о Кавказе. Но если учесть, что в первый раз он побывал там летом 1870 г., после того, как оставил технологический институт³¹, становится очевидным, что некоторые члены кружка уже тогда вынашивали идею подыскать для задуманного предприятия более подходящее место. Утечка информации об этих планах произошла из-за того, что кружок не был закрытой организацией. По словам Кривенко, на его импровизированных собраниях присутствовало много посторонних лиц (крестьян, сельских учителей и др.). И каждый говорил обо всем, что думал, без всяких опасений, что кто-нибудь сделает для них неприятность³².

Неудача с попыткой устроить хорошую жизнь в родном уезде сильно огорчила Кривенко и его товарищей. Многие из них отошли от кружка, убедившись в невозможности самой скромной деятельности на общественную пользу. Но инициативное ядро его все же сохранило в себе желание и силы для продолжения тамбовского дела «во имя счастья и процветания своего народа».

С этой целью окончательно решено было организовать на Кавказе земледельческую колонию, где предстояло выработать практический образец общественного хозяйства, основанного на собственном труде и солидарности интересов всех задействованных в нем работников. Кавказ привлекал наших социальных экспериментаторов не столько своим теплым климатом и природными богатствами, сколько возможностью заниматься своим делом, не опасаясь доносов и обвинений в неблагонадежности. Полицейский гнет там был значительно слабее, чем во внутренней России, а значит, сохранялась надежда переселить сюда в будущем знакомых крестьянских юношей их Тамбовской губернии.

^а В биографии С. Н. Кривенко из архива С. А. Венгерова речь идет о губернаторе Тамбовской губернии (Н. М. Гартинге?)²⁹.

В 1871 г. Кривенко и Фрейберг приобрели у казны подходящий земельный участок в 1000 десятин, расположенный в 18 верстах южнее посада Туапсе (Сочинский отдел Черноморского округа). Покупка была совершена на средства товарищества, специально образованного для устройства хозяйства колонии. В него вошли уже упомянутые борисоглебские друзья Кривенко: Мальнев, Оленин, Фрейберг, а также некие А. Н., А. А. и В. А. Немчиновы и П. А. Евреинов. Позже к колонии примкнул еще ряд лиц, в том числе один из самых активных ее деятелей – ученый-изобретатель А. Н. Лодыгин³³.

Наибольшие трудности ожидали первопоселенцев на начальном этапе их жизни в колонии. Необходимо было построить дом, кухню, хозяйственные помещения; расчистить место под огород, сад с пчельником и виноградник; обзавестись домашним скотом и птицей. Работа оказалась не из легких. Почти весь купленный участок покрывала непроходимая стена колючего кустарника, от которого «платье рвалось в клочья, а обувь горела, как в огне». Запутавшихся в этих зарослях лошадей и коров приходилось буквально вырубать топорами, расцарапывая руки так, что из них сочилась кровь³⁴. Днем и ночью хутор колонистов осаждали шакалы и дикие коты, а иногда заглядывали и более опасные звери, вроде кабана, бурого медведя или снежного барса. К коварностям местной природы добавлялась ужасная кавказская лихорадка. Редко кто из черноморских пионеров не испытал приступов этой болезни, доводящей человека до бессознательного состояния.

Положение осложнялось оторванностью поселения от внешнего мира. Пароходы заходили в Туапсе один раз в неделю. Чтобы добраться отсюда до «Аше» (название колонии) необходимо было пересечь еще несколько речек, превращающихся во время дождей в непреодолимые бурные потоки. Мука, картофель, хозяйственный инвентарь и даже сено были привозными и потому стоили большие деньги. По сведениям Кривенко, обустройство 50 десятин Черноморского побережья из-за дороговизны и недостатка рабочих рук обходилось тогда частным владельцам примерно в 20–30 тыс. руб. Стоимость самой земли составляла всего 10 руб. за десятину³⁵. Товарищество такими средствами не располагало. Все приходилось делать своими руками, прибегая к услугам наемных рабочих лишь в крайних случаях.

Иначе говоря, успех предприятия во многом зависел от энтузиазма его главных учредителей. Но все они оказались связанными другими

делами, покидая участок на продолжительное время. И только не имеющий постоянной работы Кривенко смог взять на себя главную заботу по организации поселения.

Кривенко жил в колонии ежегодно с весны и до начала осени. Неприхотливый в быту, он спал под одной крышей с простыми работниками и ел из общего котла. С детства любя физический труд и имея крепкое телосложение, Кривенко и в работе не был особенно разборчив. Собственноручно рубил лес и корчевал пни, пахал и косил, плотничал и столярничал. Один сделал более 1500 прививок к дичкам хороших сортов груш и яблок и посадил целую плантацию миндаля и персиков. Недаром, описывая историю «Аше», Максимов взял на себя смелость утверждать, что хотя в колонии работало более 20 человек, «этот дикий и пустынный уголок Черноморского побережья ожил, принял, если не вполне благоустроенный вид, то, во всяком случае, вид жилого места, деятельного хозяйства, прежде всего благодаря трудам Сергея Николаевича Кривенко»³⁶.

К началу 1876 г. все подготовительные работы, связанные с устройством хозяйства товарищества, были, наконец, завершены. Пришло время осуществить слияние простых и «интеллигентных» работников в одну общину-артель. В ней после полного заселения колонии и предстояло реализовать свойственные русскому народу стремления к коллективному труду и мирской жизни. И вновь роковое стечение обстоятельств прерывает проводимый народниками социальный эксперимент.

При отмежевании участка для нового соседа товарищества полковника Сосновского землемер неожиданно отрезал у колонистов всю их усадьбу с прилегающими к ней угольями (около 200 десятин). Сосед оказался человеком практичным. Он начал бомбардировать их грозными письмами с требованиями уступить все постройки за бесценок (250 руб.) или немедленно перенести их на другое место³⁷.

Новая межа грозила перечеркнуть все, на что было затрачено почти пять лет упорного труда и лишений. Кривенко подозревал тут злоупотребление, так как прежнюю, правда, предварительную, съемку земли производили при нем. Через несколько лет во время окончательного размежевания владений ошибка землемера Сосновского, действительно, выяснилась. Но в 1876 г., не вполне уже психически здоровый Сосновский категорически отказался еще раз обмерить его участок. Не дала результата и мартовская поездка Кривенко в Новороссийск для законного разрешения спора. В итоге с усадьбой при-

шлось расстаться. В письмах к друзьям Кривенко пытался убедить их начать все сначала, купив другую землю, «которая будет лучше нашей» и притом «совершенно чистой землей»³⁸. Однако было уже поздно. При полном равнодушии к дальнейшему продолжению дела товарищество вскоре прекратило свое существование.

Окончательное разорение земледельческой колонии принесла начавшаяся через год русско-турецкая война. В отсутствие выдворенных из края хозяев казаки вырубали все фруктовые посадки. Новый дом разрушили турки. В конце концов, в 1880 г. Кривенко пришлось ликвидировать обремененное долгами хозяйство, а оставшуюся землю при посредничестве Г. И. Успенского продать золотопромышленнику А. М. Сибирякову.

Дальнейшая судьба Кривенко сложилась так, что он надолго покинул Кавказ. Но имя его продолжало пользоваться популярностью на всем побережье от Новороссийска до Сочи. Произошло это оттого, что Кривенко никогда не замыкался в кругу собственных дел, будь то стремление к личному моральному совершенству или организация опытной колонии-общины. По словам С. Е. Усовой, его душа всегда отличалась чутким отношением к интересам окружающих его людей. Она, как магнит, начинала притягивать к себе «с одной стороны все живое и честное, ищущее правды, а с другой, все слабое, нуждающееся в защите»³⁹, т.е. одинаково привлекала и интеллигенцию, и народ. С особой теплотой вспоминали Кривенко черкесы. В конце 1870-х гг. у них даже возникла поговорка: «без Кривенко – черкес пропадай». По мнению Усовой, это «сильно сказано», но то, что Кривенко был «их всегдашний защитник и помощник, это верно»⁴⁰. После уничтожения войной черкесских аулов Кривенко не раз выручал их, давая приют и пищу женщинам и детям, ходатайствуя о нуждах местного населения перед русским начальством.

70-е годы XIX века – пора расцвета народничества. За многочисленные попытки практического сближения с народом и борьбу с самодержавием историки окрестили народническое движение тех лет «активным», «действенным» и даже «героическим». Но, как мы могли убедиться, в народ шли не только революционеры, но и те сторонники теории общинного социализма, кто стремился к радикальному преобразованию народного быта путем социальных реформ.

Силу и влияние этого направления на молодежь признавали и многие идеологи революционного народничества, например, М. А. Бакунин. Недаром в знаменитом приложении к книге «Государственность

и анархия» (1873) он так подробно остановился на критике попыток части народнической интеллигенции подтолкнуть крестьян к самостоятельному улучшению их экономического положения посредством образования земледельческих общин-коммун. Разумеется, у бунтаря Бакунина были свои резоны не разделять надежду молодых людей увлечь основную массу сельского населения своим примером, а главное теми выгодами, которые они надеялись получить от организации коллективного труда, но, в конечном счете, он оказался прав⁴¹. Общественные условия препятствовали развитию в стране широкого кооперативного движения. И борисоглебский кружок народников, и масса других подобных начинаний (скажем, организация Е. К. Брешко-Брешковской и С. Ф. Ковалика, созданная примерно в то же время в Мглинском уезде Черниговской губернии) гибли, не успев расцвести. Власти преследовали всех, кто осмеливался выходить за рамки установленного свыше полицейского порядка, не видя особой разницы между революционерами и культурниками^a.

Остается только восхищаться целеустремленностью Кривенко. Несмотря на неудачи и лишения (на Кавказе было потеряно все его состояние), он остался верен идеалам молодости, продолжая, развивать их на другом поприще – в литературе.

§ 3. Приобщение С. Н. Кривенко к журналистике; экономические статьи в «Отечественных записках»

Литературу С. Н. Кривенко любил с малых лет. Но стать писателем в смысле человека, реагирующего чуть ли не на все явления жизни непременно пером, он решил далеко не сразу. По мнению современников Кривенко (включая его идейного противника Г. В. Плеханова), писал он хорошо. Однако сам процесс писания, медлительный и связанный с собиранием массы материала, давался ему с трудом. Для этого Кривенко был слишком непоседа, особенно в молодые годы, когда он постоянно разъезжал то на родину в Тамбовскую губернию, то на Кавказ, где он был членом земледельческой

^a Впрочем, так ли уж безобидна была мирная деятельность С. Н. Кривенко и его товарищей, готовивших в Борисоглебском уезде в некотором роде целый «захват власти», мало смущаясь, как это будет встречено властью и силу имущими?

колонии, то в Петербург⁴². Кривенко и сам признавался в одном из писем середины 1870-х годов, что «хотел бы писать много и о многом, но жизнь так складывается, что это становится невозможно». «Кроме того, – продолжает он, – я сознаю слабость своей подготовки для литературной деятельности, а потому боюсь писать, отказываю себе в этом с настоящей горечью...»⁴³.

Напомним, что печататься Кривенко начал примерно с 20 лет в «Санкт-Петербургских ведомостях». Существует точка зрения, впервые высказанная С. Н. Южаковым, что пребывание именно в этой газете с ее земскими симпатиями, вечною боязнью «за участь наших молодых еще не окрепших учреждений», постоянными опасениями всего резкого и радикального, якобы, наложило отпечаток умеренности на литературную физиономию и программу общественной деятельности Кривенко⁴⁴. Газета действительно одной из первых выдвинула лозунг «наше время – не время широких задач», подхваченный потом легально-народнической печатью. Но при В. Ф. Корше в ней могли свободно печататься статьи и представители демократической интеллигенции, например, В. В. Стасова. Правительство даже считало это издание оппозиционным и в 1874 г. тогдашний министр просвещения Д. А. Толстой отнял его у неосторожного либерального редактора и передал «охранителям»⁴⁵. Кроме того, появление Кривенко на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» носило эпизодический характер. Подлинное влияние на его формирование как писателя-публициста оказало длительное сотрудничество в редакции «Отечественных записок» – лучшего и самого авторитетного печатного органа передовой русской мысли конца 60-х – начала 80-х гг. XIX в. Это сотрудничество началось в 1873 г. при следующих обстоятельствах.

Весной этого года Кривенко написал статью под несколько необычным названием «Невинные воспоминания из недавнего прошлого». Она рассказывала о работе первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и техников, созданного в Петербурге в мае 1870 года. Вместе со своим знакомым, писателем-беллетристом П. В. Засодимским, Кривенко посетил заседание 6-го его отделения, занимавшегося вопросами положения рабочего класса. Выступая на съезде, предприниматели признали необходимым заботиться, прежде всего, о нравственном и умственном положении «меньшей братии» на том основании, что в цивилизованном обществе дух всегда должен стоять выше тела. Потрясенный их лицемерием, Засодимский произнес обличительную речь, а не обладавший ораторским искусством

Кривенко дождался публикации стенографического отчета и «разразился» специальной статьей. Комментируя высказывания участников съезда, он с присущим ему чувством юмора, также выводил сердобольных «попечителей» рабочих на «чистую воду»⁴⁶.

Статья оказалась очень большой и не могла быть напечатана в газетах. Тогда Засодимский предложил отнести рукопись в «Отечественные записки», а заодно и первую часть другой работы Кривенко «Кооперация на русской почве». Время было летнее и заведующего отделом внутренней жизни Г. З. Елисеева на месте не оказалось. Поэтому Кривенко оставил статьи в редакции, а сам уехал на Кавказ, никак не думая, что они будут приняты. «Каково же было мое удивление и радость, – вспоминал он впоследствии, – когда, возвратясь осенью в Петербург, я увидел первую свою статью напечатанной в сентябрьской книжке»⁴⁷.

Предвкушая встречу с целой группой читаемых и почитаемых молодежью писателей, в ближайший редакционный день Кривенко явился в контору «Отечественных записок», помещавшуюся на квартире Н. А. Некрасова. Выйдя к посетителю, Некрасов процедил зашпанным голосом: «Что же это вы, батюшка, написали статью и пропали?» «Я, – продолжает Кривенко, – сказал, что меня не было в Петербурге и что я только на днях вернулся». «А мы вас тут искали, – слышались слова Некрасова, – Елисеев о вас справлялся... Вам нужно заходить к нам по понедельникам. Мы собираемся вот так, приблизительно в это время». Наконец пришел Елисеев. «Познакомившись, он сказал, что ездил по означенному в рукописи адресу, но не нашел меня..., затем, сообщив, что начало второй моей статьи набрано и что нужно поторопиться окончанием, пригласил меня к себе: “Если свободны, то не пойдете ли сегодня после редакции отобедать? Я тут совсем близко живу”». Потом он представил Кривенко сидящим неподалеку Н. С. Курочкину, А. Н. Плещееву, А. М. Скабичевскому и Н. А. Демерту. «Все они оказались до такой степени простыми людьми и так радушно меня (Кривенко. – Г. М.) встретили, что я только диву дался, вспомнив ходившие по городу рассказы о недоступности редакции». Что касается до самой статьи, «которую все прочитали и которая всем понравилась», то, по признанию самого Кривенко, она «решительно ничего особенного собою не представляла, а была просто грамотно и с определенной точки зрения написана», и что эта близкая редакции точка зрения и явилась главной причиной оказанного ему внимания⁴⁸.

Действительно, «Отечественные записки» отличались редким единодушием своих сотрудников. Благодаря усилиям Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, присущие литературным редакциям идейно-теоретические, а еще чаще личные разногласия, отходили здесь на второй план, давая возможность объединить в нем всех представителей демократического лагеря: и просветителей 1860-х годов, и народников 1870-х. Такая атмосфера особенно благоприятствовала начинающим писателям, способствуя более всестороннему развитию их творческих дарований⁴⁹.

Став сотрудником «Отечественных записок», Кривенко быстро перезнакомился со многими видными представителями журнального мира столицы. Уже в апреле 1874 г. он вместе с Михайловским и Скабичевским избирается членом Литературного фонда («Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым»). Очевидно, молодому человеку удалось составить о себе благоприятное впечатление. По свидетельству Н. С. Русанова, «среди столь часто желчных, нервных, завистливых литераторов он поражал своей уравновешенностью и сердечностью. И вместе с тем, когда это было надобно, он обнаруживал редкую в этой среде деловитость и практичность. Но “надобно”-то это было ему для общественных и вообще чужих дел, так как об устройстве своих личных дел он старался заботиться возможно меньше»⁵⁰.

Первые годы наибольшее влияние на Кривенко имел Елисеев, который фактически заведовал подбором кадров для журнала. Пожалуй, он и приложил больше всего стараний, чтобы сделать из способного юноши настоящего писателя. «Вы, вероятно, – поучал он Кривенко, – как и большинство, пишете только тогда, когда хочется, – а когда не хочется или не ладится, то бросаете? Это совершенно неправильно. Надо приучать себя к писанию, потому что это такая же работа, как и всякая другая; а для того, чтобы приучить себя, нужно привыкнуть сидеть ежедневно известное число часов около письменного стола»⁵¹. Используя различные способы воздействия, от проверок с помощью посыльных сидит ли Кривенко за столом, до иронизирования над его неумением работать, ленью, или над тем, что он, вероятно, не все еще справки навел, так как думает, что пишет не статью, а диссертацию, Елисееву удавалось добиваться того, что все литературные замыслы его подопечного воплощались в виде статей. Приучал он Кривенко и к редакторской работе, давая читать некоторые сомнительные или требующие правки рукописи, о которых велись

потом длинные разговоры. В конечном итоге старания эти увенчались успехом и Кривенко стал одним из наиболее заметных публицистов «Отечественных записок», сменившим Елисеева на ответственном посту обозревателя внутренней жизни России^а.

В 1870-е годы Кривенко был известен как специалист по кооперативному вопросу. Тогда движение в пользу создания различных ассоциаций было в России очень популярно. Кооперация рассматривалась как одно из наиболее действенных средств борьбы с развивающимся в стране капитализмом. Нельзя сказать, чтобы Кривенко обладал глубокими теоретическими познаниями в данной области. Он был скорее практиком, хорошо знакомым с экономическими условиями русской жизни. Так получилось, что серия его статей под общим названием «Кооперация на русской почве», посвященных потребительским обществам столицы, явилась первым их обстоятельным исследованием. Статьи начинающего народнического публициста были замечены общественностью и С.-Петербургскому Отделению «Комитета о сельских, ссудо-сберегательных и промышленных товариществах» ничего не оставалось, как просить их автора принять на себя разработку собранных Отделением материалов для третьего выпуска издаваемого им «Сборника материалов об артелях в России»⁵³.

Общее отношение Кривенко к кооперативным обществам было сдержанным. «Мы сами, – писал он во вступительной статье к упомянутому сборнику, – не разделяем мнения тех экономистов, которые считают кооперацию “радикальным средством против нищеты” (Муро) и даже не разделяем более скромных надежд других экономистов, что “кооперативные ассоциации кончат тем, что переродят весь мир” (Милль)...»⁵⁴. Дело в том, что получившие тогда широкое распространение кредитные, сырьевые и потребительские товарищества в большинстве своем являлись объединениями зажиточных людей. В борьбе со злоупотреблениями крупного капитала они опирались на самопомощь и, естественно, не могли охватить все рабочее сословие. Потому публицист и делал вывод, что, суля общее счастье, они будут только помогать сильному сделаться еще сильнее, а слабому еще слабее.

^а «Внутренние обозрения г. Кривенко, – отмечал в своем фельетонном словаре В. О. Михневич, – читаются и с удовольствием, и с пользой, благодаря их живому изложению, местами – с публицистическим огоньком, трезвым взглядом и основательной группировкой фактов»⁵².

Кривенко не был принципиальным противником утвердившихся форм кооперации, признавая, что и в таком виде «некоторый свет в жизнь» она все-таки вносит. Будущее принадлежало, по его мнению, производительным товариществам, основанным на началах совместного труда и распределения. Только они одни, имея достаточные размеры и вооружаясь машинами и лучшими техническими приемами, смогли бы выдержать конкуренцию с крупными капиталистическими предприятиями. Наладить подобные организации в народе, с точки зрения публициста, не представляло большого труда. Русский человек издревле любил жить обществом и действовать сообща, артельно, инстинктивно стремясь облегчить тяжелые условия своего повседневного быта. Главное препятствие к их повсеместному возникновению заключалось в другом, а именно в бедности рабочих классов и отсутствии для них дешевого кредита⁵⁵. Так Кривенко приходил к выводу о необходимости материальной и нравственной поддержки артелей со стороны государства, видя в этом одно из средств удовлетворительного решения «величайшего вопроса современности» об отношениях труда и капитала.

Не менее важное место в работах Кривенко занимали вопросы, связанные с улучшением благосостояния крестьянства. Великая крестьянская реформа отрезала у бывших крепостных лучшую часть находившихся в их пользовании земель, которую им впоследствии пришлось арендовать, а выкупные платежи превышали действительную доходность крестьянских наделов. Отсюда и образование недоимок. Рост населения с 74 до 85 миллионов человек (за первые 10 лет реформы) при ограничении права поселян на свободное передвижение и выбор занятий, ускорил расстройство их хозяйства.

Положение крестьянства, составляющего $\frac{3}{4}$ населения страны, не могло не привлечь внимания печати и общества, особенно после самарского голода 1872–1873 гг. В 1876 г. было опубликовано – двухтомное исследование крупного знатока вопроса кн. А. И. Васильчикова. Главной причиной обеднения сельского населения, сведшего на нет все достоинства реформы 1861 г., он считал несовершенство системы податного обложения. Размер же надела землевладельческого класса признавался совершенно достаточным⁵⁶.

По поводу этой книги Кривенко поместил в «Отечественных записках» рецензию (1878. № 8), где выразил категорическое несогласие с практическими выводами автора. Ссылаясь на «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (СПб., 1877)

проф. Ю. Э. Янсона – другого корифея отечественной экономической науки, он доказывал, что начавшееся оскудение центральных губерний России есть прямое следствие крестьянского малоземелья. По подсчетам Янсона, даже государственные крестьяне не имели пяти десяти на душу, тогда как для нормального ведения хозяйства, при существующих условиях агротехники, их требовалось не менее семи⁵⁷.

Малоземелье, безусловно, не являлось единственной причиной обеднения крестьянского хозяйства. В данном случае нельзя было игнорировать низкую урожайность отечественной десятины (примерно в 2–3 раза меньше, чем в Европе). Но, с другой стороны, переход к более высокой земледельческой культуре требовал времени и затрат огромного капитала, которого не было ни у крестьян, ни у помещиков. Учитывая все это, Кривенко предлагал сосредоточить внимание на проблеме расширения крестьянского землевладения, как залого роста благосостояния народа и, следовательно, государства. С его точки зрения, было гораздо проще устранить потери производительности крестьянского труда от малоземелья, добившись переселения избытка рабочих рук на казенные земли (в конце XIX в. это 45 % территории Европейской России), а уж потом вводить усовершенствованные способы земледелия, при которых количество земли уступало место качеству ее обработки⁵⁸.

Предложение кн. Васильчикова о покупке крестьянами помещичьих земель с помощью специального кредита признавалось Кривенко нецелесообразным, так как при ненормальных ценах на землю (в среднем от 100 до 200 руб. за десятину) подобная сделка вовлекала землепашца в новую долговую кабалу. Лишь смягчение земельной тесноты в связи с колонизацией, а также уравнивание крестьянских платежей с помещичьими, по оценке Кривенко, могло бы ввести цены на помещичьи земли в нормальные пределы и, может быть, сделало бы их доступными для крестьян⁵⁹.

Была здесь и другая проблема, связанная с развитием в деревне товарно-денежных отношений. Кривенко прекрасно понимал, что в условиях превращения земли в объект купли-продажи обедневшее крестьянство ее не удержит. В качестве оплота от «язвы пролетариата» он, как и другие народники, предлагал сохранение в стране традиционной крестьянской общины, гарантирующей право каждого на землю.

Интересно отметить, что в своей критике предубеждений против общинного владения землей Кривенко исходил из второстепенности вопроса о форме землевладения (будет ли оно личным, общинным

или подворным) по сравнению с тем, кто обрабатывает землю – самостоятельный хозяин или наемник. Преимущество общины состояло в том, что при земельном просторе она не только не препятствовала развитию хозяйственной самостоятельности своих членов и усовершенствованию земледелия, но в силу присущих ей особенностей могла бы стать прообразом нового (социалистического) типа экономических отношений. В доказательство публицист ссылался на опыт Европы, где в поисках примирения между трудом и капиталом «люди науки (Рау, Милль, Штейн, Лавеле и др.) и правительства останавливаются как бы в раздумье и с сожалением над обломками общины, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее и вдохнуть в нее жизнь»⁶⁰.

Руководствуясь данными соображениями в своих статьях, посвященных проектируемому либеральными экономистами кредиту для покупки крестьянами земель, Кривенко настаивал, чтобы он предоставлялся преимущественно общинам. Оставлять их без кредита в то время, когда частные земледельцы уже пользовались услугами акционерных банков и ссудо-сберегательных товариществ, означало связать общине руки и лишить ее возможности перейти от экстенсивного хозяйства к более рациональному.

Народников критиковали и критикуют за половинчатость предлагаемых ими мер спасения народа от массового обнищания. Будто бы они и не догадывались, что отстаиваемая ими община, помимо всего прочего, тормозила отток избытка сельского населения в другие отрасли хозяйства, обостряя тем самым аграрный кризис в деревне. Сам Кривенко смотрел на этот вопрос несколько иначе. Даже такая радикальная мера, как национализация земли, за которую он тоже ратовал на страницах «Отечественных записок», могла обеспечить всех нуждающихся и защитить страну от пролетариата лишь на более или менее продолжительное время. «Страны, исключительно земледельческие, существовать не могут»; в конце концов, в них непременно возникает промышленность и люди, специально посвятившие себя фабричной деятельности. Русский крестьянин тоже не был обречен на вечные времена оставаться земледельцем. Ему давно уже требовались другие источники дохода⁶¹.

Зная, какое тяжелое положение несла рабочему капиталистическая промышленность, народники стремились противопоставить ей так называемое «народное производство», организованное на более справедливых артельных началах (равноправие, круговая порука, солидарность) из крестьянских кустарных промыслов. Его развитие на

базе новейших технических достижений они считали более полезным для народа, чем искусственное насаждение крупной капиталистической промышленности, ориентированной на удовлетворение потребностей высших классов и убыточной для страны⁶². Вот почему до тех пор, пока не создано настоящей народной промышленности, русский крестьянин должен был сохранить землю как временную гарантию от капиталистической зависимости.

Таким образом, отстаиваемая Кривенко программа экономических преобразований носила ярко выраженный демократический характер. Понимая, что страна нуждается в технически развитой промышленности и более рациональном сельском хозяйстве, народники категорически отказывались санкционировать их модернизацию за счет простого народа, и в первую очередь крестьянства. Они были твердо убеждены, что насущные интересы и потребности живых людей не могут быть принесены в жертву ни государству, ни техническому прогрессу.

Из неэкономических статей Кривенко, помещенных в журнале «Отечественные записки» до конца 1870-х гг. особенно выделяются две: «Физический труд как необходимый элемент образования» (1876. № 2, 4; 1877. № 5) и «Несколько замечаний на сочинение Спенсера о воспитании...» (1878. № 7). В 1879 г. они были переизданы в виде книги.

Разработку темы физического труда и его роли в воспитании нового поколения Кривенко начал еще на рубеже 1860–1870-х гг.⁶³ К тому времени он уже имел возможность на себе испытать все недостатки современной школы. Чрезмерное умственное напряжение учащихся, длительное сидение без движения, в душной атмосфере, безусловно, оказывало разрушительное влияние на их здоровье, мешало развитию «бодрости» мысли и формированию энергичного характера. В качестве панацеи от этих бед Кривенко настоятельно рекомендовал дополнение школьной программы уроками физического труда как необходимого условия «правильного духовного развития и умственной деятельности» воспитанников. Однако это далеко не главный вывод автора.

Подойдя к проблеме образования не как педагог, а как публицист, Кривенко рассматривал школу как отражение (слепок) господствующих в обществе политических и экономических отношений. Тем самым, читатель вводился в более широкий круг экономических, нравственных и социологических вопросов. По мысли Кривенко, физический

труд не пользуется популярностью у образованных классов, так как ассоциируется с тяжелой повинностью, отбываемой простым народом. До тех пор, пока труд не изменит своего социального статуса в жизни (т.е. не освободится от эксплуатации со стороны «умствующего» меньшинства, не желающего взять у народа свою часть этой обременительной для него ноши), он и в школе не займет достойного места. «Если бы я, – признается Кривенко, – был человеком могущественным в Европе или даже в какой-нибудь отдельной стране, то я, не задумываясь, сделал бы физический труд обязательным для каждого гражданина и был бы вполне уверен, что страна моя скоро достигнет громадного материального могущества, выиграет в личной свободе и достигнет такой умственной высоты, какой еще не видел мир»⁶⁴.

А вот как оценено содержание работы Кривенко (точнее, одной статьи, напечатанной в апреле 1877 г.) в докладе министра внутренних дел А. Е. Тимашева Александру II, преследовавшем цель объявить «Отечественным запискам» второе предупреждение: «"Физический труд как необходимый элемент образования", – сообщает министр, – развивает известную социалистическую теорию о том, что как в древности, так и в настоящее время, устройство гражданских обществ имеет в основании одни и те же начала: высшие правительственные классы, овладев посредством силы и обмана трудом низших рабочих классов, предаются тунеядству, а низшие являются подавленные нищетой и невежеством»⁶⁵. Впрочем, в преддверии войны с Турцией царь не решился волновать общественное мнение.

Появление отдельной книги о физическом труде вызвало сочувственное отношение печати, несмотря на замеченную небрежность автора в написании отдельных мест и ряд досадных неточностей и фактических ошибок⁶⁶. Известны положительные отзывы о ней именитых друзей Кривенко – Г. И. Успенского и Н. К. Михайловского. Л. Н. Толстой также находил эту книгу «превосходной». 28 марта 1884 г., прервав ее чтение, он делает дневниковую запись: «Как дороги русским основы нравственности без сделок»⁶⁷.

В исследовательской литературе «Физический труд как необходимый элемент образования» признается наиболее характерной работой Кривенко. Она не только излагает общественные взгляды публициста, но и содержит ключ к пониманию особенностей его народнического мировоззрения.

§ 4. Историко-социологическое обоснование народничества в трудах С. Н. Кривенко

С самого начала своей общественной и литературной деятельности С. Н. Кривенко проявил себя сторонником народнического направления. Правда, народником в смысле приверженности к общинным устоям крестьянской жизни и самобытному некапиталистическому пути развития России он стал именоваться только в 90-е гг. XIX века в связи с размежеванием и дифференциацией идейных течений демократического лагеря. До этого времени сам термин «народничество» был настолько общим и неопределенным, что «народниками» считали себя чуть ли не все, кто выражал беспокойство по поводу положения простого народа. Например, к народникам относились тогда представители крайнего национализма (шовинисты), а за границей так назывались южноамериканские плантаторы, тоже «заботящиеся» о своих рабах. Недаром, еще в 1880-е годы «кличку “народник” почти никто из наших писателей и публицистов за собой не признавал»⁶⁸. Не было исключением и Кривенко, заявивший однажды, что «никогда и нигде народником себя не называл». Он даже вычеркнул свое имя из списка народнических писателей в «Очерках народной литературы» С. А. Анненского⁶⁹. При этом Кривенко не думал отказываться от данного имени, если, как он пишет, «оно, действительно, мне принадлежит по характеру моих статей и принадлежности к той большой группе писателей..., которая ставила во главу угла народные интересы, неразрывно связывая их с наукой, свободой совести и личности»⁷⁰.

Как видно, народники были разные: «настоящие» – в привычном для нас понимании представителей этого движения, и так называемые «лженародники», чаще всего сознательно использующие личину народничества для прикрытия своих узкословных интересов. Единственное, что их объединяло, это уверенность в праве выступать гласом русского народа, хотя в обоих случаях это право основывалось на преувеличенном представлении о сочувствии масс к декларируемым ими стремлениям.

Любопытно посмотреть, что думали по поводу этой градации такие типичные народники, как Кривенко. Как они отличали подлинного друга народа от его врага? Какие побуждения позволяли им считать свою деятельность бескорыстной? Чтобы разобраться с этим, мало ознакомиться с практическими требованиями народников. Надо

раскрыть содержание предлагаемого ими идеала социального прогресса, так как для Кривенко и его идейного окружения именно он определял те общественные условия, в которых больше всего нуждался русский народ. Сегодня оценка потребностей общественного развития через призму произвольно сконструированного идеала (в данном случае социалистического) признается антинаучной. Но в то время такой подход имел соответствующее историко-социологическое обоснование.

У Кривенко нет работ, специально посвященных проблеме поступательного развития общества. Он не был народническим социологом, как П. Л. Лавров или Н. К. Михайловский. Однако, занимаясь литературно-публицистической деятельностью, Кривенко считал своим долгом постоянно напоминать «публике» о злобе дня, направляя ее к известным общественным идеалам, «вынесенным из изучения истории и цивилизации», подвергать жизнь самому точному исследованию с целью установления истины (причин существующего в жизни зла); указывать обществу точку отправления и пути и средства необходимой для него преобразовательной деятельности⁷¹. Следовательно, определенные убеждения на этот счет у него, несомненно, были. С представлений Кривенко об общем ходе и особенностях исторического процесса мы и начнем рассмотрение основополагающих идей его народнического мировоззрения.

История, замечает публицист в одной из своих статей, стоять на месте не может. Это процесс поступательного развития общества, движение от низших его форм к высшим⁷². Не все в этом мире идет к лучшему и устраивается само собой, как самоуверенно полагал старик Панглосс (известный герой философской повести Вольтера «Кандид»). Социальный порядок и цивилизация далеко не всегда бывают продуктом сознательной и безошибочной работы ума, а обыкновенно являются плодом сложных условий: исторической жизни, географического положения, климата и т.п.⁷³ В силу этого общество развивается не равномерно поступательно, а скачками, следствием которых являются периодические духовные и экономические кризисы.

Тем не менее, решающую роль в истории Кривенко отводил действию не объективных факторов, например, экономических законов, а развитию человеческого духа (критической мысли), который «не мог успокоиться ни в одной из былых форм и перерастал их, преодолевая тем самым временные преграды, стоящие на пути цивилизации». Человечество всегда шло вперед через борьбу идеально

честной личности с жизнью за истину и цивилизацию. В этом состояла сущность его эволюции и прогресса⁷⁴.

Значение идейного фактора в человеческой истории Кривенко преувеличивал не случайно. Публицист указывает на специфичность законов общественной жизни в сравнении с законами, которыми управляется физический и органический мир. Прежде всего, они касаются жизни человека (например, производство, обмен и распределение – чисто человеческое дело). И человек выступает здесь не как какой-то служебный механизм, но как «первая и главная сила» (в ряду условий и сил), направляющая общественную, а, следовательно, и экономическую жизнь. Вот почему, изучив действие этих объективных сил, господствующих над историей, люди смогут установить над ними контроль⁷⁵.

Уверенность в принципиальной возможности такого познания Кривенко почерпнул в позитивизме с его культом науки (сциентизм). Ссылки на данные науки как критерий истины и в будущем решающую силу социальных преобразований постоянно присутствовали в его работах. Кроме того, при осмыслении общего хода исторического процесса Кривенко руководствовался субъективным методом ценностного или «человеческого» подхода к оценке социальных явлений, подхода с позиции наиболее желательного (для большинства людей) нравственного идеала. Главная идея метода состояла в признании того, что в общественной жизни понимание истины и справедливости неразрывно связано с интересами конкретных людей^a. На этом основании Кривенко определяет наиболее рациональный путь развития цивилизации, цель и идеал социального прогресса.

Самым важным событием истории, оказавшим решающее влияние на ее ход, Кривенко считал разделение умственного и физического труда. На самых первых ступенях цивилизации между людьми произошло такое распределение занятий, при котором физический труд стал наследственным, прирожденным уделом одних, а умственный труд – уделом других. Никаких оснований – ни физиологических, ни биологических, ни социально-экономических для подобного распределения не было. «Человечество не руководствовалось при этом... никакими соображениями, кроме расчетов узкого своекорыстия тех, которые были сильнее, проворнее или хитрее других». Заняв привилегированное положение в обществе путем образования

^a Данное положение сближает субъективный метод с марксистским учением о партийности общественных теорий⁷⁶.

каст и сословий, поставив на свою службу государство, взяв под контроль его внутреннюю и внешнюю политику, эта тунеядствующая олигархия стала беспрепятственно эксплуатировать массы. Так образовалось два лагеря, две партии, два противника: люди, желающие жить собственным трудом, и люди, стремящиеся к жизни без труда⁷⁷.

История эта, замечает Кривенко, повторялась почти каждым народом с незначительными изменениями. Патриции и плебеи, феодалы и города, гвельфы и гибеллины, фритредеры и протекционисты, крепостники и либералы – все они враждовали из-за одного и того же вопроса о благосостоянии. В итоге борьба за благосостояние (за то, чтобы с одной стороны захватить продукты чужого труда и эксплуатировать его представителя, а с другой – не дать своего имущества и не попасть в зависимость) стала основным явлением истории, главным стимулом всех исторических событий. «Дарвиновский закон борьбы за существование проявился здесь (на первых ступенях цивилизации. – Г. М.) со всею своею естественною наготою и даже с цинизмом, на который... способен только один человек из всего царства животных. Эксплуатация масс была обращена в целую систему... которая, мало-помалу совершенствуясь, дошла, наконец, до того изумительного совершенства и деликатности, в каком мы ее встречаем в цивилизованной Европе нашего времени»⁷⁸.

Последствия односторонней деятельности человека, по убеждению Кривенко, печальны. Это хаос в экономике как следствие ее стихийного развития от кризиса к кризису⁷⁹. Это жизнь, полная лишений для тех, кто вынужден был заниматься только физическим трудом и кормить значительную часть исключенного из непосредственного производства населения. (В России, по свидетельству публициста, из четырех человек главные полевые работы выполнял только один). Это начало физического вырождения и умственной деградации человечества, причем слабоумие и идиотизм особенно быстро распространялись среди подрастающего поколения. Это дурное нравственное состояние общества, моральный кодекс которого основывался на стремлении к богатству, общественному положению и власти, что вело к личному соперничеству и разладу общественной жизни⁸⁰.

Вместе с тем, Кривенко не разделял мысли о неизбежной гибели человеческой цивилизации. Поскольку эволюция, благодаря успехам мысли, есть движение «от инстинктивного и бессознательного к сознательному», то и в жизни общества постепенно превалируют духовные

и идеальные факторы, пробуждающие в человеке лучшие качества его натуры, подвигающие его к деятельности «на алтарь общественного служения». Под их влиянием люди начинают понимать, что существующий строй жизни отнюдь не лучший тип экономического и гражданского устройства, что путь, по которому идет цивилизация – тупиковая ветвь социального развития. И, наконец, что именно «личность, страдающая, мыслящая и творящая прогресс, есть фокус, куда должны быть направлены все человеческие усилия и помышления, что ее независимость, свобода, благосостояние и развитие – суть главные задачи и обязанности всякого человеческого общества и... именно постольку общество и хорошо, поскольку оно выполняет эти задачи»⁸¹.

Таким образом, во главу угла общественного развития Кривенко ставил прогресс человека. Идеалом его было всестороннее развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях, а не технический прогресс. Сопровождавшее развитие техники и технологий усложнение общественных отношений на основе «разделения человека» (его труда), по мнению публициста, только препятствовало гармоничному развитию личности, улучшению общественных форм и приближению человечества к царству «высшей» культуры.

Какие же условия необходимы для осуществления общественного прогресса? Ответ на этот вопрос Кривенко искал, исходя из взаимосвязи природы личности и общественного строя. Человек – существо общественное. В нем сильны еще животные инстинкты, он нравственно не совершенен. И все же общество оказывает на него большее влияние, чем природа. «Мы дышим социальным воздухом», – приводятся по этому поводу слова Джорджа Льюиса⁸². Личность вынуждена приспособливаться к переменам общественной среды. Но и государство как орган, призванный контролировать действия личности (чтобы она не вредила другим), тоже, в свою очередь, зависит от общественного состояния природы человека. Средний уровень характера народа определяет качество существующего над ним контроля. Поэтому, по убеждению Кривенко, истинное назначение государства состояло в том, чтобы, руководствуясь требованиями высшей справедливости и нравственности, гарантировать каждому индивиду возможно больше благополучия, свободы и условий для всестороннего развития⁸³. Одним словом, необходимо согласование общественного устройства с человеческой природой. Не личность должна существовать для государства, а государство для личности.

Что же препятствует установлению такого порядка в реальной жизни? Может быть, все дело в несовершенстве личности – первоисточнике добра и зла, и перестройку жизни надо начинать с самих себя, как утверждал Лев Толстой? Кривенко признает данный путь совершенствования общественных отношений односторонними, поскольку он замыкает деятельность личности на себе, изолируя ее от жизни. Корень зла он видел не в природе человека, а в несправедливом, слишком усложненном устройстве общественного порядка, в существовании угнетения труда капиталом и, как следствие этого, борьбы человека с человеком. Причины этих явлений крылись в отделении знания от труда и появлении у людей особых привилегий⁸⁵. Вот почему важнейшим условием прогресса личности Кривенко считал уравнивание экономических и гражданских прав высших и низших классов. Хотя подобная мера повлекла бы за собой упрощение социальной структуры общества, Кривенко был уверен, что это не приведет к его «поголовному однообразию» (негативному нивелированию) и упадку духовных сил и стремлений. Наоборот, предоставление каждому человеку полной свободы духовной и материальной деятельности создаст все условия для его всестороннего развития и совершенствования. По наблюдению публициста, шаги в данном направлении уже были отмечены в законодательстве многих стран, что свидетельствовало о вступлении человечества в демократический век. Но никакая конституция не спасет его от «рокового времени», если труд останется угнетенным⁸⁶.

Одним из наиболее действенных средств преодоления крайностей разделения труда и прекращения эксплуатации Кривенко считал обобществление производства и обмена и регулирование их обществом по заранее обдуманному плану, т.е. замену товарного производства «производством более правильным», где двигателями труда будут не нужда, деньги и конкуренция, а природная потребность человека в труде и сочувствие его к общему благополучию⁸⁷. При этом Кривенко искренне полагал, что социалистический идеал с его приматом высших общечеловеческих интересов над интересами отдельной личности не противоречит основному строю природы человека,

^a Необходимо уточнить, что С. Н. Кривенко не выступал против естественной специализации занятий. Он был противником ее крайних форм, полагая, что разделение труда могло бы совершиться «без привилегий, без львиной доли одного и без голодания другого участника в производстве», т.е. без прямого ущерба работе и человеку⁸⁴.

ведь он существо общественное. Более того, только благодаря развитию в личности альтруизма и чувства солидарности она сможет достигнуть такой степени умственного и нравственного совершенства, что увидит в беззаветной преданности обществу не последнюю, а первую необходимость. Это и приведет к желательному ослаблению или даже устранению контроля за личностью со стороны государства.

«Любовь к отличию и страх позора, – цитирует публицист “Автобиографию” Джеймса Милля, – может одушевить самых обыкновенных людей энергическими усилиями и крайним самопожертвованием на пути к общему благополучию». Надо только, чтобы новые поколения были воспитаны иначе, чем сейчас, чтобы ум у большинства людей привык работать в этом направлении и все существующие учреждения, имеющие огромное воспитательное значение, поддерживали и развивали в них эти стремления, как до этого они способствовали укоренению в людях эгоистического чувства⁸⁹. Даже «теперешние» люди (включая наиболее «неразвитые» и «плохие» общественные элементы), «будучи поставлены в иные условия имущественных и других взаимных отношений, могут стать гораздо лучше и дать совсем иные индивидуальные и общественные результаты». При настоящем же строе жизни и условиях воспитания трудно ожидать, сетует Кривенко, чтобы личность достигла равномерного и всестороннего своего развития. Во всяком случае, такие личности редкое исключение. Только внедрение в жизнь социалистического идеала общежития «подвигнет» человечество к достижению цели прогресса⁹⁰.

Остается выяснить взгляды Кривенко относительно конкретных путей к идеальной гармонии общественных отношений. Как известно, именно этот вопрос вызывал у народников принципиальные разногласия, деля их на сторонников революционного и эволюционного развития общества. В 1870-е гг. по мере провала попыток мирной (т.е. легальной, допустимой законом) деятельности интеллигенции «в народе», росла популярность идеологов революционного народничества. После разгрома «Народной воли» инициатива переходит к реформистам.

Кривенко изначально стоял на позиции эволюционизма. Он отказывался поддерживать точку зрения, по которой утверждение в жизни социалистического идеала возможно только как результат «суровой

^a Развивая эту мысль, С. Н. Кривенко предлагал, напр., исключить из воспитания приучение детей к накоплению денег, а также все внушения «по части куска и пробивания дороги в свете», которые способствуют закреплению существующего порядка общественных отношений⁸⁸.

борьбы общественных классов». Революция признавалась им крайним, вынужденным средством разрешения социальных конфликтов. От революционных потрясений больше всего страдал простой народ. Поэтому надо было использовать любую возможность улучшения общественных отношений без разжигания социального сепаратизма, без борьбы и насилия. Кроме того, в стране, где долгое время существовало систематическое угнетение личности, где человек привык быть господином или рабом, не было гарантий, что будущее, пусть даже самое интеллигентное правительство, не окажется еще более деспотичным, чем прежнее. Гораздо надежнее, если дело социальных преобразований возьмут на себя сами трудящиеся массы. В любом случае без их непосредственного участия новая цивилизация никогда не пустит глубокие корни, а человеческие отношения не сделаются справедливее⁹¹.

С точки зрения Кривенко, для смены старого строя новым требовалось воздействие целого ряда сложных исторических процессов, среди которых подготовка нового человека, свободного, насколько это возможно, от традиций старого строя, имела первенствующее значение⁹². Конечно, реализовать эту задачу при существовавших тогда общественных условиях было невозможно. Если только народолюбивая интеллигенция не согласилась бы взять на себя инициативу произвести ряд социальных опытов над выработкой более рационального и альтруистического уклада жизни, «с наименьшей зависимостью и наибольшим простором для личности, с лучшими условиями для развития ее духовных сил и приложения способностей». Тогда бы «новый человек» воспитывался в рамках этого уклада. При успешных опытах новый жизненный уклад мог быть распространен на все государство⁹³. Иными словами, лучший общественный строй должен подготавливаться в недрах старого, параллельно с его разрушением.

Данный вариант мирного развития общества предполагал, как минимум, два условия. Во-первых, чтобы народ, оцениваемый Кривенко как главная политическая и экономическая сила государства, не отверг приготовленные для него новые социальные начала. Во-вторых, чтобы власть, от которой зависел порядок, благосостояние и рост государства, оказала необходимую поддержку развитию в стране культурнического движения.

Будучи народником, Кривенко верил, что первое условие выполнимо, если в основание будущего строя положить народные идеалы, в общих чертах совпадающие с идеалом социализма, если дать

народным массам свободу и просвещение. Сложнее с правительственной властью. Любая власть призвана охранять основы существующего строя от насильственного его ниспровержения, т.е. по своему своему назначению обязана быть консервативной. В то же время правительство должно не игнорировать, а чутко прислушиваться к нарастающим общественным потребностям и к развитию и движению идей. Власть должна создать условия для легальной деятельности всех общественных сил, способных к созидательной работе, дав им возможность применять новые доктрины на практике и не допускать только всеобщего их применения до тех пор, пока оно не убедится в их полезности и желательности для большинства населения. Иначе, предупреждает публицист, государству может грозить опасность насильственных переворотов⁹⁴.

Немного найдется стран (Кривенко называет, например, Германию, Англию, США), правительства которых соблюдали эти условия. Проблема в том, что успех социальных преобразований зависел не только от степени чуткости к ним со стороны руководителей общества, но и от самого «культурного» общества, призванного служить народу и прогрессу. Если оно в гражданском отношении не развито, т.е. большинство интеллигенции не осознает своих гражданских обязанностей и потребностей и, следовательно, равнодушно к внутренней жизни страны, то движение общества в ту или иную сторону будет результатом противодействия не потенциальных (нули), а активных (единицы) общественных сил. Если положительных сил больше, оно идет вперед, если отрицательные силы получают преобладание, — идет назад. При этом пассивные элементы вовсе не остаются в безразличной роли, а увеличивают движение в направлении преобладающем. Все зависит от того, с какой стороны нуля будет поставлена единица. Ну а поскольку в обществе, развивает свою мысль публицист, всегда немало охотников «подтормаживать цивилизацию», то в жизни чаще всего торжествуют какие-то «пройдохи», «бесшабашный и реакционный элемент»⁹⁵.

Причины пассивности русского общества Кривенко видел в его умственном состоянии, в отсутствии глубоко нравственных идеалов, способных объединить все разрозненные общественные элементы для совместной созидательной работы в одном направлении, во имя одной общей цели. Поэтому его общественная программа была направлена, прежде всего, на активизацию деятельности русской интеллигенции, как важнейшей предпосылки для дальнейшего развития страны.

Такова философия обновления мира Кривенко. Исходные ее положения, характеризующие сам строй мышления народнического публициста, сформировались еще в 1870-е гг. и, в сущности, оставались неизменными на протяжении всей его жизни. Самые важные из них:

- признание целью социального прогресса увеличение свободы, благополучия и «общей суммы счастья» каждого отдельного человека; апология физического труда как фундамента для построения совершенного социалистического общества;

- подход к действительности по принципу долженствования, т.е. с точки зрения рационально сконструированного идеала; упор на нравственные мотивы человеческой деятельности как критерии общественного развития;

- вера в то, что стоит только сформировать нового человека, поставить его в такие общественные условия, при которых жизнь и деятельность личности регулировались бы не государством, а сознанием ее гражданского долга, и процветание человечества будет обеспечено.

Нельзя сказать, чтобы перечисленные положения отличались особой оригинальностью или какой-то совершенно новой аргументацией. Это же касается и предложенного Кривенко историко-социологического обоснования необходимости слияния интеллигенции и народа (умственного и физического труда) – ключевой идеи его народнической доктрины. В свое время об этом писали многие видные теоретики народничества, например, В. В. Берви-Флеровский, П. А. Кропоткин, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский. Последний посвятил Кривенко отдельное издание своей статьи «Что такое прогресс?» (написана в 1869 г.), где обстоятельно доказывалась правомерность борьбы за достижение социалистического идеала⁹⁶.

Но напомним, что Кривенко социологом не был и никогда на это звание не претендовал. Даже в богатом обществоведческими рассуждениями «Физическом труде как необходимом элементе образования» он выступает, прежде всего, как талантливый популяризатор запрещенной социалистической теории. Его основная роль в народническом движении состояла в разработке практической программы преобразования существующего строя, общей (по крайней мере, в экономической своей части) и для революционеров, и для сторонников мирных реформ⁹⁷. Наиболее ярко эта сторона общественной деятельности Кривенко проявилась с конца 1870-х гг. в связи с общей политизацией русского народничества.

Примечания

¹ *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос // Вестн. Европы. 1881. № 3. С. 45.

² *Герцен А. И.* Исполин просыпается // Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 15. С. 175.

³ См.: *Шишко Л.* К характеристике движения начала 70-х годов (Из личных воспоминаний) // Рус. богатство. 1906. № 10. С. 83–85.

⁴ [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 1. С. 143.

⁵ *Кривенко С. Н.* Сергеевы игры // Игрушечка. 1908. № 6. С. 260.

⁶ Там же. С. 263–265.

⁷ [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 134.

⁸ Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845–1895. Воронеж, 1898. С. 243.

⁹ [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 1. С. 145.

¹⁰ *Кривенков А. Н.* Воспоминания о С. Н. Кривенко. 1906–1907 гг. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

¹¹ Цит. по: [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 1. С. 150.

¹² См.: *Кривенко С. Н.* «Человек служебного долга и справедливости». Воспоминания о П. С. Ванновском. 1904–1905 гг. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

¹³ *Максимов Е. Д.* Запись беседы с А. Н. Куропаткиным о С. Н. Кривенко. 1907 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁴ *Кривенков А. Н.* Воспоминания о С. Н. Кривенко. Л. 2 об.

¹⁵ [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 1. С. 160–161.

¹⁶ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Эволюции идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. Гл. 2.

¹⁷ [*Максимов Е. Д.*] Биография С. Н. Кривенко. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Д. 1939. Л. 6.

¹⁸ *Кривенко С. Н.* Литературные воспоминания и характеристики. Г. З. Елисеев // Рус. мысль. 1901. № 7. С. 110.

¹⁹ *Кривенков А. Н.* Воспоминания о С. Н. Кривенко. Л. 3–6.

²⁰ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 115–116.

²¹ [*Колосов Е. Е.*] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов // *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 1. С. XXXV; [*Максимов Е. Д.*] Биография С. Н. Кривенко. Л. 4.

²² *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 118.

²³ Российский государственный исторический архив г. С.-Петербурга. Ф. 492. Петербургский технологический институт. Оп. 2. Д. 2029. Л. 62; Д. 9602. Л. 48 об., 95 об.; Д. 2086. Л. 109.

²⁴ Упоминание об этом см.: *Южаков С. Н.* Памяти С. Н. Кривенко // Рус. богатство. 1906. № 7. С. 181; [Б/п] С. Н. Кривенко (Некролог) // Слово. 1906. 7 (20) июня.

²⁵ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 118; Ср.: *Он же.* На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. СПб., 1895. С. 99.

²⁶ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 120.

²⁷ Там же. С. 119.

²⁸ Там же. С. 125.

²⁹ [Максимов Е. Д.] Биография С. Н. Кривенко. Л. 5.

³⁰ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 1. С. 167–168.

³¹ [Кривенко С. Н.] *С. К.* Как живет Закавказье // Рус. богатство. 1894. № 11. С. 133.

³² *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 124.

³³ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 3. С. 213, 217.

³⁴ Там же. С. 220.

³⁵ [Кривенко С. Н.] Кавказский берег Черного моря // Отечеств. записки. 1878. № 3. С. 47.

³⁶ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 3. С. 223.

³⁷ Письмо С. Н. Кривенко к Г. З. Елисееву. 8 февраля 1876 г. – ОР РГБ. Ф. 576. К. 2. Д. 16. Л. 1–1 об.

³⁸ [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 3. С. 226.

³⁹ Письмо С. Е. Усовой к Е. Д. Максимову. Б/д. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 об.

⁴⁰ Там же. Л. 3 об.

⁴¹ См.: *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. Прибавление «А» // Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М., 1964. Т. 1. С. 40–44, 51–52.

⁴² *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 308.

⁴³ Письмо С. Н. Кривенко к Г. З. Елисееву. 8 февраля 1876 г. – ОР РГБ. Ф. 576. К. 2. Д. 16. Л. 3.

⁴⁴ *Южаков С. Н.* Указ. соч. С. 181.

⁴⁵ *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX в. М., 1989. С. 197–198.

⁴⁶ *Засодимский П. В.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 220–221.

⁴⁷ *Кривенко С. Н.* Литературные воспоминания и характеристики. С. 108.

⁴⁸ Там же. С. 109–110.

⁴⁹ См.: *Ансберг О. Н.* К истории изучения журнала «Отечественные записки» (1868–1884) // Вестн. ЛГУ. 1983. № 8. Сер. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 94–97.

⁵⁰ *Русанов Н. С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 170.

⁵¹ *Кривенко С. Н.* Литературные воспоминания и характеристики. С. 116–117.

⁵² См.: *Михневич В.* Наши знакомые. СПб., 1884. С. 116.

⁵³ [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 3. С. 231.

⁵⁴ [Кривенко С. Н.] Сущность, цель и границы потребительских обществ // Сборник материалов об артелях в России. Потребительские общества. СПб., 1875. Вып. 3. С. 22.

⁵⁵ Кривенко С. Н. Русские народные артели // Собр. соч. Т. 1. С. 213, 214.

⁵⁶ Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 1. С. 675.

⁵⁷ Кривенко С. Н. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах... // Собр. соч. Т. 1. С. 422, 423.

⁵⁸ Кривенко С. Н. К вопросу о мелком земельном кредите // Там же. С. 438.

⁵⁹ Кривенко С. Н. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах... // Там же. С. 424.

⁶⁰ Там же. С. 417.

⁶¹ Кривенко С. Н. Русские народные артели. С. 237; Он же. К вопросу о мелком земельном кредите. С. 450.

⁶² Там же. С. 448.

⁶³ Письмо В. В. Томашевского к Е. Д. Максиму. 19 ноября 1906 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 66. Л. 1 об.

⁶⁴ Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб. 1887. 2-е изд. С. 232.

⁶⁵ Евгеньев-Максимов В. Очерки по истории социалистической журналистики. XIX в. М.; Л., 1927. С. 188–189.

⁶⁶ Рецензии см.: Отечеств. записки. 1879. № 1. С. 58–59; Вестн. Европы. 1879. № 2; Дело. 1879. № 2. С. 49–54; Критическое обозрение. 1879. № 9. С. 11–13.

⁶⁷ Цит. по: Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 г. М., 1970. С. 312.

⁶⁸ Венгеров С. А. Народничество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 40. С. 586–587.

⁶⁹ Рус. богатство. 1892. № 7–10.

⁷⁰ [Кривенко С. Н.] С. К. По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 12. С. 200–201.

⁷¹ Кривенко С. Н. По поводу внутренних вопросов // Собр. соч. Т. 2. С. 8, 112, 311.

⁷² Там же. Т. 2. С. 43.

⁷³ Кривенко С. Н. Физический труд. С. 43.

⁷⁴ [Кривенко С. Н.] Сергеев С. Е. Император Вильгельм II и вопросы международной политики. СПб., 1890. С. 31.

⁷⁵ Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Рус. богатство. 1893. № 12. С. 187; Он же. К вопросу о нуждах народной промышленности // Рус. богатство. 1894. № 10. С. 121, 122.

⁷⁶ См.: Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX в. Л., 1969. С. 32.

⁷⁷ Кривенко С. Н. Физический труд. С. 105, 106.

⁷⁸ Там же. С. 104, 106, 279.

⁷⁹ Подробнее см.: [Кривенко С. Н.] Экономические кризисы (По Максиму Вирту) // Отечеств. записки. 1878. № 6, 7.

⁸⁰ Кривенко С. Н. Физический труд. С. 145, 159, 175, 213.

⁸¹ Там же. С. 204, 253.

⁸² Там же. С. 251.

⁸³ Там же. С. 252, 294.

⁸⁴ Там же. С. 199.

⁸⁵ Там же. С. 231, 257.

⁸⁶ Там же. С. 136–137, 214.

⁸⁷ Там же. С. 222, 231; Кривенко С. К вопросу о нуждах народной промышленности. С. 121, 122; Он же. По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 2. С. 183.

⁸⁸ Там же. С. 266.

⁸⁹ Кривенко С. Н. Физический труд. С. 231, 256.

⁹⁰ Там же. С. 255; Кривенко С. Н. На распутье. С. 4.

⁹¹ Кривенко С. К вопросу о нуждах народной промышленности. С. 122; Он же. Физический труд. С. 270, 296.

⁹² [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко. № 5–6. С. 283.

⁹³ Кривенко С. Н. На распутье. С. 4.

⁹⁴ [Кривенко С. Н.] Сергеев С. Е. Указ. соч. С. 31, 37, 38.

⁹⁵ Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 166; Он же. Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1892. № 2. С. 118.

⁹⁶ [Колосов Е. Е.] Указ. соч. С. X.

⁹⁷ Каратаев Н. К. Народническая литература 60–90-х годов XIX в. // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 15.

Глава вторая

С. Н. КРИВЕНКО В ПЕРИОД ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА 1870-х – НАЧАЛА 1880-х гг.

*

В 1870-е годы большинство народников относилось к политике с явным предубеждением. Социалистические преобразования и обществе признавались возможными в результате развития самостоятельности масс непосредственно и сфере экономических отношений. Все попытки добиться изменения социального строя политическим путем были заранее обречены на провал, так как после свержения абсолютизма власть в стране досталась бы не народу, а более организованной буржуазии. Долгое время это положение рассматривалось народниками как азбучная истина социализма¹.

Правда, один из идеологов народничества П. Н. Ткачев доказывал, что если власть захватит «революционное меньшинство», то, опираясь на мощь революционного государства, оно сумеет «безболезненно» перевоспитать народ к лучшей жизни. Но идея насилия над массами не пользовалась у народников широкой популярностью. Анархист М. А. Бакунин со своей доктриной сиюминутных социальных перемен посредством всенародного бунта – вот подлинный кумир радикально настроенной молодежи 1870-х гг.²

Что касается С. Н. Кривенко, то он, будучи «государственником», больше симпатизировал П. Л. Лаврову, признавшему необходимость длительной подготовки социального переворота «в среде общинных и артельных центров русского народа» (Петр Ткачев не зря обвинял соратника в эволюционизме). Только в отличие от «народников-пропагандистов» (лавристов) Кривенко мыслил эту деятельность не как революционную пропаганду, призванную возбудить ненависть масс к царю и господствующим в то время сословиям. Стратегия и тактика народников-реформистов были принципиально иными. Для Кривенко самодержавие – естественный союзник в борьбе с врагом номер один – зарождающейся русской буржуазией. Это, безусловно, еще не значит, что он мечтал о «царском социализме». Самодержавие и народовластие для него несовместимы. Речь шла о временном

использовании этого «пережитка крепостнической эпохи» для обуздания буржуазии, нуждающейся, как было известно из истории Европы, в политических свободах. Предположить, что царь добровольно даст России конституцию или допустит сознательное разрушение крестьянской общины – одной из опор трона – было просто невозможно.

И все же Кривенко и его единомышленники недооценили косности русского абсолютизма, сделавшего преследование легальной деятельности по улучшению народного быта элементом своей тогдашней внутренней политики. Коренной перелом в отношении «мирных» народников к правящей власти внесла только русско-турецкая война 1877–1878 гг., которую по влиянию на общественное мнение страны можно сравнить с Крымской войной 1853–1856 гг. Как писал в изданной в 1878 г. за границей брошюре известный либерал К. Д. Кавелин, «война и наши неудачи раскрыли всем глаза и с поразительной очевидностью обнаружили коренные недостатки нашей правительственной системы»³.

§ 1. Продолжение сотрудничества С. Н. Кривенко в «Отечественных записках»; организация артельных журналов

В 1877 г. С. Кривенко перебирается на постоянное жительство в С.-Петербург, где начинается период его активного сотрудничества в «Отечественных записках», расширяется круг знакомств, в том числе и в революционной среде. Наиболее важным событием с точки зрения дальнейшей политической биографии Кривенко явилось завязывание тесной дружбы между ним и Н. К. Михайловским. Влияние последнего на эволюцию политических взглядов Кривенко общеизвестно⁴.

Михайловский стал «политиком» раньше своего друга, вероятно, в конце 1877 – начале 1878 гг., когда под впечатлением от террористических актов землевольцев пришел к твердому убеждению о невозможности осуществления в России социалистических идеалов без предварительного завоевания политических свобод и конституции. В ноябре 1879 г. в «Политических письмах социалиста» он призывает народовольцев к решительной борьбе с самодержавием на том основании, что оно помеха европейской буржуазии, а российской наоборот – самая надежная опора (до тех пор, пока буржуазия не окрепнет и не разорвет своего приемного родителя в клочья)⁵. В правоте

Михайловского убеждал Кривенко и его собственный опыт деятельности в народе на рубеже 1860/70-х гг.

О быстром избавлении публициста от предрассудков аполитичного народничества свидетельствуют его работы конца 1870-х годов.

В апреле 1878 г. в «Отечественных записках» появляется статья Кривенко «Г-н Костомаров об исторической задаче», посвященная вопросу об исторической миссии России по отношению к народам Балканского полуострова. Русско-турецкая война только что закончилась и пришла пора подвести некоторые итоги. Оценку им народнический публицист попытался дать с позиции «коренных интересов» простого народа. Прежде всего, он категорически отказывался считать минувшую войну народной, какой она была объявлена патриотическими газетами. Россияне не питали к туркам ни племенной, ни религиозной ненависти и воевать с ними из-за этих вопросов не собирались, о чем говорило незначительное количество добровольцев. По его мнению, ненависть одного народа к другому возбуждают господствующие классы, а простолюдины руководствуются «непосредственным чувством» (пример, гуманное отношение к пленным туркам). А потому, замечает Кривенко, читая сообщения газет о том, что «русский народ восстал, как один человек», что он «не хочет мира и непременно требует, чтобы мы взяли Константинополь», «что малые крестьянские дети в утренних своих молитвах молятся за Черныева», «надо только удивляться этой смелости, этой удивительной развязности, которые возможны только благодаря полной безгласности народа...»⁶.

Подлинная историческая миссия России заключалась не в том, чтобы, освободив болгар от турецкого ига, тем самым способствовать установлению там куда более тяжелого гнета капиталистической фабрики. Кривенко связывал ее с «теми задатками, которые есть в нашем народе, которые приближают нас (а через нас, надо думать, и все человечество. – Г. М.) к высшему гражданскому типу, которые позволяют нам стать на высшую культурную ступень». Прежде чем беспокоиться о других народах, русское правительство должно было позаботиться о благополучии собственного Отечества. Кривенко, в частности, останавливается на сохранении в России привилегий для высших сословий общества как тормозе прогресса и причине удушливой атмосферы после падения крепостного права. Предоставление равных прав всему населению страны – вот в чем, с его точки зрения, состояла самая насущная задача переживаемого исторического

периода. А внешняя война – только «повод для замалчивания внутренних вопросов»⁷.

Потребности государства в демократических реформах еще в большей степени отразились в другой статье Кривенко – «Новые всходы на народной ниве». Для тех, кто до сих пор сомневается в его авторстве, сошлемся на письмо писателя А. И. Эртеля к отцу (от 2 июня 1879 г.). В нем содержится следующая рекомендация: «Прочтите в апрельской книжке “Отечественных записок” за 79 год статью Кривенко “Новые всходы на народной ниве” – очень и очень не дурно...»⁸. Если в чем Эртель и мог ошибиться, так это в нумерации книжки – апрель вместо февраля.

В названной статье Кривенко впервые для себя дает общую характеристику внутреннего положения России, определяя его «переломным и критическим». Главным признаком нового времени для публициста явилось появление в стране ростков 3-го сословия («новые всходы»), а также начало разложения крестьянской общины и прежнего социального единства деревенского населения. Скрывать данные факты, по мнению Кривенко, означало потворствовать разрастанию этих «грустных явлений» до ужасающих размеров. Он открыто признает два принципиально важных для народников пункта: 1) «и у нас есть почва для буржуазии», которая растет «не по дням, а по часам»; 2) «настоящая наша община, еще не бог весть какая гарантия (от пролетариата. – Г. М.)». «Земель у крестьянства было и без того мало, а теперь, – замечает Кривенко, – вследствие возрастания населения и ухудшения плодородия стало еще меньше: податная тягость не уменьшается; промыслов мало; местных заработков еще меньше; жизнь в деревне становится настолько тяжелой, что крестьянство целыми деревнями уходит далеко на заработки, оставляя дома только жен и детей»⁹.

Таким образом, почву для развития в стране капитализма составляла бедность рабочих классов. Далее указываются причины сохранения этой бедности. Кривенко находит их в политике правящей власти. Если, пишет он, трудящиеся массы не в состоянии справиться с буржуазией, то это еще не означает, что господство третьего сословия составляет «роковую и неизбежную историческую ступень цивилизации каждого народа». Государство, как хорошо организованная сила, может вмешаться в экономическую и общественную жизнь России и не допустить развития «нежелательных» процессов (т.е. капитализма). И если до сих пор не принимались меры к экономиче-

скому обеспечению общины, к ограждению деревни от «хищничества», значит такова «злая» воля русского правительства¹⁰.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Кривенко, явно не удовлетворяясь своим сотрудничеством в «Отечественных записках», пробует свои силы и в других изданиях. Например, в газете Д. К. Гирса «Русская правда», где в 89 номере за 1878 г. появилась его заметка по поводу циркуляра министра просвещения Д. А. Толстого о неосторожном обращении гимназистов с огнестрельным оружием. Она интересна тем, что вызвала гнев Толстого (а по слухам и самого Александра II), заставив его вступить в полемику со своим анонимным газетным критиком. Министру не понравилось, что насаждаемую им классическую систему гимназического образования Кривенко обрисовал не как средство просвещения, а как чисто политическое оружие умственного притупления молодежи. Например, по сведениям публициста, в то время аттестат зрелости получали 5–6 человек или 2–3 % от числа принятых в подобное учебное заведение, вследствие чего некоторые ученики предпочитали досрочно свести свои счета с жизнью¹¹.

Основательно погрузившись в литературную жизнь столицы с ее специфическими интересами и проблемами, Кривенко постепенно приходит к мысли о заведении своего артельного журнала. Стремление к независимости было тогда характерно для многих писателей и диктовалось их желанием гарантировать себя от эксплуатации концессионерами и издателями. «В журнальном мире, – замечал по этому поводу писатель Эртель, – особенно бьет в глаза тот факт, что наряду с... Благосветловыми, Краевскими, Салтыковыми, Суворинными, и тому подобными хозяевами, получающими нередко десятки тысяч доходов от своих журналов, бьются как рыба об лед работники, которые потратив силы и здоровье, а часть и талант на обогащение своих хозяев, в конце концов, умирают без всяких средств, оставляя нищенствовать свои семьи, которым, разумеется, хозяева пенсии не платят»¹².

Потребность в таком издании чувствовалась и в том, что писателям радикального направления стало уже изрядно тесно в «Отечественных записках» и «Деле» – двух больших органах, проводивших подходящее им мировоззрение. Своеобразная монополия делала их редакции чересчур строгими в выборе авторов, многим из которых оказывалось просто негде печататься. Идти в катковский «Русский вестник» или «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, полемизиро-

вавший с революционерами во внутренних обозрениях Л. А. Полонского, они, разумеется, и не хотели, и не могли¹³.

По этим причинам в 1879 г. Кривенко вместе с Н. Н. Златовратским всего за 300 руб. приобрели у библиотекаря Д. М. Рыбакова захудалый журнальчик «Русское богатство». Покупка состоялась в мае, а через некоторое время на даче Кривенко в Мурзинке (под Петербургом) было устроено «колоссальное трехдневное пиршество», положившее основание задуманной им журнальной артели. Всех артельщиков насчитывалось около 15 человек. Это сам С. Н. Кривенко, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Н. Ф. Бажин, Н. Н. Наумов, А. М. Скабичевский, Н. С. Курочкин и др. менее известные в литературе имена. Право на продолжение издания бывшего сельскохозяйственного органа (потому журнал и имел такое несуразное название – «Русское богатство») получила С. Н. Бажина^a. Первый номер, «пробный шар», увидел свет осенью. Со следующего, 1880 г., журнал стал выпускаться ежемесячно¹⁵.

Изначально «Русское богатство» объявило себя органом народного направления. Его исходная позиция состояла в признании самими насущными вопросами переживаемого Россией «смутного времени» скорейшее обеспечение благосостояния и внутреннего развития народа. Не претендуя на роль спасителя Отечества, журнал (в лице своего обозревателя внутренней жизни Кривенко) выражал надежду, что мог бы внести посильный вклад в будущее процветание России. Для этого он должен был стараться указать обществу те общие идеалы, к которым необходимо было стремиться при решении народного вопроса. Искать их народники предполагали не в лоне западноевропейской цивилизации, а в «тайниках» народного мирозерцания, выработавшегося на более прочных («с точки зрения высшей справедливости и морали») основаниях^{b17}.

В то же время «последовательные общинники» устами Н. Н. Златовратского открыто заявили, что прежде «народного вопроса» должен быть разрешен «вопрос интеллигенции». Речь, разумеется, шла о политических свободах. «Только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы

^a По другим сведениям журнал купил Н. Ф. Бажин, которому С. Н. Кривенко предложил превратить его в артельное предприятие¹⁴.

^b Авторство С. Н. Кривенко оспаривается Н. Якушиным, утверждающим, что составить эту программную заметку от имени артели было поручено П. В. Засодимскому¹⁵.

с интересами народа и смело и плодотворно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения...»¹⁹.

Первое время в кружке артельщиков преобладало оптимистическое настроение. «Живо помню, – писал Кривенко впоследствии, – ту общую радость, когда стали выходить первые книжки. Помню также, как однажды за ужином А. Н. Плещеев сказал следующий тост:

Пить за равенство и братство
Ныне нам запрещено;
Но за “Русское богатство”
Выпить право не грешно.
О журнале том радея,
За Кривенко, за Сергея,
Выпьем все мы за одно.

Однако этот тост здоровье “Русскому богатству” не принес»²⁰.

«...Мы, – сетует другой участник артели А. М. Скабичевский, – словно нарочно задались целью доказать всю нелепость издавать журнал, не имея ни гроша в кармане и надеясь лишь на легковерие подписчиков и самопожертвование сотрудников»²¹. По меткому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, раздраженного затеей Кривенко, «Русское богатство» превратилось в «водосточную трубу», куда исписавшиеся романисты спускали всякий хлам²². Правда, иногда здесь появлялись «недурные вещи» известных писателей (В. Гаршин, Г. Успенский, Н. Наумов, П. Засодимский). Но это еще не были признанные литературные корифеи, которые, по мнению Кривенко, могут обеспечить успех любому изданию. С одной из таких знаменитостей – И. С. Тургеневым – у артельщиков состоялось две встречи в феврале и начале марта 1880 г., вылившиеся в его переписку с Кривенко «по делам редакции». Однако дальше просьб Тургенева пристроить в «Русском богатстве» нескольких бедствующих авторов дело не пошло²³. Нищенское вознаграждение заставляло даже самых преданных сотрудников стараться отдавать свои лучшие вещи в большие журналы, и только забракованные там рукописи приносить в артель.

^a Намеченный Н. Н. Златовратским путь заполнения пропасти между интеллигенцией и деревней вызвал резкую критику со стороны «Недели», которая с середины 1870-х гг. превратилась в орган правого крыла легального народничества. Его главный теоретик И. И. Каблиц в ответ на статью Златовратского доказывал необходимость постановки на повестку дня не политических, а социальных вопросов (вопрос о земле, о сокращении податей с крестьян и т.п.), т.к. они касались первостепенных нужд народа¹⁸.

К финансовым затруднениям вскоре добавились идейные разногласия внутри народнической редакции. Так, по инициативе Кривенко и Успенского в № 1–2 за 1880 г. была напечатана статья Н. С. Русанова «О современных проявлениях капитализма в России», знакомившая читателей «Русского богатства» с идеями К. Маркса. Публикация вызвала недовольство некоторых артельщиков (особенно Бажина и Засодимского). Им, в частности, не понравился скепсис автора по отношению к общине, как спасительнице народа от буржуазии. Дразги с «партией» Бажина, который, по словам Кривенко, «заснул с самых 60-х годов», с их просветительским решением социальных проблем, продолжались и в дальнейшем²⁴. В конечном счете, это привело к распаду артели, причем не последнюю роль сыграл здесь сам ее организатор.

Весной 1880 г. Кривенко срочно уезжает на Кавказ для продажи находящейся у него там земли, в силу чего отходит от участия в «Русском богатстве». К этому времени он успел удостоить свое детище статьей «О профессиональном образовании» и тремя обзорами «Русская жизнь». В столицу Кривенко вернулся в начале 1881 г., когда журнал уже дышал на ладан. Выразив, по выражению Скабичевского, «чисто начальническое неудовольствие» членами редакции за плохое ведение дела, «птица Мымра, – как окрестил Кривенко Бажин, – ...немедленно начала мямлить на ту тему, что к чему тянуть всю эту канитель с “Р[усским] б[огатством]”... лучше его закрыть и всем перейти в “Слово”»²⁵. Негодование Бажина вполне понятно. После мартовского номера «братья-писатели» действительно стали один за другим покидать артель и оставшийся без средств журнал пришлось вместе с подписчиками передать Л. Е. Оболенскому.

Новое идейное начинание Кривенко – научный, литературный и политический журнал «Слово» выходил в Петербурге с 1878 г. В конце 1880 г. издательские права на «Слово» при посредничестве С. А. Венгерова оказались в руках сестры Кривенко Е. Н. Мальневой. Срочно вызванный с Кавказа Кривенко принял на себя неофициальное редактирование журнала, тут же преобразовав его в артель из прежних сотрудников «Русского богатства»^a. Процветание предприятия гарантировало обещание финансовой поддержки одного из бывших издателей «Слова» миллионера А. М. Сибирякова.

^a Предложение С. Н. Кривенко о переходе артельщиков из «Русского богатства» в «Слово» могло последовать еще весной 1880 г., о чем свидетельствует письмо С. Н. Бажиной к А. И. Эртелю от 16 мая 1880 г.²⁶

Как известно, в «Слове» часто печатались люди крайнего направления, связанные с революционным подпольем (Парижское отделение журнала возглавлял П. Л. Лавров). При новой редакции, куда вошел народоволец А. И. Иванчин-Писарев, связи эти упрочились еще больше и журнал стал носить «очень определенный социалистический и революционный характер»²⁷. Теплота и уют кривенковского «Слова» привлекали к нему и тех, кто мало сочувствовал народникам, например, В. С. Лихачева. «Преимущество хорошего воздуха перед дурным, – вспоминает поэт, – значит все-таки давало себя чувствовать...»²⁸.

Кривенко много сделал для повышения популярности молодого и по причине невыносимых цензурных условий все еще не пустившего глубоких корней журнала. Тем не менее, именно ему было суждено сыграть в истории «Слова» роковую роль.

Первого марта 1881 г. совершилась кровавая трагедия на Екатерининском канале. Суд над цареубийцами привлек внимание прессы во всем мире, кроме самой России, где писать о процессе было запрещено. Одним из немногих столичных журналистов, кто нашел в себе мужество открыто выступить в защиту казненных «злодеев», был внутренний обозреватель «Слова» Кривенко²⁹. Однако попытка эта успеха не имела. Апрельскую книжку со статьей «Наша внутренняя жизнь» арестовали и она появилась только после изъятия страниц с описанием суда над первоапрельцами.

Общее представление о недошедшей до нас части текста дает доклад цензора А. Н. Юферова на специальном заседании цензурного комитета в мае 1881 г. Согласно сообщению цензора, статья содержала резкую критику всего хода этого процесса. По мнению Кривенко, судьям не хватало главного – понимания причин обращения молодежи к террористической деятельности, без чего «как энергично и убедительно ни обвиняй подсудимых и как ни води их прямым путем на виселицу, борьба с крамолой вряд ли будет иметь большой успех, чем до сих пор...». Сам Кривенко увидел эти причины в отсутствии у террористов возможности решить мучивший их «вопрос народного несчастья» мирными средствами. Путем «предвзятой», по словам цензора, группировки фактов из показаний подсудимых, автор статьи подводил читателей к заключению, что если эти люди сделали злодеями, то лишь «благодаря нашим внутренним неустройствам и неумелому правительственному образу действий в отношении к социальным революционерам»³⁰.

Цензурное ведомство не простило журналу столь «вредной тенденциозности» в оценках общественного строя России и политики царского правительства. Для продолжения издания оно потребовало от Кривенко предоставить цензуре «настоящего» (т.е. официально утвержденного) редактора^a. Интрига состояла в том, что все подобранные Кривенко кандидатуры (Н. Н. Златовратский, А. Н. Плещеев, А. Г. Де-Волян и др.) под тем или иным предлогом отвергались Главным управлением по делам печати. Промаявшись все лето, Кривенко, ставший к тому времени поверенным Е. Н. Мальневой по ведению журнала, просит разрешения издать два подготовленных к печати «Сборника “Слова”» для «удовлетворения подписчиков». Прошение отклоняется. Дело дошло до того, что издательница обязалась продать журнал в другие руки (А. А. Кобычеву), как только выйдут уже набранные в типографии книжки «Слова» за май-сентябрь 1881 г. Но и это не помогло.

Злоключения «Слова» продолжались до конца года^b, пока Кривенко окончательно не убедился в истинных намерениях цензора В. С. Адикаевского, заявившего издательнице от лица Главного управления по делам печати: «Представляйте вы хоть 20 человек в редакторы и пускай Департамент государственной полиции дает о них лестные отзывы, но и тогда ни одного из них мы вам не утвердим. Вам остается одно из двух: или ликвидировать журнал, или же представить в редакторы кого-нибудь из двух: Каткова или Победоносцева»³³. Так путем отказа журналу в надлежащей цензуре власти заставили редакцию «Слова» прекратить свое существование, препроводив задержанные книжки на бумажную фабрику.

Летом 1881 г. одно печальное событие способствовало возобновлению деятельного участия Кривенко в «Отечественных записках». Неожиданно заболел Г. З. Елисеев. У него произошла закупорка одного из сосудов мозга и врачи опасались за его жизнь. «Перед самым отъездом за границу, – вспоминал Кривенко, – позвал он меня к себе и, с трудом выговаривая слова, сказал: “пишите за меня, пожалуйста,

^a До этого пост официального редактора занимал П. В. Засодимский. Судя по письмам Бажиных, он умел ладить с цензурой, но был «выгнан» из артели А. И. Иванчиным-Писаревым, С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевским, так как «никак не мог согласиться на то, что они печатали в журнале все, что им угодно, без его ведома»³¹.

^b В последнем прошении в декабре 1881 г. на должность редактора «Слова» представлялся Е. Д. Максимов, будущий биограф С. Н. Кривенко³².

внутренние обозрения и помогайте Салтыкову. Обещаете?» Обещаю, – сказал я, – если смогу»³⁴. С такой же просьбой, временно подменить Елисеева, обратился к Кривенко и сам Салтыков-Щедрин³⁵. Первая его статья под заглавием «По поводу внутренних вопросов» появилась в июле 1881 г. Очевидно, она понравилась редакции журнала, потому что в дальнейшем Кривенко стал его постоянным внутренним обозревателем.

По признанию Е. Е. Колосова, «внутренние обозрения» Кривенко (всего их было 31) – прекрасный образец журнальной публицистики начала 1880-х гг. На посту «временщика» «Отечественных записок» он сумел сконцентрировать все свои наличные силы, весь имеющийся опыт и привычку к литературной работе и, по силе и выдержанности направления, по умению освещать события дня, он явился достойным преемником Елисеева. Эти обозрения, «всегда живые, остроумные и по тому времени смелые», в литературном отношении стояли значительно выше более ранних статей Кривенко. По содержанию же они представляли не только живую летопись общественной жизни того времени, но и обстоятельное исследование каждого из тех кардинальных вопросов, вокруг которых сосредотачивалось в то время общественное внимание³⁶.

Чем же объясняется «негативная» оценка внутренних обозрений Кривенко со стороны Салтыкова-Щедрина? В литературе давно уже высказано мнение о том, что его известная фраза из письма к Михайловскому (от 13 января 1884 г.): «Пора бы внутренние обозрения поставить на почву общечеловеческую, а не исключительно крестьянскую», не могла быть вызвана расхождением с народниками в оценке исторической роли крестьянства, как, например, утверждали исследователи Б. Папковский и Я. Эльсберг³⁷. Дело в том, что необходимость «восстать» против исключительного положения крестьянского вопроса в «Отечественных записках» созрела в сознании Щедрина не раньше 1884 г.³⁸ Если бы Щедрин и вправду считал «писания» Кривенко «мелкотравчатыми», то не просил бы его, находящегося под арестом, написать очередное обозрение для февральского (1884 г.) номера журнала, а поспешил бы отстранить от этой работы, как впоследствии С. Я. Капустина и С. Н. Южакова.

Большинство известных нам недоразумений между Салтыковым-Щедриным и Кривенко возникало на почве артельных опытов последнего. Салтыкову они явно не нравились, как напрасная трата времени и сил популярных сотрудников его собственного журнала.

Сам Кривенко за два с половиной года (до июля 1881 г.) поместил в «Отечественных записках» всего две статьи. Даже став их внутренним обозревателем, он «не исправился», вскоре попытавшись еще раз испытать практическую силу «пресловутого артельного начала» (Салтыков-Щедрин).

В конце 1881 г. группа писателей народнической ориентации (Я. В. Абрамов, В. М. Гаршин, М. А. Протопопов, Н. Я. Николадзе, М. Н. Альбов, Н. М. Минский, Н. И. Наумов, Л. З. Слонимский и др.) затевает еще один журнал, основанный на товарищеских началах. Главным вдохновителем дела вновь выступает Кривенко. По свидетельству И. И. Успенского, «несмотря на гонение и преследования литературы во всех ее проявлениях, Сергей Николаевич, обладая особым умением, – вместо закрытого журнала создавал новый. Он знал, как говорится, ходы и выходы в Главном управлении по делам печати и в Цензурном комитете. Знал всех тамошних заправил и время, когда и с кем и как надо было говорить, чтобы дело вышло»³⁹.

Право на выпуск толстого журнала, как и в случае со «Словом», Кривенко уступает С. А. Венгеров. Сам он получил его еще во времена «диктатуры сердца», когда новые издания разрешались сравнительно легко. Венгеров охотно согласился взять на себя номинальные обязанности ответственного редактора-издателя. Только первоначальное название журнала «Новь», не понравившееся бдительной цензуре, пришлось сменить на более благонадежное «Устой» в честь одноименного романа Златовратского⁴⁰.

Столичная пресса в большинстве своем приветствовала появление молодого собрата, определенно заявившего о сочувствии народу и всему тому, что клонится к народной пользе. По утверждению анонимного автора «Внутреннего обозрения» «Устоев» (Кривенко), враждебно встретили журнал только три органа: «Новое время», «Минута» и «Санкт-Петербургские ведомости». В частности, ведущий публицист «Нового времени» В. П. Буренин не постеснялся назвать «Устой» «детским органом», мотивируя свой выпад возрастом сотрудников и «умеренностью» их направления. Отвечая на эти обвинения, Кривенко не отрицал, что первая книжка журнала получилась очень умеренной. Но возможно ли выражение серьезных взглядов и убеждений, – спрашивал он «умудренного опытом» критика, – при современных условиях печати, когда «для сохранения невинности... вы проносите свою мысль не прямо и открыто, а, к сожалению, почти воровски, под полою, завертываете ее, как контрабандист, в

солону и тряпки, идете окольными тропами и постоянно оглядываетесь?»⁴¹. Дрожать за каждую строчку научила Кривенко печальная история «Слова».

Из всех предыдущих журнальных артелей в «Устоях» Кривенко принял самое деятельное участие. По сведениям Е. Д. Максимова, ему принадлежат здесь шесть обзоров внутренней жизни России⁴², в основном затрагивающих народные вопросы, и одна статья «Антихрист и антихристовая печать»⁴³, содержащая характерные для публициста размышления о «добре и зле» и причинах безразличного отношения к ним образованного общества. Кроме того, Кривенко взял на себя главный труд по редактированию журнала. Существенную помощь в этом ему оказывал только Русанов⁴⁴.

Несмотря на постоянное присутствие Кривенко и обязательство главных сотрудников участвовать в журнале статьями, а не именами, дела «Устоев» шли ничуть не лучше, чем это получалось у артельщиков прежде. Началась та же канитель ежемесячных исканий материалов для книжек, то же «сваливание» членами артели всякого «мусора», залежавшегося в портфелях. «Мы в “Русском богатстве”, – пишет Скабичевский, – по крайней мере, своевременно выпускали книжки. Книжки же “Устоев” вечно запаздывали то по цензурным придиркам, то по недостатку материала, то по прекращению кредита в типографии». Разница состояла в прибавлении нескольких ярких имен, да и то, как правило, ненадолго. Прислал, например, в журнал свою новую повесть «На рубеже Азии» писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Ее с радостью опубликовали..., только безвозмездно, что крайне удивило автора. Он, видите ли, не знал, язвит мемуарист, «что мы издаем журнал артельно, печатая в нем свои статьи даром в ожидании будущих благ»⁴⁵.

Материальные затруднения преследовали «Устой» с самого рождения. А ведь одна из причин их появления заключалась в необходимости отработать деньги, затраченные подписчиками «Слова». Пытаясь дотянуть до новой подписки, в сентябре 1882 г. артельщики просят ссуду в комитете Литературного фонда, но им отказывают. Тщетными оказались надежды и на помощь частных лиц. Залезая в долги, дышащие на ладан «Устой» все равно долго не устояли. Вслед за выходом декабрьского номера журнал прекратил свое существование. Часть оставшегося долга принял на себя лично Кривенко. Он выплачивал его фабрике Паллизена (за бумагу), окончательно рассчитавшись к концу 1880-х гг.⁴⁶

В декабре 1882 г. Михайловского за выступление перед выпускниками Медико-хирургической академии, в котором он просил их «уяснить себе, откуда идут всякие стеснения, ставятся препоны и держат народ в невежестве»⁴⁷, выслали в Выборг. Для «Отечественных записок» это был сильный удар. Редакция журнала из прежней трехчленной (Салтыков-Щедрин, Елисеев, Михайловский), в конце концов, превратилась в одночленную. С этого времени Кривенко становится ближайшим помощником Салтыкова по редакторской работе. На правах заведующего публицистическим отделом он читал корректуры статей, а присылаемые в редакцию рукописи регулярно отвозил на просмотр Михайловскому. Через Кривенко тот по-прежнему оставался в курсе всех литературных и общественных дел столицы⁴⁸.

Сначала Салтыков-Щедрин мало надеялся на помощь Кривенко. Ранее в письмах к Елисееву он сетовал, «что Кривенко все копается над “Устоями” и заходит в редакцию на полчаса – не больше»⁴⁹. Однако с 1883 г. он постепенно превращается в одного из самых необходимых сотрудников журнала. Летом, когда Салтыков на полтора месяца уезжает за границу, Кривенко вместе с А. Н. Плещеевым возглавляет временную редакцию, собирающуюся на квартире у молодого беллетриста И. Л. Леонтьева⁵⁰. Впрочем, бремя ответственности не мешало Кривенко по-прежнему задерживать собственные обозрения для «Отечественных записок», к огромному неудовольствию Салтыкова-Щедрина, вынужденного регулярно отчитывать публициста за «доведение дела до последней минуты». Салтыков, очевидно, списывал все на «природную лень» Кривенко и не знал о его одновременном сотрудничестве в нелегальной прессе, о переживаемых им тогда нервных срывах и переутомлениях.

Помимо внутренних обозрений в начале 1880-х годов Кривенко поместил в «Отечественных записках» ряд рецензий, из которых наиболее известна та, что, несмотря на две попытки ее опубликования (в июне 1878 г. и мае 1882 г.), так и не была пропущена цензурой. Имеется в виду его статья «Маленькое величие», представляющая собой отзыв на «Историю политических учений» Б. Н. Чичерина. Цензурный комитет нашел, что статья эта, изложенная «в духе поклонения теории Лассаля и Маркса и осмеяния охранительных начал Чичерина», прямо указывала на сочинения Лассаля и Маркса как на «последнее слово социальной науки и тем как бы рекомендует читателям их (социалистические. – Г. М.) теории»⁵¹.

Нападкам цензуры подвергались и некоторые внутренние обозрения Кривенко. Например, октябрьское 1882 г. и майское 1883 г. были обвинены в представлении общественной жизни России «в самом печальном виде», что могло «поселить в читающей публике недоверие к правительству». Но на этот раз Цензурный комитет не нашел эти книжки настолько «вредными», чтобы подвергать их аресту⁵².

Такова внешняя сторона литературной деятельности Кривенко конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. Идею содержание этой деятельности будет проанализировано отдельно ввиду важности рассматриваемого периода для понимания эволюции народнических взглядов публициста.

§ 2. Программа политической демократизации России

Будучи сотрудником легальных органов печати, С. Н. Кривенко мог развивать свои мысли в пределах, установленных существующим режимом. Появление политических требований на страницах «Отечественных записок» конца 1870-х гг. оказалось возможным в результате колебаний правительственного курса (отчасти под влиянием успехов революционного движения) в сторону завершения реформ предшествующего десятилетия. Их выражением явилась реформаторская деятельность М. Т. Лорис-Меликова. Заняв пост Главного начальника Верховной распорядительной комиссии, он впервые предоставил печати возможность обсуждать так называемые «внутренние вопросы» и вести критику антикризисных мероприятий правительства. Затем последовало министерство Н. П. Игнатьева, открыто провозгласившего свою политику «народной» и все (от либералов до охранителей) начали клясться в своих лучших чувствах к крестьянству, занявшись разработкой народнической программы. Демагогии здесь было больше чем настоящего дела. Тем не менее, Кривенко вспоминал об этом недолгом времени как о чуть ли не единственной светлой полосе в истории русской литературы, подразумевая не только внешние условия для писательского творчества, но и само содержание выдвигающихся на повестку дня общественных вопросов⁵³.

Признание устройства благополучия народа одной из главных потребностей русской жизни рассматривалось Кривенко как неизбежное

следствие пореформенного развития страны. Однако старый порядок, основанный на крепостном праве и бюрократической системе управления, «разлагался» недопустимо медленно. Время ставило все новые и новые вопросы, Великая крестьянская реформа генетически связывала их между собой, напоминая постоянно, что решение их необходимо для ее законченности, а «ленивый» чиновник, «довольный сам собою, своим обедом и женою», по-прежнему клал их под зеленое сукно. Дальнейшее развитие России требовало перехода к новым политическим формам, «центром которых было бы счастье большинства, счастье всех...», а не одних только привилегированных классов⁵⁴. Эта мысль, высказанная Кривенко в июльском обозрении 1881 г., красной нитью проходит через всю его публицистику начала 1880-х гг.

С 1861 года правительство взяло курс на создание из крестьянина свободного человека и самостоятельного хозяина, предоставив ему общегражданские права. На деле сельская община была поставлена в зависимость от местной администрации, окончательно превратившись в институт для выколачивания податей и повинностей.

На страницах «Отечественных записок» Кривенко воспроизводит картины потрясающих злоупотреблений и надругательств местных властей над вверенными ему людьми. Например, один волостной писарь из Ставропольской губернии в течение нескольких лет украл 9 тыс. руб. мирских денег, делая в книгах «нахальнейшие» подлоги (благо в волостном правлении велось 65 книг, что в 2 раза больше, чем в 3-х департаментах Судебной палаты). Другой его «коллега» из той же губернии помог г-ну Дерунову составить подложный приговор на покупку у крестьянского общества прекрасной рощи всего за 25 тыс. руб. Пока суд да дело, предприимчивый господин успевает вырубить ее дочиста. Тем же путем некая помещица Никитина отнимает у курских крестьян более половины имеющейся у них наделной земли и тут же распродает ее посторонним лицам. Причем на этот раз фальшивый приговор оказался утвержденным губернским по крестьянским делам присутствием, а становой и исправник уговаривали крестьян отказаться от земли и не оказывать сопротивления. К кому же им было обратиться за защитой?

Еще большее самоуправство совершалось в деревне самой местной полицией. Так, в Богородском уезде Московской губернии урядник по ночам выкашивал у крестьян овес и похищал сжатые снопы из копен, а когда они его поймали с поличным, он им же грозит тюрь-

мой за то, что они смели остановить своего начальника. Исправник г. Волчанска надворный советник Зограф сажает крестьянина Пономарева под арест, а затем высылает его административным порядком за какую-то «дурную репутацию», а на самом деле только за то, что у мужика была хорошенькая жена, к которой г. Зограф оказался неравнодушен. Но всех превзошел полицейский исправник из Подольской губернии Даниил Ясницкий, который заложил в бричку двух десятских крестьян и, под угрозой пустить в ход нагайку, отправился на них в город Бар за семь верст. «Я, – пишет Кривенко, – не знаю, право, заключала ли наша крепостная эпопея, столь богатая разными причудами и изобретательностью, что-нибудь подобное, но, несомненно, тут ее дух, тут ею пахнет»⁵⁵.

Главная опасность таилась, однако, не в бесчинствах самих по себе, а в их безнаказанности. Безнаказанность надругательства над личностью «деморализует как самого начальника, так и подчиненного, приучая первого к беззаконию и жестокости, а второго к сознанию своего бесправия». Вот на что обращает внимание публицист. Именно безнаказанность породила и поддерживала в обществе и его властных структурах самые дурные чувства: лесть, вероломство, подозрительность к ближнему, мстительность, ожесточение и вообще все то, что «делает человека зверем и низводит от человечности к скотству, от света к мраку, от любви к злобе»⁵⁶.

В состоянии, когда стирается граница между добром и злом, между правом и неправием, трудно сосредоточиться на решении насущных внутренних вопросов и наметить правильный выход из охватившего страну кризиса. В то же время рецепт лечения этой болезни достаточно прост. «Необходимо, – пишет Кривенко, – просветление и освежение всей общественной атмосферы чистою нравственной струею, а для этого нужен возможно больший простор для возвышенных человеческих чувств и деятельности, простор для свободы мысли, слова и совести, а не стеснение их, которое производит... нравственный хаос», толкающий общество к разложению⁵⁷.

Иными словами, императорская Россия нуждалась в изменении существующих политических условий, которые Кривенко характеризует всего двумя словами: «хватать» и «не пущать». Если, пишет он, общество действительно желает освободиться от необычайного наплыва насилия и жестокости, воровства, доносов, крайней нетерпимости к чужому мнению, общего понижения умственных и нравственных потребностей и интересов, то его самыми насущными требо-

ваниями должны стать: личная свобода, гласность, законность и правопорядок^{a58}.

Постоянно напоминая читателям о тесной связи возможности унижать мужика с возможностью оскорбления (пусть и в иной форме) самого обидчика, оказись его сосед званием повыше, Кривенко настаивал на распространения «законного охранения» прав человека на все население страны. Разумеется, такой подход имел серьезных оппонентов из сторонников сохранения над народом безграничной опеки. Полемизируя с Кривенко, они утверждали, что без опеки русский мужик давно бы спился или просто измотался, точно ребенок, раньше времени предоставленный сам себе. На практике любой человек, хоть немного поживший в деревне, мог легко убедиться в обратном. Постоянное вмешательство в крестьянскую жизнь производило в ней такую путаницу и беспорядок, что не только не гарантировало мужика от обеднения, но даже увеличивало его.

Вывод народнического публициста напрашивался сам собой: необходимость надзора и опеки за крестьянским самоуправлением – это один только предрассудок, весьма, однако, выгодный для опекающих и надзирающих⁵⁹. «Существеннейшее отличие русского крестьянина от людей других сословий заключается в том, – приводит Кривенко мнение одного из земств, – что до сих пор каждый крестьянин, в глазах государства, в глазах администрации, больше того, в своих собственных глазах – есть ничто иное, как источник государственного дохода... Весь, можно сказать, крепостной еще склад нашей жизни обуславливается этим взглядом. Прикрепление к земле людей, никакого желанья не имеющих сидеть на ней, невозможность получить землю людям, жаждущим ее обрабатывать, паспорта, отсутствие веротерпимости, наши отношения к администрации и т.д. и т.д., все эти пути, железным кольцом сдавливающие русского человека, чуть не с самого его рождения, все это происходит из этого взгляда на крестьянина, как на крепостного государства, казенного человека, не могущего иметь, независимо от воли и интересов государства, ни собственности, ни желаний, ни даже веры. До тех пор, пока существует этот взгляд на личность человека, исключительно как на источник государственного дохода, куда личность человека

^a В данном случае С. Н. Кривенко явно абсолютизировал целительность для России «скороспелой» политической реформы. Тем более что он сам писал о неготовности русского общества воспользоваться даже имеющимися у него свободами.

не будет существовать для себя, до тех пор, конечно, невозможно будет никакое гражданское развитие массы русского народа; до тех пор все попытки поднять общественную мысль и деятельность будут касаться лишь ничтожного меньшинства. Поставить русского крестьянина по отношению к обществу, к государству в то же положение, в котором находятся лица других сословий, в этом главнейшая задача жизни»⁶⁰.

Как видно, мысль о неизбежности уравнивания крестьянства в правах с остальными сословиями как первоочередного шага к гражданской жизни русского общества разделялась не только Кривенко. Но легальные народники уже тогда считали эту меру недостаточной. В России закон, включая дарованные по нему права, в сознании властей и тем более населения не имел такой силы и уважения, как в странах Западной Европы. Произвол администрации был выше закона, так как местные власти постоянно изыскивали возможность безнаказанно его обойти. Следовательно, в начале необходимо было позаботиться об упорядочении архаичной системы народоуправления или, попросту говоря, о сокращении «грубой власти». Вот отчего из всех стоящих на очереди вопросов наиболее важным по своему внутреннему значению и будущим последствиям Кривенко считал вопрос о преобразовании крестьянских учреждений⁶¹. Суть его сводилась к освобождению крестьянского самоуправления от пут принудительного надзора и замене существовавшей административно-фискальной крестьянской волости волостью всесословной (или бессословной), где крестьяне объединялись бы с другими сельскими жителями.

Впервые о проектах всесословной волости, преследующих целью расширить самостоятельность крестьянства, печать заговорила в 1875 г. В конце 1881 г. для разработки реформы крестьянского общественного устройства была создана специальная комиссия под председательством статс-секретаря М. С. Каханова. Передовая земская Россия ратовала за объединение «мужичьей» и общественной жизни, т.е. крестьянского самоуправления с земским, искусственно разделенных администрацией. В своих проектах всесословной волости земцы предлагали превратить ее в земскую единицу низшего порядка с тем, чтобы дела волостного управления велись людьми знающими, а, главное, заинтересованными в улучшении местного хозяйства. Разногласия возникали лишь по поводу согласования различных начал самоуправления (народного и земского), на которых должно было строиться новое территориально-хозяйственное объединение.

Давая общую оценку мнениям земств, Кривенко выражал народническую точку зрения, настаивая на сохранении и последовательном развитии до «областных» учреждений «истинно народных начал мирского самоуправления». Во-первых, они полностью соответствовали быту и нравам крестьянства, его гражданскому миросозерцанию и идеалам. К восприятию же заграничной идеи «цивилизованного представительства», положенной в основу земских учреждений, мужика предполагалось предварительно «обтесать». Помимо того, деятельность земства пока еще не выражала волю, нужды и потребности всех категорий местного населения. Из-за непропорциональной системы куриального представительства, высокого имущественного и образовательного ценза в земских собраниях по-прежнему сохранялось сословное преобладание дворянского элемента. Гласные от крестьян составляли здесь менее половины. «Не думаем, – замечает Кривенко, – чтобы это было очень справедливо, в особенности, если припомнить, что крестьяне уплачивают 73 % всех наших податей..., тогда как землевладельцы... только 7 %. Мудрено ли, что при таких условиях крестьяне относятся к земству довольно индифферентно и видят зачастую в земских деятелях тех же чиновников...»⁶². Не повторится ли такая же картина и в волостном земстве. Стоит ли освобождать народ от одной зависимости, чтобы тут же навязать ему другую?

Конечно, Кривенко не был противником расширения сферы деятельности земств. Сама идея замены чиновничества всесословным земским представительством (на местном и на всероссийском уровне) представлялась ему прекрасной. Просто без дополнительного пересмотра земского положения, в частности, расширения избирательных прав сельских обществ, эта форма самоуправления не сможет служить надежной защитой от вредных сторон надвигающегося буржуазного порядка⁶³. По убеждению народнического публициста, в тех условиях ее могла дать только община, деятельность которой продолжала регулироваться нормами непосредственной (общинной) демократии.

Равенство и коллективизм – достоинства ли это русской поземельной общины? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Долгое время они были естественным способом выживания народа в неблагоприятных для занятия земледелием природно-климатических условиях страны. При крепостном праве общинное самоуправление смягчало зависимое положение крестьян от помещика или казны, которые имели дело не с отдельным крестьянином, а с общиной в

целом. В то же время интересы коллектива, стремление к социальной справедливости, отождествляемой в народе с понятием равенства (равное право на пользование землей и т.п.), подавляли свободу отдельно взятой личности⁶⁴. Не заметить или проигнорировать этот недостаток, противоречащий идеалу социального прогресса народников, было невозможно.

Начиная с А. И. Герцена, поклонники общины пытались найти такое сочетание интересов коллектива и личности, равенства и свободы, социалистического идеала и либеральных ценностей, которое обеспечивало бы их органическое единство⁶⁵. Кривенко искренне верил в такую возможность. Отсутствие в общине широкой личной свободы воспринималось им как следствие недостатка в народе просвещения и культуры. Существенное препятствие представляла и внутренняя политика царского правительства, в интересах казны и сохранения общественного порядка вторично закрепостившего общину положениями 19 февраля 1861 г.

Попытки народников найти корни народных бед в политике правящей власти особенно усиливаются с конца 1870-х гг., когда стали очевидны успехи развивающегося в России капитализма. Если в начале десятилетия опасность скорого обезземеливания крестьянства представляется Кривенко маловероятной (в 1871 г. в «совершеннейшую нищету» успела впасть лишь $\frac{1}{6}$ часть поселян), то всего через пять лет тон его статей резко меняется. Оказалось, что сельский пролетариат растет быстрее, чем предполагалось, а вместе с ним нарождается и набирает силу новый общественный слой – буржуазия⁶⁶.

Отношение Кривенко к 3-му сословию, именуемому им «плутократией», «саранчой», «рыцарями наживы», крайне отрицательное. В его понимании буржуазия несла народу новое разорение и рабство, ибо она не преследует иных целей кроме личного обогащения за счет эксплуатации чужого труда. Используя потребность государства в развитии промышленного производства и бедность рабочих классов, энергичная плутократия стремится изменить, подделать ход исторического процесса в свою пользу. Искусственно стимулируя выделение из народной среды «мироедов» (господ Колупаевых и Разуваевых), которые в прежние времена не могли оказывать такого давления на односельчан, они добиваются начала массовой пролетаризации крестьянства. В результате крестьянское общество быстро раскалывается на кулаков и батраков, на деревенскую буржуазию и пролетариат⁶⁷. И это несмотря на прославляемые народниками «коммунистические» инстинкты рус-

ского народа. Как тут не заподозрить политические причины происходящего?! Логика истории подсказывала народникам: только правящая власть, попав под влияние нарождающейся русской буржуазии, была способна так круто изменить судьбу России.

Могла ли крестьянская община при такой позиции государства оставаться прежним бастионом против обнищания народа? Когда, пишет Кривенко, рубль, «эта капиталистическая луна», выплывает на первый план деревенского ландшафта и становится целью жизни и мерилom способности личности, мужик, чтобы избежать разорения и перехода к батрачеству, тоже вынужден втягиваться в товарно-денежные отношения, т.е. начинает сам разорять ближнего, хватать его за глотку, обманывать, прихватывать чужой, неоплаченный им труд и т.д. Да, народники и теперь не утратили веру в предрасположенность крестьян к социализму, но ведь они и раньше говорили, что коммунизм содержится в общине в зачаточном состоянии, в зародыше. Если образованное общество умудрилось так быстро пропитаться интересами мещанства, совсем не смущаясь его нравственным кодексом («ниже всякой меры»), то что говорить о задавленном нуждой и бесправием народе, сама жизнь которого заставляла подражать поведению господствующих классов⁶⁸.

Необходим длительный труд по перевоспитанию нации к новой жизни. Нужно освободить деревню (где только и может быть выращен «новый» человек) от остатков стародворянских и расцветающих пышным цветом новомещанских наслоений. Дайте народу возможность самому распоряжаться своей судьбой и, будьте уверены, он сделает правильный выбор! Примерно так думали на рубеже 1870–1880-х гг. многие народники, не исключая и мечтающих о созыве всероссийского Учредительного собрания народолюбцев. Так думал и Кривенко, всеми силами поддерживающий стремление интеллигенции к избавлению народа от нищеты, невежества и непомерного физического труда.

Свои взгляды на предназначение интеллигенции в общественной жизни Кривенко имел возможность изложить в «Отечественных записках» в связи с возникшей в конце 1881 г. по этому поводу полемики между народниками и консервативными органами печати.

Начало «скифскому нашествию» на русскую интеллигенцию положил А. С. Суворин, попытавшийся отождествить ее и буржуазию^a.

^a Появление в прессе в конце 1881 г. серии статей, направленных против представителей либерально-демократической интеллигенции, необходимо рассматривать в контексте подготовки правительством Александра III коренного изме-

Что следовало понимать под словом «интеллигенция»? – спрашивал публицист своих читателей в одном из октябрьских выпусков газеты «Новое время». Есть ли какие-нибудь точные критерии для этого понятия? «Наши соотечественники, помещики, купцы, фабриканты, заводчики, если они образованные люди и вместе с тем имеют кое-какие капиталы, интеллигенция ли они или буржуа? Меня, – пишет Суворин, – этот вопрос очень интересует, ибо если Губонин – буржуазия, а Лермонтов – интеллигенция^а, то последней всего несколько десятков». Стоит ли тогда интеллигенции обособливаться в особую политическую группу и выдвигать претензии на руководство и управление страной?⁶⁹

Одним из первых на «диверсию» Суворина откликнулся Михайловский. Вскоре в полемику включились и другие публицисты «Отечественных записок» и «Дела»⁷⁰.

В ряде статей «По поводу внутренних вопросов» Кривенко доказывал, что интеллигенция в лучшем значении этого слова, наоборот, «по самой своей сущности враждебна буржуазии» и всему тому, что не клонится к народной пользе. «Дошедшая до сознания гражданских своих обязанностей, она отдает себя всецело общественному делу и прежде всего, думает об этом деле, а не о себе, не о своем брюхе». Она «непосредственно не эксплуатирует народ: не торгует, подобно купцу, не взимает с него ренты, подобно землевладельцу, не берет с него процентов, подобно ростовщику..., а если и принимает во всем этом прямое или косвенное участие, то имея, прежде всего, в виду народный интерес. Она знает, во что обошлась она народу, знает, что... лежит на нем, хотя бы не непосредственным бременем, и теперь желает... отдать ему все что может». «Немного у нас такой интеллигенции. Деятельность ее только... начинается, но такова именно новая интеллигенция, которой предстоит сыграть историческую роль...»⁷¹.

Таким образом, в понимании Кривенко интеллигенция – это не класс, не политическая партия и даже не работники умственного труда, а образование (общественный слой) социально-этического характера. Главным критерием принадлежности к интеллигенции вы-

нения прежнего политического курса: от общественных реформ к укреплению начал самодержавия.

^а Противопоставление Губонина Лермонтову взято из статьи Н. К. Михайловского в «Отечественных записках» (1881. № 10), в которой он первым раскрыл А. С. Суворина за отождествление интеллигенции и буржуазии (Новое время. 1881. № 1991).

ступала деятельность на общественную пользу, стремление к совершенствованию существующего порядка «во имя идей более светлых и начал более справедливых», что вполне соответствовало отстаиваемой народниками концепции ее общечеловеческой сущности, как творца новых форм и этических идеалов⁷².

Рассматривая кривенковскую программу демократизации страны, необходимо остановиться и на предложенной публицистом тактике действий передовой части русского общества. Как сторонник эволюционного развития России, Кривенко призывал интеллигенцию к сближению с народом на почве мирной созидательной деятельности в деревне. Только заботясь об удовлетворении непосредственных народных нужд (агрономия, медицина, юридическая защита, просвещение, развитие мирского самоуправления и т.д.), культурный человек мог оказать своему «меньшему брату» практическую пользу. Но что характерно для публицистики Кривенко начала 1880-х гг.? Указывая на действительное предназначение интеллигенции, он тут же делает оговорку, что при настоящих экономических и политических условиях ей «часто нет места в жизни». Интеллигенция – «пасынок земли русской». Правительство под предлогом борьбы с крамолой не хочет предоставить ей свободный доступ к народу, без чего все попытки культурной работы в деревне будут обречены на провал^{а73}.

Заостряя внимание на разногласиях между властью и интеллигенцией, Кривенко с самого начала указывал на предпочтительность его цивилизованного разрешения. Необходимо было убедить царя предоставить населению широкие гражданские свободы (свободу слова, печати, собраний, общественной деятельности и т.п.), не доводя дела до открытого столкновения. Как известно, неудачные попытки мирного воздействия на правительство еще до печальных событий 1 марта 1881 г. предприняли либеральные земцы⁷⁴. Окончательно похоронило такую возможность убийство Александра II народовольцами и начало открытого наступления властей на права общества после замены Н. П. Игнатьева Д. А. Толстым в мае 1882 г.

Об изменении прежней «народной» политики свидетельствовало введение новых «временных правил» о печати, поставивших ее в еще большую зависимость от администрации. Тогда же Кривенко отмечает «упразднение интеллигентного человека на всех пунктах общест-

^а Тема тяжелого положения интеллигенции в деревне после 1 марта 1881 г. развивалась также в очерке Г. И. Успенского «На траве» (цикл «Без определенных занятий») и повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия».

венной деятельности» и его массовое бегство из деревни (самая крупная и характерная черта переживаемого времени); начало похода против интеллигенции воинствующей реакционной печати и духовных лиц, обставленного так, будто дело шло «об окончательном истреблении интеллигентного человека, подобно тому, как истреблен волк в Англии»; и, наконец, об их «марафонской победе» над «людьми высшего порядка» и наплыве в деревню «ловких людей» (нарождающейся «деревенской аристократии»), которым присутствие там интеллигенции мешало разрушать общинные устои, сеять в народе мрак, грубость и жесткость с тем, чтобы эксплуатировать его безнаказанно⁷⁵.

Переход правительства к открытой реакции не замедлил сказаться на настроениях русского общества, и без того сочувствующего деятельности революционеров. По меткому замечанию Р. Пайпса, «Средний либерал... не одобрял насилия, но в тоже время видел, что и власти не желают оставаться в рамках закона; выбор его лежал не между законопорядком и насилием, а между двумя видами насилия – насилием, осуществляемым всемогущим... государством, и насилием заблуждающейся, но... идеалистической и жертвенной молодежи, борющейся за то, в чем она видит общественное благо. Поставленный перед таким выбором либерал чаще всего отдавал предпочтение радикализму»⁷⁶. Конкретный пример – тогдашняя позиция одного из лидеров либералов В. А. Гольцева: «Монархия отжила свое время и... является абсурдом, теперь легальным работникам для общественной жизни быть невозможно, а успех будут иметь только нелегальные рабочие, обязанные тем или другим способом добиваться перемены образа правления»⁷⁷.

Гольцев был хорошим знакомым Кривенко, поддерживавшего с либералами тесные контакты. Недаром его имя фигурирует в только что процитированном доносе. Отстаивание идеи гражданской свободы в противовес ретроградству М. Н. Каткова (ставшего символом наступления в стране монархической реакции) и консерватизму поздних славянофилов (И. С. Аксаков и др.) – одно из важнейших положений народнической доктрины Кривенко. Можно согласиться с мнением В. Михневича, писавшего в начале 80-х гг. XIX в., что писатель-журналист Кривенко был тогда не просто «либерален» (т.е. стремился к «свободе»), а «либерален в квадрате, плюс – народолюбив и радикален»⁷⁸. Только слово «радикален» мы бы поставили на первое место, ибо ценность личной и общественной свободы воспринималась им не сама по себе, как у настоящих либералов, а в зависимости от господствующего строя социальных отношений.

Следуя такому подходу, Кривенко приходил к выводу, что «настоящую» свободу народу мог дать только социализм. Не случайно еще в 1870-е годы он, как и многие «мирные» народники, надеялся добиться торжества демократии над бюрократией не ограниченными самодержавием политическими средствами, а «путем своего рода обходного движения локализовать “внутреннего врага” и затем, создав вокруг него собственные органы власти, заставить его капитулировать»⁷⁹. Неудача «обходного маневра» вынудила признать некоторые политические реалии пореформенной России, а именно тот факт, что капитализм в стране набирает силу не без протекции царского правительства, предавшего забвению дело реформ 1860-х гг. Выражая смену общественных настроений после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Кривенко дорабатывает отстаиваемую им общественную программу преобразований (где раньше преобладали экономические требования) концепцией перехода к новым политическим формам жизни, не игнорирующим волеизъявления основного населения страны.

Излагая ключевые положения этой концепции и вытекающие из нее практические задачи, мы специально не затронули позицию Кривенко по отношению к русскому самодержавию. Как легальный публицист, он, по понятным причинам, не мог говорить о ней открыто. Поэтому данный вопрос будет рассмотрен при описании сотрудничества Кривенко в нелегальной прессе. Тогда же мы попытаемся уточнить конкретные обстоятельства, при которых произошло сближение писателя с «Народной волей».

§ 3. С. Н. Кривенко и «Народная воля»

Одна из самых интересных страниц политической биографии Кривенко – история его взаимоотношений с революционным подпольем начала 1880-х гг. Многие современники называли эти годы лучшим периодом деятельности публициста, когда его статьи отличались не только теплотой, но и блеском, и пользовались большой популярностью у читающей публики. «Мне думается, – заметил в его некрологе И. Корсаков, – что как для Барбье нужна была июльская революция, чтобы написать “Ямбы”, за которыми шли лишь второстепенные произведения, так и для Кривенко... нужна была “Народная воля”, чтобы дать литературе все, что позволял размер его средних сил. Кривенко утерял две трети своего таланта, отказавшись от

глубоко-жизненной и глубоко-революционной точки зрения народо-вольчества и ударившись в проповедь того культурного народничества и того микроскопического социального прожектерства, которое характеризовало ненавистные 80-е годы»⁸⁰. Как видно, автор этих строк нисколько не сомневался в ренегатстве Кривенко, т.е. в его измене своим прежним убеждениям. Отсюда и столь нелестное суждение о только что почившем писателе.

Но был ли Кривенко народовольцем? Имеющиеся на этот счет свидетельства некоторых участников народнического движения, называвших его позднейшим деятелем «Народной воли» (И. И. Попов, Н. Я. Николадзе) членом ее группы (В. Н. Фигнер, М. П. Шебалин), или даже Исполнительного комитета партии (С. П. Дегаев, Е. Семенов, В. И. Сухомлин), еще не позволяют сделать однозначного вывода⁸¹. Не случайно в 1929 г. один из первых исследователей данного вопроса С. Н. Валк, ссылаясь на следственные показания Кривенко, где тот категорически отмежевался от «Народной воли» по своим политическим убеждениям, пришел к выводу, что «Кривенко, конечно, народовольцем не был»⁸². И тот же Валк, спустя 30 лет, признает его «одной из заметнейших фигур народо-вольческого Петербурга»⁸³. С тех пор представление о Кривенко как об общественном деятеле, всего за несколько лет проделавшем эволюцию от революционного народника в «поборника кротких начал либерализма», прочно утверждается в советской историографии.

Сразу заметим, что мы не разделяем данной точки зрения. Как уже установлено выше, в 1870-е годы он был убежденным народником-реформистом. Теперь нам предстоит выяснить, как изменилось его отношение к революционным методам действий после того, как он стал «политиком». Для этого мало изучить содержание народо-вольческих статей писателя. Необходимо установить сам характер связей Кривенко с революционным подпольем, побудительные мотивы его нелегальной деятельности и, наконец, ее место в общем контексте его общественной жизни и идейного творчества этого периода.

В предыдущем параграфе отмечалось, что к концу 70-х гг. XIX в. у легальных народников накопилось достаточно поводов усомниться в возможности улучшения положения народа по инициативе правящей власти, как это было в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Постепенно и в этой среде возникает вопрос об оказании практической помощи революционному движению как единственной силе, способной изменить внутреннюю политику самодержавия.

Дружба Кривенко с революционерами началась незадолго до раскола «Земли и воли». Раньше других он познакомился с Д. А. Лизогубом и Л. А. Тихомировым. Весной 1879 г. состоялась его встреча с А. П. Корбой, потом с В. Н. Фигнер и Г. А. Лопатиным⁸⁴. Кривенко был в курсе внутрипартийных разногласий, вполне определенно поддерживая сторонников политической борьбы с правительством. Будущие народовольцы, в свою очередь, также были заинтересованы в установлении прочных контактов с близкими им по духу народниками-литераторами. По утверждению Прибылевой-Корбы, нарождающаяся партия стремилась наилучшим образом обставить свой литературный орган, заводя тесные отношения с выдающимися писателями, которые могли сотрудничать в газете⁸⁵. К ним относились тогда Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, Г. И. Успенский, А. И. Эртель, К. М. Станюкович, М. А. Протопопов, А. М. Скабичевский и С. Н. Кривенко.

Первый опыт сотрудничества в подпольной печати Кривенко приобрел спустя месяц после образования у народников своей политической партии. Как только начала работу знаменитая типография в Саперном переулке, он выразил готовность написать заметку о циркуляре министра внутренних дел Л. С. Макова относительно слухов в народе «о предстоящем будто бы переделе земли». Статья, напечатанная в первом номере «Народной воли» (октябрь 1879 г.), содержала резкую критику этого документа как «акта замечательной правительственной наглости и цинизма». По наблюдению Валка, в этот номер попала только одна статья легального журналиста, и это была статья Кривенко⁸⁶. В ответ на грубое пресечение властью вековых крестьянских мечтаний о прирезке земли, Кривенко провозглашал верховное право народа на землю в качестве самого священного его права. «С ним может сравниться разве только право свободы, немислимой без земли». Утрачивая свою политическую свободу (татарское иго, крепостное право), народ не утрачивал земли, продолжая считать ее общественным достоянием. Так было до Петра I, пока усилиями его преемников, начавших раздавать землю нарождающейся аристократии, не создалось в России частной поземельной собственности. Доказывая происхождение помещичьего землевладения «из грабежа казны», Кривенко, тем самым ставил под сомнение юридическую и политическую правомерность обезземеливания крестьян в результате реформы 1861 г.⁸⁷

Примечательно, что в своем первоначальном виде статья Кривенко отличалась таким обилием площадной брани и непозволительных

эпитетов, характеризовавших правительственные лица, что печатать ее без многочисленных сокращений было немыслимо. «Что с вами, Сергей Николаевич, – спрашивал его А. Иванчин-Писарев. – ...Куда девалось ваше умение писать убедительно, без резких слов? Ведь, чтобы воспользоваться вашей статьей, необходимо выбросить из нее почти половину». – «Я, право, не знаю, что сделалось со мною, – отвечал Кривенко. – Когда я почувствовал свободу от цензуры, моя злоба по отношению к представителям власти могла найти для себя подходящее выражение только в самой отборной брани... Я понимаю, что в свободном органе писать таким языком нельзя, но сдержаться себя... был не в силах!»⁸⁸.

В период расцвета «Народной воли» участие Кривенко в партийных изданиях носило эпизодический характер. Весной 1880 г. он надолго уехал на Кавказ. Затем последовала эпопея с артельным «Словом». Все это время завязанные с народовольцами отношения не прерывались. Вместе со своими друзьями Кривенко внимательно следил за деятельностью партии. Накануне 1 марта 1881 г. Михайловский, Шелгунов, Кривенко и Успенский обсуждают вопрос о готовящемся покушении на Александра II, уверяя друг друга, что революционерам надо спешить, так как, несмотря на конспирацию, слухи расплзлись по всему городу⁸⁹. В шесть часов вечера в день царубийства литераторы и «кое-кто из революционеров» собираются на квартире Шелгунова. Русанов вспоминал впоследствии, что, добираясь туда, услышал, как один извозчик закричал другому, везшему его приятеля из «Отечественных записок» (предположительно Кривенко, с которым он был дружен. – Г. М.): «Ванька, дьявол, буде тебе бар возить: государя на четыре части разорвало». Большинство присутствующей на совещании литературной братии «отдавалось... всецело чувству радости», надеясь, что будет революция⁹⁰. Похожее состояние, несомненно, переживал и Кривенко, о чем свидетельствует его статья о первоапрельцах, призванная добиться понимания и сочувствия к тираноборцам со стороны общества.

Вскоре для Кривенко открылись и другие способы поддержки тающей под ударами полиции революционной организации. Зимой 1880/81 гг. он примыкает к тайному обществу помощи политическим ссыльным и заключенным («Синий крест»). Его члены (В. А. и Н. А. Карауловы, С. Е. Попов и др.) собирали пожертвования, по сведениям полиции, от 400 до 1000 руб. в месяц, из которых наибольшие суммы высылались в Сибирь⁹¹. Деятельность Кривенко как ведущего

сотрудника редакции «Отечественных записок» сводилась к передаче обществу не пропущенных цензурой литературных произведений для последующего размножения и продажи. Так появились подпольные издания сатирических сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина, в огромном количестве обнаруженные после ареста публициста⁹².

В конце 1881 г. через Кривенко руководителям «Народной воли» стало известно о предполагаемом содержании предисловия К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии». В нем, в частности, выражалось мнение о возможности русской боевой партии сделать крестьянскую общину исходным пунктом коммунистического развития, если только русская революция будет поддержана рабочей революцией на Западе. В данном случае Кривенко действовал по поручению Н. Ф. Даниельсона, состоявшего в личной переписке с Марксом⁹³.

Во второй половине 1882 г. Кривенко предстояло сыграть существенную роль в переговорах Исполнительного комитета народо-вольцев с тайной монархической организацией «Священная дружина». Весной следующего года должна была состояться задержавшаяся коронация Александра III. Опасаясь новых покушений, руководство «Дружины» предприняло попытку убедить народо-вольцев отказаться от террора при условии некоторых уступок революционерам со стороны правительства. Для исполнения этого плана летом 1882 г. один из агентов «Дружины» журналист К. А. Бороздин связался с известным шестидесятником Н. Я. Николадзе, предложив ему стать посредником в примирении между революционным лагерем и правительством. Не особо доверяя Бороздину, Николадзе призвал на совет Михайловского, а тот своего близкого друга Кривенко. Зная о крайнем ослаблении партии «Народной воли», больше не способной предпринять что-либо серьезное, они убедили Николадзе воспользоваться удобным случаем для спасения остатков партии от окончательного разгрома⁹⁴. По воспоминаниям Михайловского, с Кривенко в то время тоже происходили какие-то заигрывания. Поэтому друзья решили, что принять предложение Бороздина следует, но «держа ухо остро»^{a 96}.

^a Очевидно, имелась в виду попытка литератора В. Ярмонкина (действующего по инструкции одного из руководителей «Священной дружины» гр. Шувалова) привлечь С. Н. Кривенко к изданию бесцензурной газеты «Светоч» с целью в будущем завязать переговоры с народо-вольцами через него. Узнав, что она субсидируется «Дружиной», Кривенко от предложения отказался⁹⁵.

От имени революционной партии Михайловский и Кривенко продиктовали Николадзе программу действий, которой он придерживался во время двух своих предварительных встреч (6 сентября и 15 октября) с одним из организаторов «Священной дружины» гр. И. И. Воронцовым-Дашковым. Программа, по свидетельству Николадзе, заключалась в приглашении правительства встать на путь социальных, точнее экономических улучшений народного быта, со значительным расширением сферы действий печати и земского самоуправления. В основном это были требования «узкосоциалистического» характера, без политической подкладки, в противоположность знаменитому письму Исполнительного комитета к Александру III по поводу 1 марта 1881 г. О возможности установления в стране конституционного режима даже не упоминалось на том основании, что «теперь настроение партии менее приподнятое и она уверилась, что политические реформы поведут к упрочению во власти не народовольцев, а только буржуазии, что составляет не прогресс, а регресс»⁹⁷. Воронцов-Дашков в свою очередь обещал добиться от государя амнистии политическим заключенным и предоставления обществу свободы высказывания своих убеждений в печати и собраниях.

После согласования предварительных условий переговоров, Николадзе отправился за границу, с конспиративным письмом Кривенко к Тихомирову, а Михайловский – к Фигнер в Харьков. Оставшиеся на свободе члены Исполнительного комитета согласились воспользоваться «золотым мостом», позволяющим им достойно выйти из неравной схватки с царизмом. Но, не будучи уверенными в добрых намерениях властей, народовольцы потребовали задаток в виде освобождения Н. Г. Чернышевского и расследования бесчинств, не так давно происшедших на Каре. В последних числах декабря из Парижа вернулся Николадзе, привезя с собой записку Тихомирова с одобрительным мнением о переговорах «конгресса» русской социально-революционной партии⁹⁸.

К этому времени Михайловского уже выслали из Петербурга и связь между Николадзе и революционерами осуществлялись через одного Кривенко. Впрочем, благодаря частым наездам последнего в Выборг, Михайловский продолжал держать руку на пульсе событий. По наблюдению Николадзе, «им обоим, да и прочим деятелям партии, страстно желалось верить в успех переговоров. Видимо, то была в ту пору последняя надежда»⁹⁹. Вот почему, когда из-за предательства С. Дегаева, сообщившего правительству о слабости террористов,

переговоры неожиданно прекратились, Кривенко предпринял ряд шагов, надеясь еще раз убедить правительство в необходимости достижения компромисса между властью и обществом.

28 марта 1883 г. в Сенате начался процесс «по делу 17-ти» (над А. П. Корбой, М. Ф. Грачевским, И. В. Калюжным и др.). Заручившись поддержкой народовольцев, Кривенко постарался сориентировать подсудимых на однообразное заявление о том, что все они никогда бы не прибегли к крайним формам политической борьбы, если бы имели возможность мирной пропаганды своих социалистических взглядов. Для более яркой формулировки этого заявления он задумал сделать Николадзе защитником одного из обвиняемых – Юрия Богдановича. По чистой случайности (болезнь Николадзе) акция не состоялась¹⁰⁰.

Главная пора нелегальной деятельности Кривенко приходится на 1883 г. и связана с образованием зимой 1882/83 гг. петербургской группы «Народной воли». По воспоминаниям очевидца событий народовольца И. И. Попова, июньские аресты 1882 г. нанесли тяжелый удар по петербургскому центру партии. Братья Н. А. и В. А. Карауловы, С. Е. Усова, П. Ф. Якубович задались целью восстановить центральную группу петербургской организации и ее связи с провинцией и границей. И им это действительно удалось, о чем свидетельствовал октябрьский съезд партии в С.-Петербурге¹⁰¹. Любопытно, что Попов, хорошо знавший Кривенко по «Синему кресту», не упоминает его среди членов актива петербургской группы (о том же говорит отсутствие Кривенко на съезде). Это делает никогда не видевший Кривенко М. П. Шебалин и находящаяся в то время в Харькове В. Н. Фигнер. Для широких кругов народовольцев Кривенко – радикально настроенный писатель, а не «партийный человек», как, скажем, Софья Усова. Основная его революционная работа, естественно, была направлена на продолжение печатного дела партии.

В декабре 1882 г. Кривенко пишет брошюру «К русскому обществу от русских революционеров». Таким образом, партия после продолжительного молчания (последний номер «Народной воли» вышел в феврале) вновь заявляла о своем существовании. Первое, что бросается в глаза при ее чтении, – это прежде не характерный для Кривенко революционный тон, в котором выдержана рукопись. «Над Россией поднимается вихрь, предшествующий революциям». Самодержавие, «твердыня деспотизма», тяжкими путами сдавившая народ и образованное общество, благодаря усилиям революционной партии «приведено на край пропасти, откуда нет возврата». Дело его проигра-

но навсегда. Остается нанести «последний решительный удар». «Это положение вещей создано рядом террористических актов, выразившихся в убийствах наиболее ревностных исполнителей воли правительства; его создала подпольная пресса, срывающая покров с действительности, обнаруживавшая язвы политического строя России..., скликавшая боевые революционные силы; его создала, главным образом, казнь Александра II, понесшего смертное наказание за то, что оставался глух к народным страданиям, преграждая путь молодежи, несшие в народ свет науки и просвещения; за то, что изменнически обманул доверие народа и интеллигенции; за то, что вешал и расстреливал молодежь, увлекшуюся идеей о благе родины»¹⁰².

Необходимость «общего и дружного взрыва негодования и мести», во время которого должны погибнуть самодержавие и дом Романовых, красной нитью проходит и через вторую брошюру Кривенко, посвященную коронации Александра III. Из нее мы узнаем, что ожидать от нового царя улучшения положения народа, расширения общественных свобод, самоуправления, амнистии политическим ссыльным и заключенным – бессмысленно. Самодержавие всегда поддерживало тех, кто грабит русский народ, т.е. аристократию и буржуазию. Добрые намерения у власти попросту отсутствуют. Поэтому остается один единственный путь борьбы с ним – революционный. И, разумеется, «партия» революционеров – это единственная сила, стремящаяся помочь России избавиться от правительства «казнокрадов и воров», которое дискредитировало себя в глазах народа и общества¹⁰³.

В дальнейшем идея «падающей монархии» и неизбежного «революционного исхода» развивается Кривенко в статье «Новая эра», где подводятся плачевные для народа итоги майской коронации нового императора России¹⁰⁴.

Казалось бы, знакомство с содержанием народовольческой публицистики Кривенко, наконец, получившего возможность открыто выражать свои взгляды, не оставляет сомнений относительно истинных его политических убеждений. В действительности все гораздо сложнее. В подпольной прессе Кривенко писал не от собственного имени, а как партийный публицист, автор передовых статей программного характера, отражающих позицию революционной организации в целом.

Как могло случиться, что в период расцвета партии «Народной воли» Кривенко, со слов Иванчина-Писарева, вынашивает «фантазии» о сохранении в России монархической власти (правда, под контролем Исполнительного комитета) как лучшей формы правления

для России¹⁰⁵. А тут партия ослаблена, на решительные действия не способна, сам Кривенко открыто сравнивает переживаемый ею кризис с потрясениями, испытанными радикальным миром в 1876–1877 гг. О каком «последнем ударе» может идти речь?

По нашему мнению, весь революционный пафос Кривенко – не более чем пропагандистская кампания, предпринятая народовольцами с целью убедить либеральное общество оказать революционерам практическую поддержку (для начала денежными средствами). К обществу, к мирным согражданам с предложением союза и взаимопомощи (иначе будет хуже и социалистам-народникам, и либералам) обращены основные его публицистические работы в нелегальной прессе^a. По существу это означало пересмотр народовольцами их прежней заговорщической тактики, лишавшей партию прочной опоры в обществе и народе. Подобные изменения встретили понимание и сочувствие и самого Кривенко, иначе он бы об этом не писал. Вспомним, как горячо отстаивал он на страницах «Отечественных записок» схожий лозунг консолидации всех здравомыслящих сил общества на почве скорейшего разрешения народного вопроса.

И все же в известной мере остается загадкой, почему из всех тогдашних радикально настроенных литераторов именно Кривенко входит в состав петербургской группы народовольцев, пишет и редактирует для нее брошюры и статьи общепартийного значения, устраивает переговоры с либералами (например, Н. А. Караулова с В. А. Гольцевым), снабжает революционеров деньгами, предоставляет им свою квартиру, в общем, всеми силами доказывает свою духовную близость и готовность идти вслед за ними «на всякий риск, на всякий шаг, хотя бы он и завел его неизбежно в тюрьму или в нелегальное положение»¹⁰⁷. И это при том, что Кривенко по-прежнему считал образ действий революционеров вынужденным и далеко не лучшим способом разрешения социальных конфликтов, о чем он после своего ареста в 1884 г. поведал следователю.

По-видимому, для столь близкого прикосновения к жизни народовольческого Петербурга у Кривенко помимо идейно-тактических соображений были еще и личные мотивы. За четыре года до ареста в редакции «Слова» он знакомится с учительницей городского началь-

^a Помимо указанных статей, С. Н. Кривенко написал «Передовую» и «Хронику внутренней жизни» в «Листок “Народной воли”» № 2 (26 октября 1883 г.) и статью «По поводу воззвания конституционалистов» (декабрь 1883 г.), опубликованную в № 10 «Народной воли»¹⁰⁶.

ного училища С. Е. Усовой, будущей народоволкой, из-за которой спустя некоторое время бросает семью. По мнению Глеба Успенского, близкого друга Кривенко, именно эта роковая женщина «привлекает Сереженьку к (революционной. – Г. М.) деятельности»¹⁰⁸. В данном случае «дело» явилось для него как бы отдушиной, оправданием болезненно переживаемой семейной драмы. Не случайно сама Усова считала участие писателя в «Народной воле» для него не характерным, что в свою очередь отразилось на работах консультирующихся у нее Е. Е. Колосова и В. Я. Богучарского¹⁰⁹.

Итак, Кривенко революционным народником не был. Он принимал участие в народовольческом движении, но активной, самостоятельной роли в нем не играл. Журналистика отнимала у Кривенко слишком много времени и сил, и уже поэтому он не мог посвятить себя профессиональной революционной работе. Препятствовали тому и личные убеждения. По крайней мере, если верить Колосову, сам писатель революционером себя не признавал¹¹⁰. «Всякому свое» – так сказал по данному поводу тоже не революционер Михайловский. И для него, и для Кривенко народовольчество с его политической программой больше настроение, вызванное определенным стечением обстоятельств, чем политическое мирозерцание¹¹¹. Интересно, насколько данная точка зрения подтверждается материалами следствия по делу петербургской группы народовольцев?

§ 4. Арест и ссылка (1884-1888)

В поле зрения Департамента полиции С. Н. Кривенко попал как минимум за два года до своего ареста. Осенью 1881 г. глава политической полиции Г. П. Судейкин (первый и самый дотошный «исследователь» связей Кривенко с «Народной волей») устанавливает наблюдение за его квартирой на Невском проспекте (дом № 131). По данным секретной агентуры, здесь устраивались «частые социалистические сходки» с участием Г. И. Успенского, Н. С. Русанова, Бонч-Бруевича, Н. Н. Златовратского, А. И. Фаресова и др. «подозрительных личностей». Периодическое появление в квартире крупных пачек бумаги сеяло надежду накрыть в ней тайную типографию народовольцев¹¹². Впрочем, по уверению Н. Русанова, на этот раз полицию ожидало крупное разочарование. «Сборища» литераторов были связаны с изданием артельного журнала «Устой»¹¹³.

Впоследствии имя Кривенко фигурирует в доносе московского журналиста А. А. Панова. Из него полиция узнает о поездке писателя в мае 1883 г. в редакцию «Русского курьера» с запрещенными цензурой произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина; об участии Кривенко в добровольных пожертвованиях на нужды революционной партии. Например, 27 сентября 1883 г. в гостинице «Метрополь» состоялся обед в память И. С. Тургенева, где присутствовало много литераторов, включая Кривенко. Во время обеда произносились тосты чисто революционного содержания, а по окончании его одна неизвестная дама весьма приятной наружности (С. Е. Усова. – Г. М.) сняла с головы шляпу и молча положила среди стола. Немедленно все вынули кошельки и стали бросать в шляпу купюры достоинством от 5 до 25 рублей. На вопрос одного из присутствующих: «На что собираются деньги?» писатель Всеволод Гаршин ответил: «Конечно, в пользу “Народной воли”»¹¹⁵. Но Кривенко выдал не Панов, писавший свое донесение уже после его ареста, а С. П. Дегаев.

Став провокатором, Дегаев внедрился в петербургскую группу народовольцев весной 1883 г. и вскоре занял в ней руководящее положение¹¹⁶. «Втирая очки» Судейкину, он попытался представить братьев Карауловых, Усову и Кривенко в качестве членов Исполнительного комитета (впоследствии названного Г. А. Лопатиным «Соломенным») и «Красного креста» «Народной воли». По сведениям Дегаева, Кривенко занимался составлением статей для революционных изданий, написал брошюры «К русскому обществу от русских революционеров», «После коронации» и многие другие; заведовал литературным отделом революционной прессы и через него журнал «Народная воля» получал сведения о секретных циркулярах Главного управления по делам печати. Кроме того, квартира Кривенко служила местом, где собиралась центральная группа «для обсуждения текущих дел, по каким Кривенко, как член группы, имел решающий голос». Получив такие улики, власти могли взять его под стражу еще осенью 1883 г. Задержание не производилось только из опасения скомпрометировать Дегаева¹¹⁷. Руки им развязало неожиданное убийство Судейкина 16 декабря 1883 г. и бегство Дегаева за границу.

Кривенко арестовали в ночь со 2-го на 3-е января 1884 г. Поздним вечером он провожал С. Усову домой, где их ожидала засада. При

^a На докладной записке А. А. Панова имеется собственноручная пометка Александра III от 18 мая 1885 г.: «Весьма поучительно и интересно. Что сделано по этим сведениям?»¹¹⁴.

обыске на квартире Кривенко изъяли три рукописи «преступного содержания» (не установленных авторов) и переписку по делам редакции «Отечественных записок», в том числе с политически неблагонадежными лицами (Л. К. Бух и др.). Что-то, предварительно разорванное на кусочки, «случайно» выпало из его кармана по пути в Полицейское управление 1-го участка Нарвской части¹¹⁸.

Революционная пресса попыталась обставить арест известного литератора как явное недоразумение. Будто бы в уцелевших бумагах Судейкина была обнаружена фамилия «Кривенко» с пометкой «опасен» и этого оказалось достаточно, чтобы заточить человека в тюрьму и подвергнуть всю его трудовую жизнь самому строгому расследованию^{a119}. С другой стороны, для организации громкого политического процесса были необходимы более веские доказательства, чем доносы скрывшегося агента-provokatora.

Всего по делу руководящего кружка народовольческого общества, именующего себя Исполнительным комитетом «Народной воли», привлекли 16 человек. Это С. Е. Усова, В. К. Стукалич, А. В. Подбельский, Н. А. Караулов, И. И. Попов и учащаяся молодежь в возрасте от 21 до 24 лет. Возглавлял список 36-летний отставной подпоручик С. Н. Кривенко. Дознание производилось при С.-Петербургском губернском жандармском управлении^{b120}.

Первые дни пребывания Кривенко в Доме представительного заключения основательно расстроили его душевное состояние. Он похудел, на свиданиях с женой – унынье и слезы¹²¹. Предательство Дегаева, о чем арестованному сообщили сами следователи, явно застало его врасплох. Между тем именно Кривенко первым передал на волю, кем был «Петр Алексеевич» (кличка Дегаева). Новость оказалась настолько сенсационной, что ему не поверили, предполагая очередную интригу жандармов. Сомнения исчезли после аналогичного сообщения С. Усовой. Видимо, ей доверили больше, чем редактору «Листка “Народной воли”»¹²². Буря негодования охватила тогда революционные кружки. Выяснилось, что разгрома петербургской группы можно было бы избежать, если бы С. Ч. Куницкий и Г. А. Лопатин (представители заграничного центра, знавшие о «гнусной истории» с Дегаевым)

^a Информация о С. Н. Кривенко давалась народовольцами со ссылкой на Лондонскую газету «Дейли ньюс».

^b Интересно, что не все обвиняемые по этому делу содержались в заключении. Напр., И. И. Попов был отпущен под залог в 500 руб.

вовремя поставили в известность местные отделения партии^a. Недовольство «якобинским централизмом» заграничников послужило одной из причин образования «Молодой партии “Народной воли”».

В начале следствия единственной серьезной уликой против Кривенко было существование у него второй квартиры (ул. Пушкинская, 22), используемой народолюбцами как место своих собраний. Все другие обвинения пока оставались голословными. Рукописи его революционных статей не обнаружались, а то, что изъяла полиция, было связано с редакторской деятельностью Кривенко в «Отечественных записках». Даже признаваемое им знакомство с некоторыми революционерами (Антоновский, Дегаев, В. А. и Н. А. Карауловы и др.) никак его не компрометировало, так как легко объяснялось чисто литературными интересами или случайными обстоятельствами (встреча в гостях и т.п.). Разъясняя наличие у себя особой комнаты в «Палле-Рояле», Кривенко показал, что она потребовалась «для занятий и приема многочисленных посетителей, приходивших к нему по делам редакции». Еще более правдоподобно выглядела версия Софьи Усовой. Наем второй квартиры объяснялся ею завязыванием весной 1883 г. между ней и Сергеем Кривенко «сердечных отношений», после чего встречаться каждый день на людях Кривенко, как человеку женатому, стало неудобно¹²⁴.

Сами жандармы в течение всего января 1884 г. любезно уверяли «наивную» Л. Н. Кривенко, что ее муж не виноват. «Но что же делать, ежели он имеет вредное влияние?». Обещали ограничиться высылкой из Петербурга с предоставлением выбора места жительства. Салтыков-Щедрин, комментируя в своих письмах эти новости, также хотел надеяться, что «ничего особенного из этого ареста не выйдет». Происшествие с ближайшим сотрудником «Отечественных записок» его сильно взволновало, ибо сулило журналу неутешительную перспективу¹²⁵.

Во второй половине февраля Кривенко просит близких, чтобы они уговорили кого-нибудь взять его на поруки. «Да нынче, – замечает Салтыков, – никому это не лестно»^{b127}. Друзья Кривенко, однако,

^a В мае 1883 г. С. Дегаев бежал за границу, где покаялся членам Исполнительного комитета «Народной воли» в своем предательстве. Но вернувшись в Россию, он продолжал выдавать своих товарищей полиции вплоть до декабря 1883 г. Перед убийством Г. П. Судейкина он, однако, предупреждает Софью Усову, что за ней следят, и советует скрыться, но она отвергает это предложение¹²³.

^b Кстати, в числе возможных поручителей за С. Н. Кривенко оказался близкий знакомый М. Е. Салтыкова В. И. Лихачев (деятель Петербургской городской

надежды не теряли. Об облегчении участи подследственного хлопочет А. Куропаткин и какие-то еще «важные люди». Н. К. Михайловский шлет «милому другу Сереже» ободряющие письма, убеждая, что «недоразумения, омрачавшие его, скоро развеются», и все будет хорошо. Даже пытается его посмешить, сообщая, например, что в Смоленске издано сочинение Петра Тиба-Бриньоля «Социализм, как прямая причина ухудшения крестьянской лошади и как косвенная причина уменьшения дождей с половины лета»¹²⁸. Принимаются срочные меры для оказания финансовой помощи семье писателя (у него на иждивении было двое детей – девочка и приемный мальчик, 7 и 16 лет).

Неопределенность (выпустят или нет) исчезает на третьем месяце предварительного заключения, когда несколько неожиданных раскрытий подтверждают опасения, что Кривенко придется «проехать» в Сибирь. Так, 5 марта арестовывают Александра Подбельского. В его памятной книжке находят адрес Кривенко и запись о необходимости получать от него денежные суммы около 20 числа каждого месяца. По предположению жандармов, деньги шли на нужды общества «Красного креста». В Киеве у другого «политического преступника» М. П. Шабалина изымают зашифрованный список лиц, где Кривенко упоминается как содержащийся в Доме предварительного заключения. Тогда же обнаруживаются письма Якубовича к Шебалину и арестованному вместе с ним Максиму Васильеву. Из них полиция узнает, что «Кривенко просит из Дома предварительного заключения не доверять А. К.»^a. Речь шла о К. А. Степурине – одном из петербургских представителей заграничного центра «Народной воли»¹³⁰.

После сопоставления этих фактов «преступное направление» связей Кривенко с неблагонадежными лицами становится очевидным. «Дело Кривенко принимает скверный оборот, – сообщает Н. А. Белоголовый в письме к П. Л. Лаврову, – всплыло на свет его участие в “Народной воле” и его будут судить»¹³¹. 4 апреля последовало закрытие журнала «Отечественные записки», редакция которого, по мнению В. К. Плеве, служила «притоном отъявленных нигилистов».

думы), но сам же Салтыков убеждает приятеля, что «это совсем для него не подходящее дело»¹²⁶.

^a П. Ф. Якубович в показаниях от 25 мая 1885 г. уверял следователей, что «Кривенко и не думал передавать на волю» что-либо, относящееся к делам партии. Но был ли он искренен, выгораживая товарища?¹²⁹

Правительственное сообщение гласило: «Следствием, кроме того, установлено, что заведовавший одним из отделов... журнала до времени его ареста был участником преступной организации»^{a133}.

На следующий день (5 апреля 1884 г.) Кривенко как важного государственного преступника помещают в Петропавловскую крепость – главную политическую тюрьму Российской империи. Там, пишет Н. В. Шелгунова, «и казематы сырые, и кормят из котла, так, что человек болеет или впадает в истощение сил». Зато у ведущего допроса Кривенко капитана Иванова появляется надежда, что ему больше не придется «беситься и рвать на себе часовую цепочку» из-за несговорчивости подозреваемого, пытающегося отвечать не так, как хотелось бы следователю¹³⁴. И крепость, в какой-то мере, его разговорила. Мы не можем вслед за Л. Меньщиковым утверждать, что Кривенко выдавал на допросах¹³⁵. Материалы предварительного следствия не сохранились. Однако показания, осуждающие деятельность «Народной воли», он все же давал.

В Трубецком бастионе Кривенко провел почти два месяца. 1 июня его перевели обратно в Дом предварительного заключения. Доказать принадлежность Кривенко к Исполнительному комитету так и не удалось. Более того, следствие признало, что хотя знакомство Кривенко с провокатором С. Дегаевым и носило преступный характер (Кривенко знал, что имеет дело с нелегальным лицом, но не порвал с ним и не указал Дегаева правительству), это знакомство «было навязано самим Дегаевым с целью... вовлечь его (Кривенко. – Г. М.) в революционную деятельность». «Вследствие сего отношения Кривенко к Дегаеву не могут влечь за собой строгого наказания». Изъятая переписка народовольцев с советом Кривенко «своим единомышленникам» присмотреться к Степурину, тоже не могла быть использована против него за отсутствием первоначального источника, мотивов и степени достоверности этого указания¹³⁶.

Впрочем, оставалась еще записная книжка Подбельского, неопровержимо свидетельствующая о принадлежности Кривенко к «Обществу помощи политическим ссыльным и заключенным». Дознание установило, что писатель передавал ему суммы, полученные от Станюковича и других лиц, постоянно посещая сходки членов общества на квартире Подбельских. При этом следователям пришлось отка-

^a О том, что под упомянутым в правительственном сообщении сотрудником «Отечественных записок» подразумевался С. Н. Кривенко, говорится в письме Н. А. Любимова к М. Н. Каткову от 5 апреля 1884 г.¹³²

заться от первоначальной версии о том, что собираемые деньги шли на подготовку в стране революции, ввиду чего Кривенко, якобы, ездил за ними в Женеву¹³⁷.

При определении виновности Кривенко в «серьезное соображение» были приняты его заявления относительно своих политических взглядов. В собственноручных показаниях он признавался, что не только не принадлежал фактически к социально-революционной партии, никогда не участвовал в ее деятельности, но и по убеждениям своим по многим пунктам расходился с революционной программой.

«Я, например, – писал Кривенко 16 августа 1884 г., – никоим образом не могу допустить грабежа почт, подкопов под казначейства, убийств и других подобных фактов, никак не могу называть похищение денег конфискацией казенного имущества и считать подобные факты служением отечеству, стране и народу. Не могу я примириться и с тою кастичностью организации партии, духом ее исключительности и требованиям по отношению к совести и убеждениям других; но не могу не признать, что некоторые стороны в социально-революционной деятельности мне симпатичны: я сочувствую, например, свободе печати, защите народных интересов, сочувствую чисто идеальной вере в жизнь и добро и в стремление к лучшему мирным путем (насколько это входит в программу социально-революционной деятельности), сочувствую бедственному положению ссыльных и их семейств». Далее Кривенко говорит, что о конечной цели партии – ниспровержении существующего образа правления, он никогда не думал, но и этой цели не сочувствовал, потому что по его убеждению «монархический образ правления может принести стране массу добра», что он основан «на исторических условиях народной жизни, на народных привязанностях и привычках, а социально-революционная партия не выработала даже никакой программы будущего строя». Поэтому сам девиз революционной партии «Народная воля» он считал узурпацией^{a139}.

^a В то же время С. Н. Кривенко прямо указывал и на желательные с его точки зрения улучшения общественной жизни. М. Е. Салтыков замечает по этому поводу: «Кривенко – молодец. Совершенно обворожил следователей своим умом. Выразил будто бы мысль, что их всех (?) надлежало бы сосредоточить в одной губернии (“а губернатором назначить, конечно, г. Салтыкова?” – добродушно шутят следователи. – Нет, говорит Кривенко, не Салтыкова, а высокопоставленное лицо). И теперь пишет записку, в которой излагает, что ожидает от правительства. И, наверное, изложит так убедительно, что все так и будет исполнено, как он напишет»¹³⁸.

По заключению прокурора, «объяснениям этим нельзя не придать известного значения», так как, насколько свидетельствовала практика дел о государственных преступлениях, «люди, действительно отдавшиеся революционной деятельности обыкновенно не прибегают к порицанию целей и действий своей партии, как к средству своей защиты»¹⁴⁰.

В рассмотрение прокурора Санкт-Петербургской Судебной палаты дело «Об отставном подпоручике Сергее Николаевиче Кривенко и др.» перешло в сентябре 1884 г. Тогда же Кривенко, наконец, разрешили видеться с друзьями. Вот как описывал свое посещение Дома предварительного заключения В. М. Гаршин: «В прошлую субботу я добился-таки свидания с бедным Сергеем Николаевичем Кривенко. Нашел я его лучше, чем ожидал, но нервы все-таки расстроены до крайности и весь он разбит. Что он рассказывал мне о допросах, так это просто чудеса в решетке. Дознание по его делу кончено и через месяц, вероятно, его “решат”... в Восточную Сибирь на 5 лет»¹⁴¹.

Вынесение приговора затянулось, однако, еще на 10 месяцев. В конце концов, судьба членов «Синего креста», объявленного за оказание помощи народолюбцам «преступным сообществом», разрешилась в административном порядке. В отношении Кривенко предполагалось: вменив в наказание предварительное содержание его под стражей, подчинить гласному надзору полиции вне местностей усиленной охраны, сроком на 3 года. В соответствии с высочайшим повелением от 3 июля 1885 года местом ссылки была определена Вятская губерния¹⁴².

Как только Кривенко узнает о приговоре Усовой (ее выслали в Западную Сибирь на 5 лет), он, не задумываясь, ходатайствует о позволении отбывать свой срок поднадзорного положения в том городе Сибири, куда будет сослана она. Просьба отклоняется, так как буквально на следующий день, 20 июня, в сопровождении унтер-офицера и рядового его отправляют в Москву, а оттуда по этапу в Вятку¹⁴³.

28 июля 1885 г. Кривенко прибыл в конечный путь своего вынужденного путешествия – небольшой уездный городок под названием Глазов^а. Это был настоящий «медвежий угол», куда газетные новости приходили с недельным опозданием и живой человек чувствовал себя как бы оторванным от всего человеческого. В то время Глазов

^а В 1890-е годы «Глазов» – один из литературных псевдонимов Кривенко.

насчитывал чуть больше двух с половиной сотен стареньких покосившихся домиков, в которых проживало примерно 2 тыс. человек. Была церковь, банк, острог, почта и даже телеграф, но ни одной гостиницы, чтобы переночевать, ни одного трактира, чтобы пообедать. Приезжий мог догадаться, что он в городе только по наличию вывесок всяких уездных присутствий и управлений¹⁴⁴.

По данным полицейского надзора, в Глазове Кривенко живет замкнуто, ни в каких «предосудительных поступках» не замечается¹⁴⁵. Ведет переписку с Михайловским, Успенским, Шелгуновым и особенно оживленно с Усовой (последней шлет по 3–4 письма в неделю). Продолжает заниматься литературным трудом, что, в общем-то, запрещено Главным тюремным управлением по делам ссыльных. По совету Михайловского посылает корреспонденции в Областной отдел нового журнала «Северный вестник», в которых описывает жизнь и проблемы местного населения края¹⁴⁶. Статьи время от времени урезаются «не редакцией». Хочет написать роман или какую-нибудь большую работу. Шелгунов его отговаривает: «надо развивать публицистику», поднимать самодеятельность общества, ожидающего живое слово¹⁴⁷. Но следить за ходом внутренней жизни России из Глазова довольно неудобно. Много читает. Книги берет в местной библиотеке. «Классику» (К. Маркса, Луи Блана, П. Прудона) присылает Усова и друзья из Петербурга.

Судя по письмам, ссылка сама по себе Кривенко не пугала. Ведь ничего дурного в ней не было, уверял он Е. А. Усова (отца Софьи Ермолаевны). «Сколько здесь было даже государственных людей – Остерман, Левенвольд[е], Трубецкие, Сперанский и т.д., а уж нашему брату даже счет потерял»¹⁴⁸. Только в Глазове писатель больше сидеть не хочет. Сильно скучает по С. Усовой, а потому непрерывно забрасывает Департамент Государственной полиции прошениями о переводе в г. Тару. Официальная мотивировка, понятно, иная: намерение приобрести там какое-нибудь хозяйство из-за невозможности заниматься им в Глазове^a. Обещает продать свое небольшое кавказское имение. Однако полиция нашла эти основания маловероятными. Заодно отклоняется и просьба Кривенко о 2-х месячной отлучке в Тобольскую губернию («Если у него есть семья, то и свидание

^a Ссылные поселенцы обычно «кормились» самостоятельно, для чего вынуждены были «приискывать» себе работу. В Глазове С. Н. Кривенко жил на гонорары за свои статьи. «Как ни стараюсь, а меньше 30 р. (в месяц. – Г. М.) прожить не могу», – жалуется он в одном из писем к С. Е. Усовой¹⁴⁹.

с Усовой тем более неуместно»)¹⁵⁰. Тяжба за право отбывать ссылку в «тюрьме без решеток», как называли в то время Сибирь, закончилась ровно через год, когда в июле 1886 г. Кривенко благополучно переезжает в Тару.

На новом месте писатель поселяется вместе с Усовыми. Дочь и отец занимали отдельный дом в пять комнат с мезонином. Семья вела большое хозяйство, включавшее две коровы, лошадь с собственным экипажем, огород. Был у них и работник – сосланный за кражу крестьянин Воронежской губернии Василий Кузнецов. Его наняли для ухода за больным стариком Усовым, но он, как рачительный хозяин, «делал в доме решительно все». Сам Кривенко очень любил столярничать и косить, чем, по мнению Василия, совсем не походил на настоящего барина, ничего не умеющего делать руками¹⁵¹. Тем не менее, по признанию Усовой, «в Таре жить было еще труднее, чем в Глазове. Для серьезной научной работы было мало книг, а для публицистики жизнь... отставала на... 2 недели... С[ергей] Н[иколаевич] писал иногда в газету “Волжский В[естник]” и томской газете и написал одну большую статью в “Сев[ерный] В[естник]” и потому очень нуждался, несмотря на то, что на меня ничего не тратил»¹⁵². Как видно, и в Таре литература оставалась главным источником денежных доходов Кривенко.

К тяжелым условиям жизни сибирских поселенцев Кривенко специально обращался в статье «Отбросы общества». Предоставленные сами себе, но в то же время лишённые права передвижения в пределах края, многие из них оказались вынужденными влачить полунищенское существование. «Сейчас, например, – пишет Кривенко, – когда термометр показывает 32 градуса, у меня был в прихожей человек в рваном зипунишке, надетом без рубашки прямо на голое тело; спина порвана, под мышками и на рукавах дыры. Кланяясь со слезами в ноги и стуча зубами, он все повторял только одну фразу: “Не дайте дворянину Калужской губернии замерзнуть”». Говорят, в Сибирь ссылают порочные элементы, «отбросы общества», но здесь, замечает публицист, они имели множество шансов сделаться еще порочнее, и встать на путь самого откровенного разбоя. Так что вопрос,

^a Имеются в виду статьи С. Н. Кривенко: Отбросы общества (Письмо из Тобольской губернии) // Волжский вестник. 1887. № 117, 118; Г. З. Елисеев // Сибирская газета. 1888. № 55; Из поездки в Сибирь (Дорожные разговоры и впечатления) // Сев. вестник. 1888. № 6. С. 42–82.

кто кого развращает – ссыльные Сибирь или наоборот, Кривенко оставил открытым¹⁵³.

Тяжесть понесенного наказания не могла не отразиться на духовном состоянии и сосланных в Сибирь народовольцев. По свидетельству Д. А. Перелешина, в тарской колонии политических ссыльных царили пораженческие настроения. По крайней мере, бежать оттуда никто не собирался, «указывая на то, что партия разбита, восстановить ее скоро очень трудно, так как все равно будешь очень скоро вновь арестован»¹⁵⁴. Очевидно, такого же мнения придерживались Кривенко и Усова, у которых Перелешин прожил около полугода.

Первоначально установленный срок ссылки Кривенко истек 3 июля 1888 г. Департамент полиции предполагал продлить ее еще на один год. Правительство нередко практиковало прибавку срока политическим ссыльным. Так, писателю Г. А. Мачтету он был увеличен на год, А. И. Иванчину-Писареву на три года и т.д. Особое совещание на заседании 27 июня милостиво постановило от официального надзора Кривенко освободить с временным воспрещением жительства в местностях, объявленных в положении усиленной охраны, и городах: Орле, Екатеринославле, Курске, Туле и Твери¹⁵⁵. После возвращения Кривенко в Европейскую Россию за ним устанавливается негласное наблюдение, почти до самой смерти писателя (прекращено 3 мая 1903 г.), фиксирующее его образ жизни, связи и передвижения по стране. Интересно, что еще в январе 1896 г. Кривенко был представлен к освобождению от надзора «за ненадобностью». Но, как заметил, Н. П. Дурново, литература – не то занятие, которое внушает представление о благонадежности человека. Для сравнения: с Софьи Усовой, целиком посвятившей себя воспитанию дочери, негласный надзор был снят в октябре 1895 г.¹⁵⁶

Рубеж 1870–1880 гг. – драматический период в истории освободительного движения в России. Ожесточенная борьба горстки революционеров с русским самодержавием втянула в себя не один десяток людей, ранее и не помышлявших об открытом столкновении с властями. Такова судьба многих русских писателей-демократов, для которых страницы передовых газет и журналов явились самым настоящим полем битвы. Оружием их были идеи и понятия известного рода, впрочем, сравнимые по своему воздействию на правительство с динамитом народовольцев. Участь постигшая «Слово», «Отечественные записки», «Дело» и другие подобные издания с их редакторами и сотрудниками, красноречиво свидетельствует об этом¹⁵⁷.

Родственники Кривенко уверяли, что он не любил вспоминать о своем «революционном» прошлом. Очень может быть. Но следует ли отсюда, что вместе с «грехами молодости» Кривенко отказался и от своего прежнего понимания задач русской жизни, значения борьбы с самодержавием за политические реформы и необходимости активизации с этой целью участия в общественной жизни широких слоев народа и образованного общества? Для исследователей вопрос этот один из самых сложных, так как он напрямую связан с пониманием малоизученной культурнической доктрины правого народничества, получившей наибольшее развитие в 90-е годы XIX века.

¹ Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973. С. 278.

² Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 125.

³ Цит. по: Волк С. С. «Народная воля». 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 53.

⁴ См., напр.: Русанов Н. С. «Политика» Н. К. Михайловского // Былое. № 7. С. 130.

⁵ [Михайловский Н. К.] Гроньяр. Политические письма социалиста // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 28–29.

⁶ Кривенко С. Н. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. 405.

⁷ Там же. С. 398, 410, 411.

⁸ РГАЛИ. Ф. 576. Оп. 1. Д. 15. Л. 84 об.

⁹ [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 349, 363, 364.

¹⁰ Там же. С. 355–356.

¹¹ См.: [Кривенко С. Н.] С. К. Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о гр. Дм. Андр. Толстом // Вестн. Европы. 1907. № 7. С. 246.

¹² Письмо А. И. Эртеля к отцу. 26 июня 1879 г. – РГАЛИ. Ф. 576. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

¹³ Русанов Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 230.

¹⁴ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов // Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 1. С. LI–LII; Тимофеев М. А. Пережитое. Отрывок из воспоминаний о семидесятых годах // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 104.

¹⁵ См.: Шорникова Л. А. Из переписки Н. Ф. Бажина с А. И. Эртелем (Материалы к истории артельных журналов «Русское богатство» и «Слово») // Рус. литература. 1977. № 3. С. 172.

¹⁶ См.: Якушин Н. И. По градам и весям. Очерк жизни и творчества П. В. Засодимского. Архангельск, 1965. С. 161.

¹⁷ [Кривенко С. Н.] Русская жизнь // Рус. богатство. 1880. № 1. С. 87.

¹⁸ См.: [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 981–986.

¹⁹ [Златовратский Н. Н.] Оранский Н. Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. 1880. № 6. С. 20.

²⁰ Цит. по: [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. С. LIJ.

²¹ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 323.

²² Русанов Н. С. На родине. С. 231.

²³ Кривенко С. Н. Из литературных воспоминаний // Тургенев И. С. в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 218.

²⁴ Русанов Н. С. На родине. С. 222, 233, 255.

²⁵ Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 323; Шорникова Л. А. Указ. соч. С. 178.

²⁶ См.: Шорникова Л. А. Указ. соч. С. 172.

²⁷ См.: Бушканец Е. Г. Революционеры 1870-х годов и журнал «Слово» // Русская литература и освободительное движение. Сб. второй. Учен. зап. Казанск. пед. ин-та. 1970. Вып. 85. С. 30.

²⁸ Лихачев В. С. Литературно-политическая исповедь (1880–1890) // Новое слово. 1910. № 11. С. 41.

²⁹ В «Слове» С. Н. Кривенко принадлежат две статьи «Наша внутренняя жизнь» (№ 2, 4 за 1881 г.).

³⁰ Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 293–295.

³¹ См.: Шорникова Л. А. Указ. соч. С. 183–184.

³² Прошение в Главное управление по делам печати о разрешении издавать журнал «Слово» под редакторством Е. Д. Максимова. Декабрь 1881 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

³³ Цит. по: Глеб Успенский. Материалы и исследования. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 318.

³⁴ Кривенко С. Н. Литературные воспоминания и характеристики. Г. З. Елисеев // Рус. мысль. 1901. № 7. С. 118.

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1976. Т. 19. Кн. 1. С. 227 (Письмо к Н. К. Михайловскому от 29 июня 1881 г.).

³⁶ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. С. XLIII.

³⁷ Папковский Б. М. М. Е. Салтыков (Щедрин) в борьбе с народниками // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1948. Т. 8. Вып. 5. С. 445–447; Эльсберг Я. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1953. С. 524.

³⁸ Дергачев И. А. Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк (К вопросу о соотношении реализма) // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1975. Вып. 8. С. 35–36.

³⁹ Успенский И. И. К воспоминаниям о Г. И. Успенским // Летописи Государственного литературного музея. Глеб Успенский. М., 1939. Кн. 4. С. 378.

⁴⁰ Скабичевский А. И. Указ. соч. С. 325.

⁴¹ [Кривенко С. Н.] Внутреннее обозрение // Устой. 1882. № 2. С. 149–151.

⁴² Устой. 1882. № 1, 2, 5, 7, 11 и 12.

⁴³ Устой. 1882. № 6. С. 102–110.

⁴⁴ Русанов Н. С. На родине. С. 326.

⁴⁵ Скабичевский А. И. Указ. соч. С. 326.

⁴⁶ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов. С. LIV.

⁴⁷ Цит. по: Попов И. И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М., 1933. С. 133.

⁴⁸ Леткова Е. Из писем Н. К. Михайловского (К 10-летию его кончины) // Рус. богатство. 1914. № 1. С. 380.

⁴⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 126–127 (Письмо датируется 5 августа 1882 г.).

⁵⁰ Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 375.

⁵¹ Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Очерки по истории социалистической журналистики. XIX в. М.; Л., 1927. С. 207–208.

⁵² Там же. С. 209, 214.

⁵³ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов. С. LI.

⁵⁴ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 4, 6, 7.

⁵⁵ Там же. С. 293–297, 300.

⁵⁶ Там же. С. 299, 305.

⁵⁷ Там же. С. 137.

⁵⁸ Там же. С. 378.

⁵⁹ Там же. С. 91.

⁶⁰ Там же. С. 61.

⁶¹ Там же. С. 47, 127.

⁶² Там же. С. 48, 88.

⁶³ Там же. С. 91, 92.

⁶⁴ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 458.

⁵⁶ Подробнее об этой проблеме см.: Федотова В. Г. Свобода или равенство? // Философ. науки. 1991. № 4. На примере истории России автор доказывает, что эти два понятия в принципе несовместимы (отрицают друг друга). Таким образом, народническая идея осуществления идеала свободы через равенство признается изначально эфемерной.

⁶⁶ Кривенко С. Н. Наш народный кредит // Собр. соч. Т. 1. С. 336; Он же. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах // Там же. С. 419.

⁶⁷ [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве. С. 356–360, 365.

⁸⁸ Там же. С. 349, 372.

⁶⁹ [Суворин А. С.] Незнакомец. Недельные очерки и картинки // Новое время. 1881. № 2033.

⁷⁰ Подробнее о полемике см.: Мокшин Г. Н. Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. // Ист. записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 11. Воронеж: ВГУ, 2005.

⁷¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 108, 112, 193, 280, 281.

⁷² О социально-этической концепции интеллигенции у народников см.: Дворкин В. З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 133–139;

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 136–145.

⁷³ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 107, 193, 281.

⁷⁴ См.: Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 364–366.

⁷⁵ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 278, 283, 313, 368.

⁷⁶ Пайнс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 359.

⁷⁷ По заявлению П... – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 800. Л. 29.

⁷⁸ Михневич В. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 116.

⁷⁹ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. С. XXXV.

⁸⁰ Корсаков И. Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. № 14. 7 июня.

⁸¹ Попов И. И. Глеб Иванович Успенский // Летописи Государственного литературного музея. С. 447; Николадзе Н. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 33; Фигнер В. Н. По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина // [Колосов Е. Е.] Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 232; Шебалин М. П. Ключки воспоминаний. М., 1935. С. 128; Семенов Е. В. А. Караулов, дело Дегаева и генерал Новицкий (Из личных воспоминаний) // Мир. 1911. № 2–3. С. 336; Сухомлин В. И. Из эпохи упадка партии «Народная воля» // Каторга и ссылка. 1926. № 6. С. 77.

⁸² К истории процесса 21 (Письма и показания П. Ф. Якубовича) // Красный архив. 1929. № 5. С. 171.

⁸³ Валк С. Н. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 256.

⁸⁴ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 334. Л. 25, 27.

⁸⁵ Прибылева-Корба А. П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х годах. М., 1926. С. 36.

⁸⁶ Валк С. Н. Указ. соч. С. 255.

⁸⁷ Циркуляр М. В. Д. от 16 июля // Литература партии «Народная воля». С. 14–15.

⁸⁸ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 280.

⁸⁹ Ивановская П. С. Очерк истории революционного движения в России в 70–80-х годах. 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 42. Л. 10.

⁹⁰ [Русанов Н. С.] Н. Р. Событие 1-го марта и Н. В. Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

⁹¹ См.: Тан-Богораз В. Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 234; Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях. СПб., 1884. Обзор VIII. С. 26.

⁹² См.: Пищулина Ю. П. Из истории нелегальных изданий сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 626–627.

⁹³ Русанов Н. С. На родине. С. 277.

⁹⁴ Николадзе Н. Я. Указ. соч. С. 9–12.

⁹⁵ См.: *Бороздин К.* «Священная дружина» и «Народная воля» // *Былое.* 1907. № 10. С. 152; *Заславский Д.* Взволнованные лоботрясы // *Былое.* 1924. № 25. С. 73.

⁹⁶ *Михайловский Н. К.* Из воспоминаний о В. Н. Фигнер // *Полн. собр. соч.:* в 10 т. СПб., 1913. Т. 10. Стб. 54.

⁹⁷ *Николадзе Н. Я.* Указ. соч. С. 16–17.

⁹⁸ *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд // *Полн. собр. соч.:* в 6 т. М., 1932. Т. 1. С. 318–320; *Тихомиров Л.* Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 151–152.

⁹⁹ *Николадзе Н. Я.* Указ. соч. С. 33.

¹⁰⁰ Там же. С. 35–36.

¹⁰¹ *Попов И. И.* Автобиография // *Деятели СССР и революционного движения в России.* С. 183–184. О деятельности группы см.: *Сенчакова Л. Т.* «Народная воля» после 1 марта 1881 г. // *Преподавание истории в школе.* 1956. № 6. С. 19–31; *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 323–331; *Сайкин О. А.* Из истории «Молодой партии “Народной воли”» // *Ист. СССР.* 1971. № 6. С. 73.

¹⁰² [*Кривенко С. Н.*] К русскому обществу от русских революционеров. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 469. Л. 4 об., 7, 7 об., 10 об., 14. Первое издание брошюры датируется 1 января 1883 г. О принадлежности ее Кривенко см.: *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 258.

¹⁰³ [*Кривенко С. Н.*] Чего ожидать от коронации. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 450. Л. 109, 111 об., 115. Подписано 25 апреля 1883 г. Авторство Кривенко подтверждается П. Ф. Якубовичем. См.: *Якубович П.* Памяти С. Н. Кривенко // *Рус. богатство.* 1906. № 9. С. 194.

¹⁰⁴ Литература партии «Народная воля». С. 189–192 (Листок «Народной воли». № 1. 20 июля 1883 г.).

¹⁰⁵ *Иванчин-Писарев А. И.* Указ. соч. С. 294.

¹⁰⁶ Анализ содержания нелегальных работ С. Н. Кривенко см.: *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 260–261.

¹⁰⁷ [*Николаевский Б. И.*] *Н-ский Б.* Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова (письма С. А. Иванова к П. В. Карповичу) // *Народовольцы 80-х и 90-х годов.* М., 1929. Кн. 39. С. 51, 64.

¹⁰⁸ *Успенский Г. И.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1957. Т. 9. С. 350.

¹⁰⁹ См.: [*Колосов Е. Е.*] *Кузьмин Д.* Указ. соч. С. 29; *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 347.

¹¹⁰ [*Колосов Е. Е.*] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. С. XXVII.

¹¹¹ Подробнее см.: *Горев Б. И.* Н. К. Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и миросозерцание. М., 1931. С. 44, 48.

¹¹² Об отставном подпоручике Кривенко и жене учителя Александре Васильевне Успенской (5 апреля 1882 г.). – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 1574. Л. 103 об., 104; Ф. 1766. Оп. 1. Д. 1. Л. 234, 234 об., 235 об.

¹¹³ *Русанов Н. С.* На родине. С. 279–281.

- ¹¹⁴ *Сенчакова Л. Т.* На похоронах И. С. Тургенева // Ист. СССР. 1968. № 5. С. 142.
- ¹¹⁵ По заявлению П... Л. 32; *Сенчакова Л. Т.* На похоронах И. С. Тургенева. С. 144.
- ¹¹⁶ Подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Дегаевщина // Вопр. истории. 1976. № 3. С. 131–132.
- ¹¹⁷ Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др. – РГИА. Ф. 1405. Оп. 85. Д. 10944. Л. 88; «Еженедельные записки» Департамента полиции с 26 декабря 1883 по 2 января 1884 г. – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 6. Л. 7.
- ¹¹⁸ Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др. Л. 33 об.; *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. М., 1933. С. 164–165.
- ¹¹⁹ Хроника // Общее дело. 1884. № 58. С. 6.
- ¹²⁰ Обзор важнейших дознаний. С. 24–26, 91–92.
- ¹²¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Указ. соч. Т. 19. Кн. 2. С. 269 (Письмо к Н. К. Михайловскому, начало января 1884 г.).
- ¹²² См.: *Попов И. И.* Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 годах // Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 64–66.
- ¹²³ Об отставном подпоручике Кривенко... – Л. 43.
- ¹²⁴ Там же. Л. 42, 50 об., 51 об.
- ¹²⁵ См.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Указ. соч. Т. 19. Кн. 2. С. 269, 271, 275 (Письма к Н. К. Михайловскому, Д. Н. Мамину-Сибиряку и Г. З. Елисееву, январь 1884 г.).
- ¹²⁶ Там же. С. 293–294. Письмо к Г. З. Елисееву от 12 марта 1884 г.
- ¹²⁷ Там же. С. 293.
- ¹²⁸ Письма Н. К. Михайловского к С. Н. Кривенко, конец зимы 1884 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 94. Л. 17, 19.
- ¹²⁹ См.: *Сухомлин В. И.* Указ. соч. С. 82–83.
- ¹³⁰ Обзор важнейших дознаний. С. 25, 36.
- ¹³¹ Цит. по: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Указ. соч. Т. 19. Кн. 2. С. 302 (Письмо Н. А. Белоголового датируется 18 апреля 1884 г.).
- ¹³² См.: *Макашин С. А.* Из истории литературной политики самодержавия. Как подготавливалось закрытие «Отечественных записок» // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 444.
- ¹³³ Цит. по: Сообщение о закрытии «Отечественных записок» // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1956. Вып. 3. С. 285.
- ¹³⁴ *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: в 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 294.
- ¹³⁵ *Меньшиков Л. П.* Охрана и революция, К истории тайных политических организаций в России. М., 1925. Ч. 1. С. 410.
- ¹³⁶ Об отставном подпоручике Кривенко... Л. 69–70 об.
- ¹³⁷ *Кривенков Иван.* Письмо Е. Д. Максиму. Б/д. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–1 об.
- ¹³⁸ См.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Указ. соч. М., 1977. Т. 20. С. 71 (Письмо к Н. К. Михайловскому от 19 августа 1884 г.).
- ¹³⁹ Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др. Л. 55–56.

- ¹⁴⁰ Об отставном подпоручике Кривенко... Л. 71.
- ¹⁴¹ *Гаршин В. М.* Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 341 (Письмо к Е. С. Гаршиной от 7 сентября 1884 г.).
- ¹⁴² Об отставном подпоручике Кривенко... Л. 78, 109–109 об.
- ¹⁴³ Там же. Л. 110.
- ¹⁴⁴ [*Кривенко С. Н.*] Из медвежьего угла (письмо из Глазовского уезда) // Сев. вестник. 1886. № 6. С. 68, 70, 71.
- ¹⁴⁵ О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 87. Д. 1297. Л. 18. Дело заведено 16 марта 1889 г.
- ¹⁴⁶ [*Кривенко С. Н.*] Е. Дореформенная народная школа // Сев. вестник. 1886. № 5. С. 87–91; *Он же.* Спекуляция крестьянским лесом (письмо из Вятской губернии) // Сев. вестник. 1886. № 12. С. 87–100.
- ¹⁴⁷ Письма Н. В. Шелгунова к С. Н. Кривенко // Вестн. Европы. 1911. № 4. С. 229 (Письмо от 4 марта 1886 г.).
- ¹⁴⁸ Письма С. Н. Кривенко к С. Е. Усовой. 1885–1889 гг. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 11. Л. 104–104 об.
- ¹⁴⁹ *Усова С. Е.* Письма к Е. Д. Максимова. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 68. Л. 11 об.
- ¹⁵⁰ О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. Л. 14 а, 17–17 об.
- ¹⁵¹ См.: *Перелешин Д. А.* Воспоминания народовольца // Звезда. 1973. № 11. С. 126–127.
- ¹⁵² *Усова С. Е.* Указ. соч. Л. 11 об.
- ¹⁵³ [*Кривенко С. Н.*] *С. Н-ъ.* Отбросы общества. С. 2.
- ¹⁵⁴ *Перелешин Д. А.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁵⁵ О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. Л. 2.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 86, 88, 89.
- ¹⁵⁷ *Твардовская В. А.* Демократическая журналистика // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 418.

С. Н. КРИВЕНКО КАК ИДЕОЛОГ КУЛЬТУРНИЧЕСКОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1890-х гг.

*

После разгрома правительством «Народной воли» и закрытия демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело» наиболее активная и сознательная часть русского общества оказалась в состоянии затяжного идейного кризиса. Надежды на быстрое осуществление в России социалистических преобразований, воодушевлявшие русскую интеллигенцию 1860–1870-х гг. на героизм и самопожертвование, оказались горькой иллюзией. В обществе происходит переоценка прежних идейных ориентиров и нравственных норм. Началась «эпоха разброда и искания новых идеалов», как окрестил 80–90-е гг. XIX в. С. А. Венгеров¹.

Центральное место в идеологии легального народничества второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. заняла теория «малых дел»^a. Она была призвана «реабилитировать» русскую действительность, убедить интеллигенцию в необходимости и возможности посильного служения народу через профессию, т.е. в качестве простого учителя, врача, агронома и т.п. Не случайно идея «культурной работы» получила наибольшее распространение в среде провинциальной и особенно земской интеллигенции.

Поскольку прежние «учителя жизни» за небольшим исключением находились кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто и в крайней растерянности^b, на общественную арену выходят народники-восемидесятники.

^a В исторической литературе утвердилось мнение, что пионером «теории малых дел» был Я. В. Абрамов, выдвинувший и обосновавший ее в газете «Неделя» в середине 1880-х гг. (саму теорию иногда называют «абрамовщиной»). В действительности Абрамов не автор, а талантливый ее популяризатор, разработавший практическую программу мирной культурнической деятельности интеллигенции в деревне. Репутацию главного теоретика «малых дел» Абрамову создал Н. В. Шелгунов, активно полемизировавший с ним во второй половине 1880-х гг.²

^b Напр., Н. Н. Златовратский буквально бегал от молодежи, донимавшей его вопросом: что же нам делать?³

Это И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, К. В. Лаврский, В. С. Пругавин и др. сотрудники газеты «Неделя» и журнала «Русское богатство» (до его перехода в начале 90-х годов XIX века в руки С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловского).

§ 1. «Скитальчество» С. Н. Кривенко по стране; «Северный вестник»

31 июля 1888 г. Кривенко покидает Тару. Поскольку въезд в столицу ему воспрещен, он решает пожить пока в Новгороде, поближе к Г. И. Успенскому и дочери Надежде (от первого брака). Но долго он здесь не задерживается. Первые три года после ссылки жизнь писателя сложилась так, что он постоянно курсировал между Новгородом, Никольским и Кавказом, пока с осени 1891 г. окончательно не осел с новой семьей в С.-Петербурге^а.

В Чудово Кривенко прибыл в середине августа 1888 г. У него ни копейки денег и вначале надо было позаботиться о поиске подходящей работы. Глеб Успенский в письме к Н. Н. Златовратскому просит приобщить Кривенко к новому научно-литературному журналу «Эпоха». Появление первого номера ожидалось в сентябре и, по мнению Успенского, Кривенко мог бы писать для него нечто вроде «Очерков русской жизни» Н. В. Шелгунова. «Задумано им много работ и не худо бы Вам с ним списаться. Он отдохнул, много пережил и со свежими силами много бы сделал для нового журнала»⁵. В «Эпохе» Кривенко поместил фельетон «Дорожные разговоры об отцах и детях» (1888. № 1), где описывал свое возвращение из Сибири в Европейскую Россию. Вскоре из-за смерти издателя журнал прекратил свое существование.

В сентябре Кривенко ненадолго отлучается в Никольское для свидания с родственниками, после чего до лета следующего года вместе с сестрой Варварой проживает в деревне Курцево Новгородского уезда. Отсюда с разрешения Департамента полиции Кривенко совершает периодические наезды в Петербург «для совета с докторами». Видится он, однако, с Засодимским, Михайловским, Павленковым,

^а За это время негласный надзор полиции зафиксировал около 40 поездок С. Н. Кривенко по стране, причем сохранились далеко не полные сведения. — О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко⁴.

Каменским, Фрейбергом (более 30 человек только в декабрьскую поездку)⁶. Но в «преступных связях» замечен не был, так что препятствий к продолжению «лечения» не имеет. И напрасно, если, разумеется, смотреть на это дело с точки зрения полиции.

Не далее, как зимой 1888/89 г. Н. К. Михайловский предлагает другу сотрудничество в газете «Самоуправление, орган социалистов-революционеров». Сам он был ее редактором. Кривенко согласился, правда, при условии правильной доставки номеров издания. Он очень настойчиво рекомендовал Михайловскому устроить тайную типографию и печатать газету в России, так как был уверен, что ни один номер не попадет из-за границы в Россию. Уверенность свою Кривенко основывал на опыте с «Вестником “Народной воли”», и главным образом на том, что жандармы при его допросах хвалились, что «ни одна печатная строка не попадет в Россию». Предсказания Кривенко сбылись полностью, но не по причине особенной бдительности пограничного сыска, а вследствие больших арестов и рокового стечения обстоятельств⁷.

Лето и осень 1889 г. Кривенко провел в разъездах, в основном, по семейным делам. Был в Сибири, на Кавказе и, конечно же, в Петербурге. На зиму писатель перебрался в Туапсе. Департамент полиции разрешил С. Е. Усовой отбывать там оставшееся время ссылки⁸.

На Кавказе Кривенко снова берется за перо. На этот раз он пробует себя в роли мемуариста, обращаясь к своим литературным воспоминаниям. Поводом послужила тяжело переживаемая смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они не были особенно близки, но уважали друг друга. Салтыков ценил Кривенко как близкого к редакции сотрудника, статьи которого способствовали укреплению авторитета «Отечественных записок». Кривенко, со своей стороны, видел в бывшем «патроне» не просто литературную знаменитость, но и человека, деятельность которого имела большое общественное значение. Благодаря ему народническое направление, главные литературные силы которого были сосредоточены в «Отечественных записках», отличалось выдержанностью, а сами писатели «литературной порядочностью», что, по мнению Кривенко, значительно изменилось к худшему после их выхода из-под указаний и контроля Салтыкова⁹.

Кроме того, Кривенко продолжал испытывать чувство глубокой вины перед Салтыковым-Щедриным за то, что невольно лишил писателя главного дела его жизни. «Он ко мне был... очень расположен, – писал Кривенко из сибирской ссылки в одном частном письме, – а

потом, когда закрыли “Записки”, то, говорят, ужасно на меня рассердился, полагал, что за мною действительно есть какие-нибудь фактические вины и что журнал через меня погиб. Говорят, что он целые дни только и говорил: как я мог не беречь журнал, так мало ценить литературу и литературных товарищей и т.д. Просил Н. К. (Михайловского. – Г. М.) передать ему, что нет против меня ни одного факта виновности, ни одной не сочиненной улики... Потом я сам хотел ему отсюда написать письмо, да стеснялся, и на душе все это время тяжело было»¹⁰.

Только в сентябре 1888 г. при личной встрече с Салтыковым Кривенко смог убедиться в его прежнем к себе расположении. «Увидев меня, – вспоминает публицист, – он обрадовался и сказал: “Откуда ты, эфира житель?”, но сию же минуту насупился, отвернулся в сторону и сказал: “А я на вас сердит”. – Знаю..., – отвечал я. – Нет, не знаете..., я все эти пять лет посылал вам свои книжки..., а вы мне хоть бы строчку написали...». Салтыков-Щедрин не знал, что Кривенко велел друзьям не пересылать ему этих книг, чтобы лишний раз не компрометировать Салтыкова перед органами политического надзора. Вероятно, в ходе разговора Салтыков догадался об этой истинной причине, поскольку перед уходом Кривенко «гнев его совершенно сошел». «Что это мы с вами так встретились, точно чужие, – сказал он, – столько времени не виделись, и даже не поцеловались. Черт знает что такое!... И он обнял меня и мы несколько раз горячо поцеловались»¹¹. После этого они виделись еще два раза: в марте и перед самой кончиной Салтыкова, в апреле 1889 г.

Рассматриваемые воспоминания Кривенко относятся преимущественно ко времени его сотрудничества в «Отечественных записках», когда он имел возможность личного общения с писателем. В целом Кривенко удалось создать правдивый и достоверный образ Салтыкова-Щедрина – «один из самых ценных и крупных портретов в мемуарной литературе о писателе»¹². Сомнения вызывает лишь попытка мемуариста «загримировать» Щедрина под народника, которого он называет «артельным, мирским человеком», подчеркивая его чисто русские общинные наклонности¹³. Но во времена Кривенко так думало все его литературно-общественное окружение.

По цензурным причинам мемуарный очерк о Салтыкове смог появиться в печати лишь в конце 1890 г. Поэтому первоначально были опубликованы литературные воспоминания Кривенко о его встречах с

И. С. Тургеневым, написанные приблизительно в то же время, что и упомянутый очерк, но менее значительные по содержанию¹⁴.

В письмах к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому в марте 1890 г. Кривенко сообщал также о планах написания большой статьи (4–5 листов) о Кавказской колонизации, для которой уже были собраны кое-какие материалы¹⁵. Ее главная идея – необходимость переселения на Кавказ крестьян, как основного условия культурного освоения края, была изложена публицистом в 1889 г. в «Русских ведомостях»¹⁶. К сожалению, Кривенко так и не удалось реализовать этот замысел.

Весной 1890 г. решается вопрос о сотрудничестве Кривенко в газете «Неделя». От Я. В. Абрамова он узнает, что П. А. Гайдебуров ищет человека работающего и дельного, «с живой жилкой» и ему хотелось бы, чтобы Кривенко стал близким сотрудником редакции, так как на лето в ней остаются «одни дохлые субъекты». Впрочем, Абрамов сомневался, что Кривенко сможет задержаться там надолго¹⁷. Михайловский в одном из писем также доверительно предупредил товарища: «Гайдебуров – “глуп как гусь”». «Очень боюсь, что тебе в “Неделе” не ужиться»¹⁸. Но за неимением постоянного заработка Кривенко все же принимает предложение газеты и в конце мая возвращается в Петербург.

В «Неделе» Кривенко продержался всего два месяца. По признанию своим близким, под крылом Гайдебурова он чувствовал себя «сиротливо». Особенно раздражали публициста нападки сотрудников газеты (особенно Р. А. Дистерло) на Н. А. Добролюбова и Н. К. Михайловского¹⁹. Итогом этого брака по расчету явились две небольшие заметки о IV Международном тюремном конгрессе, проходившем в Петербурге в июне – июле 1890 г. Вопросами уголовного права Кривенко заинтересовался под влиянием личного знакомства с известным криминалистом Д. А. Дрилем. Как народник, Кривенко явно симпатизировал идеям гуманизации современного уголовного права: отказу от физического воздействия на заключенных в пользу воспитания трудом (желательно в специально организованных земледельческих колониях); замене для не рецидивистов окончательно портящей их тюрьмы на другие, менее тяжкие способы наказания и т.д. На

¹⁴ В 1891 г. по предложению издателя Ф. Ф. Павленкова С. Н. Кривенко написал первый биографический очерк о М. Е. Салтыкове-Щедрине (см. прим. № 9), получивший положительные отклики в прессе. В том же году под редакцией Кривенко вышло второе издание стихотворений И. С. Тургенева.

эти идеи он специально обращает внимание читателей газеты, сообщая им важнейшие резолюции конгресса. Примечательно, что саму преступность Кривенко рассматривал как прямой результат «невежества, нищеты и вообще... несовершенств в общественном строе», а первенствующее положение в деле профилактики правонарушений отводил обществу²⁰.

5 августа 1890 г. в России ожидали приезда германского императора. Казалось бы, какое отношение могло иметь это событие к публицисту, специализировавшемуся на вопросах внутренней жизни страны? Кривенко же этот визит заинтересовал. Он посвятил ему специальную брошюру «Император Вильгельм II и вопросы международной политики», не избежавшую внимания заграничной прессы.

Как и следовало ожидать, о проблемах межгосударственных отношений автор пишет сравнительно мало. Подлинная тема брошюры – общие пути разрешения социального вопроса в странах Западной Европы и, в частности, в Германии. По заключению Кривенко, главная причина воинственности немецкого государства состояла в неурегулированности внутреннего положения, а именно в небывалом росте рабочего и социалистического движения, как следствии крайнего обострения отношений между трудом и капиталом²¹. Во что выльется это противостояние – в легальную парламентскую борьбу или социальную революцию и какой из этих путей целесообразнее, Кривенко, из-за сложности вопроса, прямо не отвечает. Но для общества, которому «дороже всего спокойствие», он признает более желательным мирное разрешение конфликтов.

Деятельность крайних социальных фракций с их принципом «цель оправдывает средства» и пренебрежением ценностью каждой человеческой личности вызывает у писателя отрицательную реакцию. «Нельзя оспаривать право государства бороться с социальным движением, раз оно не является выражением стремлений всей или большинства народной массы и принимает угрожающий, воинствующий характер»²². Однако рядом с обеспечением охраны существующего порядка перед властью всегда стоит и другая важная задача: законодательными мерами содействовать прогрессивному развитию общества, чтобы избежать опасности его упадка и перерождения.

Кривенко признает, что всякое движение вперед всегда сопровождается ошибками и крайностями. Но при разумной политике правительства «даже наиболее субверсивные (подрывные. – Г. М.) элементы могут найти приложение для общественной пользы...». Надо

только, чтобы государство проявило достаточно умения и такта и само не препятствовало мирному исходу обострившегося социального движения²³.

Для подтверждения своих мыслей Кривенко обращается к действиям правительств Англии и Германии, которые начинали все больше и больше вмешиваться в экономическую жизнь своих стран, пытаясь урегулировать отношения рабочих и капиталистов законодательным путем²⁵. В то же время он замечает, что произошло это не от особой мудрости государственных мужей, а как результат давления на них общественного мнения. Есть, правда, исключения. Например, канцлер Германии Бисмарк еще в 1872 г. признавался в частном письме, что «единственным средством остановить социально-революционное движение» он считает реализацию всего того, что «действительно справедливо в социалистических требованиях и что осуществимо в пределах нынешнего государственного и общественного порядка»²⁶. Но что мог бы сделать Бисмарк, если бы немецкий народ не отличался такой общественной сплоченностью, которая и заставляет чиновников, включая членов правительства, служить законам и государственным интересам? Здесь автор открыто сравнивает Германию с Россией, где все наоборот, где властвует и распоряжается бюрократия, а не общество²⁷.

Последнее наблюдение для Кривенко особенно важно. Мысль о том, что причины внутренних бед России в слабости русского общества, не имеющего возможности, а подчас просто не желающего отстаивать свои права, высказывалась им и раньше, но особенно часто с начала 1890-х годов. Почему это произошло, мы узнаем, познакомившись со статьями публициста в журнале «Северный вестник».

Активное сотрудничество Кривенко в «Северном вестнике» начинается сразу после его ухода из «Недели», т.е. с июля 1890 г. В мае это издание перешло в руки пайщиков (Б. Б. Глинский, А. А. Кауфман, М. И. Свешников и др.), которые решили пригласить Кривенко заведовать общественными разделами журнала²⁹. Получив постоянную

^a Решение рабочего вопроса С. Н. Кривенко связывал с переходом населения «к независимому земледельческому состоянию или самостоятельному производству». В начале 1890-х гг. он все еще выражал надежду, что «рабочее движение не коснется таких стран, как Россия и Швеция, благодаря земледельческому характеру населения, земельному простору и огромным расстояниям...»²⁴.

^b Л. Я. Гуревич утверждала, что в редакцию «Северного вестника» С. Н. Кривенко привлек литературный критик А. Л. Волынский²⁸.

работу, Кривенко переселяется поближе к столице, на станцию Любань Николаевской железной дороги.

В «Северном вестнике» известно 13 обзоров Кривенко «Из провинциальной печати» (все без подписи), еще не ставших предметом специального изучения^а. Указанные статьи как нельзя лучше раскрывают некоторые важные перемены, произошедшие в сознании публициста после его возвращения из ссылки.

Общее содержание статей остается традиционным для Кривенко. Это положение народных масс, деятельность земства, обзор материалов печати и т.д. По-прежнему им не упускается случай, чтобы заострить внимание читателей на «нездоровых» явлениях русской жизни (хозяйственные неурядицы, произвол на пароходах и железных дорогах, судебные процессы над лихоимцами, нищенство, эпидемии, самоубийства и т.п.). Меняется, прежде всего, общая характеристика переживаемого времени.

За последние годы, по оценке Кривенко, литература и общества утратили все свои ясные руководящие идеи, на смену которым пришла невообразимая умственная и нравственная путаница. На местах царили разобщенность и замирание земской жизни. Прежде в ней доминировали вопросы общего характера: «о народном образовании, об основаниях для раскладки повинностей, о земской статистике и др., касавшиеся не столько хозяйственных, сколько правовых интересов и взаимных отношений между различными земскими элементами». Теперь же все чаще преобладали чисто хозяйственные заботы (об удобрении почв, о распространении среди крестьян усовершенствованных земледельческих орудий, о введении более рационального севооборота и др.) «Не видно энергии и одушевления, цельных планов, программ и задач, которые поднимали бы общий пульс и поддерживали веру в земское дело»³⁰.

О земстве Кривенко беспокоился не случайно. В пореформенной России оно оказалось чуть ли не единственной силой, способствующей подъему экономической и умственной жизни сельского населения. «Земства, – цитирует Кривенко “Смоленский вестник”, – покрыли сетью школ, библиотек и больниц свои губернии и уезды, о чем в

^а Помимо того, с 1889 г. С. Н. Кривенко поместил в журнале статьи: «Новый тип сельских кредитных учреждений (сельские банки)» (1889. № 5); «По поводу толков об отчуждении казенных горных заводов» (1891. № 1); «Г. З. Елисеев» (1891. № 2); «Новая докучная сказка (об устройстве школы в память Н. А. Некрасова)» (1891. № 6).

дореформенное время и помышлять было нельзя... Несомненно, общество наше значительно выросло сравнительно с тем, чем оно было до реформы, точно также как и народ, который – что бы там не говорили – сделался умнее, нравственнее и, как свидетельствует министр финансов (И. А. Вышнеградский. – Г. М.) в своем отчете, трезвее»³¹. Так было до принятия правительством нового положения о земстве от 12 июня 1890 г., создавшего угрозу «полного перерождения земства», т.е. окончательного его отказа от постановки коренных вопросов русской жизни. Земское движение нуждалось в новых, более энергичных и идейно убежденных деятелях. Но как убедить общество оказать земству необходимую поддержку, если даже в лучшие годы оно, в большей массе своей, оставалось глухо к призывам прогрессивной печати? И Кривенко такой способ нашел.

Впервые со страниц «Северного вестник» Кривенко специально выступил в защиту тех, кто занимался так называемыми «маленькими делами». «Мы, – писал он в январе 1891 г., – вовсе не предъявляем строгих требований к нашему земству, т.к. отлично понимаем, что в настоящее время и то, маленькое дело, которое делается для охранения земских учреждений от неблагоприятных влияний, есть уже большая заслуга со стороны людей, задавшихся такой задачей...»³². Смысл позиции Кривенко прост. Только человек, ранее занимавшийся пусть маленьким, но действительно полезным делом («для бедного и темного русского народа») сможет стать по-настоящему деятельным земцем и прийти до сознания зависимости успеха любого общественно значимого вопроса от масштаба и глубины его постановки. В данном случае «малое дело» рассматривалось первой ступенью к «делу большому», его необходимой составной частью, а не противопоставлялось ему в виде чего-то независимого и самодовлеющего, как это делали сторонники теории «малых дел».

Конкретное приложение этот подход получил в конце 1891 г., когда вследствие засухи и неурожая начался голод в Поволжье. Высказывая свои соображения о мерах помощи голодающим, Кривенко настаивал на открытии доступа к народу «частных лиц». Размер их благотворительности, конечно, был невелик, но этим нравственным примером единицы могли пробудить инициативу более широких слоев русского общества и, тем самым, стимулировать принятие мер, действительно необходимых для прекращения народного бедствия. «Мы, – развивает эту мысль Кривенко, – вовсе не сторонники грошовой благотворительности и не думаем, чтобы небольшими вычетами

из чиновничьего жалованья и любительскими спектаклями и концертами удалось прокормить сотни тысяч голодающих, а говорим только против равнодушия и довольно распространенных уверток, что делу, мол, не поможешь и что это мешает только обнаружиться явлению во всей его отрицательной величине, а, следовательно, и мерам более широким, которые в данном случае необходимы. Значение мер более широких – вещь неоспоримая, и тем лучше, разумеется, когда является сознание в их необходимости; но в таком случае тем, кто находит не стоящим тратить силы на меры второстепенные, следует действовать и хлопотать на поприще более широком, а между тем этого-то сплошь и рядом мы и не видим»³³.

Таким образом, пропаганда «малых дел» являлась для Кривенко практическим средством развития самодеятельности общества, которому больше угрожала не опасность увлечься полумерами, а полное бездействие.

Не стоит думать, что общественная программа, проводимая Кривенко на страницах «Северного вестника», отражала общее направление журнала. Народников здесь было много: П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский, М. А. Протопопов, Н. А. Рубакин, Р. И. Сементковский и т.д. Они даже мечтали превратить данное издание в демократический орган наподобие «Отечественных записок». Но народникам противостояла не менее влиятельная группа символистов в лице А. Л. Волынского, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, З. Н. Гиппиус и др. Можно предположить, что до перехода издательских прав к Л. Я. Гуревич (апрель 1891 г.) отношения между этими течениями строились, выражаясь языком современной дипломатии, на принципе мирного сосуществования. В дальнейшем, когда Гуревич начала приглашать в журнал сотрудников с близкими ей взглядами, например, Владимира Соловьева, идейные разногласия символистов с представителями русского радикализма резко обострились. Особенно когда они касались учения Л. Толстого или каких-либо общественных вопросов. Постепенно усилиями Гуревич и Волынского началось вытеснение из журнала сначала народнических беллетристов и литературных критиков (Протопопов, Скабичевский) как наиболее враждебных теории чистого искусства, а потом и публицистов (Рубакин, Кривенко, Сементковский)³⁴.

Кривенко покинул «Северный вестник» осенью 1891 г. из-за принципиальных разногласий и купюр, сделанных в статьях редакцией. «На днях, – сообщает он в письме к Гуревич от 9 октября, – я окончу и

сдам Демакову (владельцу типографии «Северного вестника». – Г. М.) свои обозрения для следующей (ноябрьской) книжки, а затем прошу Вас подыскать на мое место кого-нибудь другого, так как я не могу писать при изменившихся условиях... По совести и без всякой неприязни Вам говорю, что при всем старании не могу я понять вашего направления и не понимаю руководящих редакционных статей (за исключением экономических), точно так же, как не понимаю и некоторых вещей: каким образом, например, можно идти в театр, когда люди, которых мы любим, мрут с голода...»³⁵.

Ближайшим поводом к выходу Кривенко из «Северного вестника» послужила публикация в журнале статьи В. С. Соловьева «Наш грех и наша обязанность»³⁶, вызвавшей сильное недовольство народнического публициста. Данная статья содержала резкую критику общества, которое вместо того, чтобы оказать народу широкую культурную помощь, увлеклось «ложными теориями», что, в конечном счете, и привело к голоду 1891 г. Заметим, что вскоре сам Соловьев в письме к Гуревич (26 октября 1891 г.) признал бесполезность своего призыва к обществу оказать народу необходимую помощь, узнав о решении правительства ни под каким видом не допускать общественной помощи голодающим. «Теперь, – пишет он, – окончательно выяснилось, что для исполнения этого призыва... необходимо перейти в другую оперу, не даваемую на казенных театрах»³⁷.

Уже после ухода Кривенко, которого даже Гуревич считала единственным полезным работников отдела внутренней жизни, несогласные с деятельностью издательницы пайщики подали на нее в третейский суд³⁸. Но они опоздали. В конце 1891 г. народническая группа «Северного вестника» решается на заведение собственного печатного органа, где могли бы объединиться все сторонники этого течения. И во второй раз они останавливают свой выбор на «Русском богатстве», несмотря на то, что сами в свое время окрестили его «утхлой ладьей». Собственно, на этом заканчивается период «скитальчества» Кривенко, опять оказавшегося во главе народнического журнала.

Согласно традиционной точки зрения, Кривенко возвратился в Петербург «законченным либеральным народником», в смысле человека, не только разуверившегося в возможности политической борьбы с самодержавием, но и вставшего на путь примирения (и даже сотрудничества) со своими бывшими политическими противниками. Ближайшее знакомство с вопросом убеждает, что никакого перерождения с ним не произошло. Кривенко не был революционером, не

стал он и «политическим оппортунистом». Его личным кредо оставалось радикальное переустройство народного быта посредством постепенных реформ. Только теперь он проводил свою программу более осторожно, стараясь действовать исключительно на законной почве. Вот почему в 1890-е годы взоры публициста почти целиком обращены к так называемому «культурному» обществу (преимущественно народнической интеллигенции). Усиление его влияния на положение дел в стране, по убеждению Кривенко, оставалось последней возможностью цивилизованного разрешения наболевших внутренних вопросов.

§ 2. Участие С. Н. Кривенко в издании «Русского богатства»; полемика с марксистами; раскол в редакции журнала

Журнал «Русское богатство» был приобретен С. Н. Кривенко в январе 1892 г. у Л. Е. Оболенского за 11 тыс. руб. Средства для покупки собрала специально организованная компания пайщиков. Издателем согласился быть Е. М. Гаршин. Фактическое руководство журналом взяли на себя Кривенко и К. М. Станюкович³⁹.

Первая, январская книжка вышла 29 февраля 1892 г. По уверению «Русской мысли», она не содержала «ничего особенного, яркого и выдающегося, что, может быть, объясняется именно тем, что она — первая». Тем не менее, журнал, представленный широким кругом талантливых сотрудников, обещал сделаться органом передовой русской литературы, цельным по мировоззрению, со вполне серьезным и честным отношением к задачам литературы и жизни. К сожалению, пишет автор приведенной библиографической заметки, «строгая приверженность известному прогрессивному циклу идей встречается реже прежнего...»⁴⁰.

1892 год был самым трудным для обновленного издания. Постоянно не хватало средств. А. И. Иванчин-Писарев, заведовавший хозяйственной частью «Русского богатства», «не раз закладывал свои вещи, чтобы уплатить авторам за статьи, дорожа репутацией журнала и не желая допускать нежелательных разговоров о его несостоятельности...»⁴¹. Да и самому Кривенко пришлось испытать немало хлопот, трудов и неприятностей, прежде чем к концу года у «Русского богатства» не оказалось 1,5 тыс. подписчиков (вместо 600 до покупки) при

сохранении прежней подписной цены в 8 руб. за год. С этого момента можно было говорить о его превращении в полноценный толстый журнал, наподобие «Русской мысли» и «Вестника Европы»⁴².

Помимо редактирования статей из провинциального отдела журнала, в 1892 г. Кривенко вел «Хронику внутренней жизни»⁴³. Большинство затрагиваемых в них проблем, так или иначе, было связано с вопросом о мужике и его благосостоянии, силой обстоятельств выдвинутого в центр общественного внимания еще в конце прошлого года. Голод – страшная народная беда, сравнимая с войной и эпидемией. В то же время он проверял умение общества ориентироваться в трудном положении, понять его истинные причины и вовремя их устранить, что также могло служить показателем его культуры и умственного состояния⁴⁴.

К чести русского общества причины голода оно увидело в истощении и упадке крестьянского хозяйства, а не в одних атмосферных явлениях. Однако как только речь заходила о конкретных мерах по улучшению народного быта, общественность проявляла удивительное разномыслие. Можно подумать, пишет Кривенко, что ключевые вопросы крестьянской жизни (о земле и хлебе, общине, переселениях, отхожих промыслах, недоимках, паспортах и т.д.) возникли только сегодня⁴⁵. Потерю обществом способности к согласованным действиям, отсутствие у него определенных убеждений по отношению к народу Кривенко связывал с упадком «серьезной, объединяющей и руководящей» столичной печати, отказавшейся рассматривать народные интересы в качестве критерия для постановки и решения общественных вопросов. По мнению публициста, верность этому убеждению 1860–1870-х годов продолжало хранить только народническое направление, за что и подвергалось яростным нападкам со стороны тех, кто стремился к ревизии «наследства отцов»⁴⁶.

Одним из таких «ревизионистов» Кривенко называет Вл. Соловьева. Этот известный русский философ, богослов и публицист, действительно, не сочувствовал народничеству. В его понимании специфической чертой данного течения было отрицание самостоятельного значения образованного класса и вытекающее отсюда требование уподобления народу. Стремление народников «жить как мужики», в отрыве от привычных «умственных» занятий, Соловьев считал не только ложным, но и греховным («идолопоклонничество»). Оно лишало народ возможности приобщения к достижениям общечеловеческой культуры, закрепляя его бедственное положение. Практический

пример – отстаивание народниками общинного землевладения, препятствующего улучшению существующих приемов земледелия («самый лучший социальный принцип – плохое утешение в голодной смерти»⁴⁷). Впрочем, критикуя народников за игнорирование насущных культурных потребностей простонародья, Соловьев готов был признать, что, судя по последним статьям В. П. Воронцова, и они начинали склоняться к признанию умственного воздействия на массы в качестве первоочередной задачи русской интеллигенции⁴⁸.

Ответное выступление Кривенко в защиту народничества появилось в июньском номере «Русского богатства». Обобщая высказывания Соловьева о народниках, он приходит к выводу, что под ними понимались только толстовцы, хотя «им до народа никакого дела нет» (люди занимались самоусовершенствованием) и И. И. Юзов (Каблиц), также не являющийся воплощением народничества. На самом деле народничество – большое умственное течение, раздробившееся на несколько групп и оттенков. «У нас, – замечает Кривенко, – были и есть народники, которые всегда ставили главной своей задачей – нести народу просвещение, которые устраивали школы, шли в учителя, основывали библиотеки и т.д. Другие задавались экономическими вопросами и стремились улучшить народную жизнь, искали теоретических и практических путей для этого, третьи шли лечить народ, четвертые улучшать его хозяйство, пятые отправлялись в земства и стремились защищать его интересы, шестые просто шли жить к нему поближе и делать все, что могут и т.д.»⁴⁹. Вот почему приписывание народникам отрицания культуры, непонимания значения хозяйственных улучшений народного быта, преувеличение тяги части интеллигенции к «опрощению» (поспешно сводимую к одним внешним ее проявлениям – хождению в лаптях и т.п.) оценивалось Кривенко как впадение в крайность («желая потуже натянуть лук, весьма легко слишком перетянуть его»).

В ноябре 1892 г., уступая усердным приглашениям Кривенко, в редакцию «Русского богатства» входит Н. К. Михайловский. Сам он считал покупку необеспеченного и к тому же подцензурного журнала «большой глупостью» и даже год спустя все еще не верил в его будущий успех⁵⁰. «Я временно работаю в нем и потому не порываю с “Русской мыслью”, – сообщает Михайловский одной своей знакомой, – “Сереженька” (Кривенко) просил меня об этом. Он убежден, что появление моих статей в декабре и январе создаст подписку, а то дела журнала очень плохи»⁵¹. Так оно и вышло. Со следующего года

Михайловский, как говорится, втянулся и стал душой журнала. Благодаря его участию «Русское богатство» быстро пошло в гору и превратилось в один из наиболее влиятельных и распространенных органов печати, почетного продолжателя традиций «Отечественных записок».

С апреля 1893 г. журнал снова стал артельным. Основные сотрудники Иванчин-Писарев, Кривенко, Михайловский, Станюкович и Глеб Успенский заключили соглашение, по которому все они вошли в число совладельцев «Русского богатства». Позже к ним присоединились Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, С. Н. Южаков и некоторые другие литературные деятели. Тогда же, весной, окончательно сформировалась и редакционная тройка в составе Михайловского, Иванчина-Писарева и Кривенко⁵².

Учитывая широту границ народнического направления, не вызывает сомнения, что с самого начала «Русское богатство» не отличалось полным единодушием сотрудников. С приходом Михайловского из редакции выходит Станюкович. Через некоторое время новый редактор, собрав вокруг себя своих сторонников, добивается выдворения из журнала Воронцова.

О последнем стоит сказать особо. Статьи «В. В.», печатавшиеся в журнале в 1892 г., вызвали широкий резонанс в прессе⁵³. Дело в том, что Воронцов попытался дать новое теоретическое обоснование народничеству. Точнее речь шла о его «среднем» (практическом) течении, стремящимся к преодолению крайностей доктрин правого и левого крыла народничества 1880-х гг. (сторонников соответственно «малых» и «больших» дел). Это был очень смелый шаг, так как за десять лет до Воронцова свою интерпретацию «истинного» народничества предложил Каблиц^a и подвергся резкой критике даже от своих единомышленников.

Характеристика народничества «В. В.» акцентировала внимание на трех его положениях: «интересы народа, как *цель*, формы, вырабатываемые его коллективной мыслью или другие, соответствующие его желаниям, как *средство*, и самодеятельность населения, как *рычаг* общественной эволюции (курсив мой. – Г. М.)». Практическое осуществление этих «*ria desideria*» (благих пожеланий), по убеждению публициста, требовало «умственного подъема массы» – главной задачи переживаемого момента⁵⁵. Следует добавить, что под народ-

^a По убеждению теоретика крайне правого народничества И. И. Каблицы, истинный народник должен был смотреть на ближайшие задачи русской жизни «глазами мужика», т.е. опираясь на мнения самого народа о его нуждах⁵⁴.

ничеством Воронцов понимал временное движение среди интеллигенции, которое имело смысл до тех пор, пока привилегированное общество оставалось важнейшим фактором общественной эволюции России, а его интеллигенция – «авангардом прогрессивного движения». Но оно должно было потерять смысл своего существования после того, как народные массы приобщатся к сознательному участию в прогрессивном развитии страны⁵⁶.

Основным оппонентом Воронцова выступил известный историк русской литературы А. Н. Пыпин («А. В-н»), обратившийся к изучению явления «народничества» еще в начале 1880-х годов. По его признанию, процитированная выше формула включала столь общие положения, что считать их специальной принадлежностью народников было невозможно. Напротив, здесь народничество становилось на одну почву с либеральной литературой, проклинаемой некоторыми его фракциями⁵⁷. Действительную специфику этого течения Пыпин (как и Соловьев) видел в признании народниками ненормальности разделения населения на небольшой культурный слой и народную массу, к тому же, объясняемого ими исключительно экономическими интересами (у Кривенко – это «борьба за благосостояние»).

Говоря о настоятельной необходимости экономических мероприятий на пользу народу, Воронцов как бы противопоставлял их преобразованиям политических форм, отвечающих якобы интересам только образованных классов. В данном случае, указывает Пыпин, «народническая теория забывает одно, что именно политические формы, т.е. известные гражданские установления, дают возможность той общественной самодеятельности, которая сближает общество с народом» (для подтверждения приводится деятельность земских учреждений). Наконец, автор подвергает критике стремление Воронцова приписать крестьянской общине нигде не доказанный «высокий этический характер» и призыв народника принять меры к ее ограждению от буржуазных форм, выработанных «чужой жизнью»⁵⁸.

Последняя статья Воронцова в «Русском богатстве» появилась весной 1893 г.^a Редакция журнала, предоставляя ему возможность свести старые счеты с критиком из «Вестника Европы», публично заявила, что на этом считает весь полемический эпизод, связанный с

^a В. П. Воронцов, в частности, продолжал настаивать на том, что политические преобразования не являются первостепенной задачей русской жизни, так как их необходимость осознается только интеллигенцией, но не оторванным от нее народом⁵⁹.

теорией народничества «В. В.», исчерпанным. Собственные взгляды редакции на затронутые в ней вопросы были изложены Михайловским в октябрьском обозрении «Литература и жизнь». Не вдаваясь в подробности, отметим, что Михайловский категорически отмежевался от учения Воронцова, поставив его в один ряд с Каблицем.

В ответ Воронцов потребовал права самозащиты на страницах «Русского богатства». Ему отказывают. Тогда он обращается в редакционный комитет с просьбой объяснить мотивы такого решения. Сам видит причину не в «коренных разногласиях» между ним и ближайшими сотрудниками журнала (по утверждению Михайловского, «В. В.» попал в него по недоразумению. – Г. М.), а в составе редакции, члены которой злоупотребляют своими правами. «Русское богатство», напоминает Воронцов в обращении к комитету, создано не на деньги одного лица и главные редакторы не могут хозяйничать в нем, как в коммерческом издании, давая возможность печататься одним и зажимая других⁶⁰.

Просьба Воронцова была рассмотрена только в октябре 1894 г. в присутствии Н. К. Михайловского, О. Н. Поповой, С. Н. Кривенко, В. В. Лесевич, С. Н. Южакова и В. Г. Короленко. Большинство голосов (против одного Кривенко^a) комитет признал публикацию статьи «Ответ моим критикам» неудобным для журнала, поскольку полемика «В. В.» с «А. В-ном» уже обнаружила существенное отклонение его мировоззрения от направления журнала⁶¹.

Можно предположить, что Кривенко поддерживал Воронцова из солидарности с его практической программой. Недаром впоследствии они вместе оказались во главе правого крыла легального народничества. Но осознавал ли он очевидные слабости доктрины государственного социализма «В. В.», а именно: недооценку им влияния на просвещение народа господствующих в стране политических форм? Ясность в этот вопрос вносят статьи публициста, посвященные интеллигенции, пытающейся оказать народу посильную культурную помощь. Они публиковались в «Русском богатстве» в течение 1893 г. и вскоре были переизданы под одной книжной обложкой⁶².

Данную тему Кривенко выбрал не случайно. Собранный им материал о попытках культурных людей «сесть на землю», о подвижнической деятельности в деревне независимых агрономов, медиков,

^a С. Н. Кривенко понимал, что публикация статей В. П. Воронцова ведет к нарастанию раскола в редакции «Русского богатства», но настаивал на том, чтобы редакционный комитет убедил «В. В.» отказаться от своего права добровольно.

педагогов и т.д., по существу был важным симптомом неблагоприятного положения дел в государстве, которое не могло создать возможности для более цивилизованных способов служения народу. В данном случае задача Кривенко состояла не столько в конкретных рекомендациях как «притащить... к более необходимой и плодотворной работе» тех, кто увлекся «малыми делами», а скорее в том, чтобы пробудить от «спячки» и заставить задуматься над своим гражданским долгом остальную, пока «бездельничавшую» часть русского общества⁶³.

Первая статья Кривенко «Культурные скиты» (№ 2, 3) обращала внимание читателей на явление ухода культурных людей в колонии. Попыток подобного рода было немного. Автор называет около 15 культурных поселений с числом постоянных обитателей от 3–4 до 12–15 человек. Цель этих людей состояла в личном моральном совершенствовании посредством приобщения к труду и быту простого народа. Некоторые из них открыто называли себя последователями учения гр. Л. Н. Толстого, от чего и сами поселения получили название «толстовские». В качестве примера Кривенко описывает жизнь пяти известных ему по печати колоний (в Черноморской, Харьковской, Киевской, Смоленской и Самарской губерниях). Судьба их, как правило, оканчивалась печально. Будучи изолированными от окружающей жизни, они быстро превращались в «скиты» (наподобие сектантских) и приходили в упадок от чрезмерной регламентации поведения колонистов⁶⁴.

Никакого особого общественного значения Кривенко «культурным скитам» не придавал (разве что, их отрицательному опыту, свидетельствующему о неизбежном провале попыток изменить мир, начиная с самих себя). Современным «толстовским» колониям публицист противопоставлял земледельческие колонии-общины 1860–1870 гг., членом одной из которых он был сам. Прежние колонисты не отрекались от окружающего мира, являвшегося исходным пунктом, стимулом и конечной целью их общественно-экспериментальной деятельности. А «опрощение» не только не мешало им самим оставаться культурными людьми, но, способствуя большему сближению с народом, облегчало внесение в его среду достижений культуры и цивилизации⁶⁵. Из-за внешних препятствий все эти колонии вынуждены были прекратить свое существование.

Очевидно, по той же причине наиболее распространенным способом выполнения интеллигенцией своей «культурной миссии» стала

деятельность культурных одиночек. Им Кривенко посвятил две статьи: «Культурные одиночки в деревне» (№ 5–6) и «По поводу культурных одиночек» (№ 12). Тщательно отбирая разрозненные факты, автор представил довольно разнообразную и интересную галерею фигур, характеров, убеждений, задач и целей. В разных видах и качествах приходили эти люди в деревню. Но и врача Г. Таирова, и учителя Г. М. Орла, и широко известного в России устроителя артельных сыроварен Н. В. Верещагина, и многих других, им подобным, объединяло стремление нести в деревенскую тьму «свою душу и знания». Эти люди энергичны и деятельны, что особенно выделяло их на фоне безразличной и пассивной общественной среды. Они не герои, но стремились выполнить то, что при иных условиях «должно было бы делать все образованное общество». И «вряд ли, – замечает народнический публицист, – кто-нибудь имеет право смотреть на них сверху вниз»⁶⁶.

Кривенко явно симпатизировал культурным одиночкам, призывая и остальных одобрять каждую активную попытку к добру. В то же время он не мог не признать, что по сравнению с масштабами действительных потребностей народа их труд имел незначительные результаты. Причины этого Кривенко видел в отсутствии материальной и нравственной поддержки «одиночек» со стороны государства и общества, так и в их собственной малочисленности и разрозненности, слабых связях с земством и другими местными учреждениями, способными хоть как-то координировать и поддерживать эту полезную и возвышенную деятельность^{a67}.

Цитированная выше книга «На распутье», дополненная двумя новыми очерками, в отличие от работы «В. В.», имела в основном положительные отклики. Критика признала важность затронутого Кривенко вопроса о значении так называемых «малых дел». Хотя сама возможность успешного развития деятельности культурных одиночек (при существующих условиях общественной жизни) в ряде отзывов была поставлено под сомнение^{b69}.

^a К проблеме стесненных условий деятельности земства, его оторванности от крестьянской жизни, С. Н. Кривенко обращается в статье «Один из пробелов местного самоуправления», опубликованной в благотворительном сборнике в пользу крестьянских переселенцев «Путь-дорога» (СПб., 1893).

^b Лучшим признанием труда Кривенко можно считать публикацию его книги в Нью-Йоркской газете «Sun». Впрочем, самозванный переводчик (некая госпожа «У») выдал «На распутье» за свое оригинальное произведение⁶⁸.

Интересно узнать, как были восприняты рассмотренные статьи Кривенко внутри редакции «Русского богатства». Историки (например, В. Г. Хорос) утверждают, что негативно, но конкретных доказательств не приводят. Единственное, что нам известно, это некоторые письма, точнее, записки Кривенко к Михайловскому по редакционным делам, свидетельствующие о существовании между ними разногласий как раз по вопросу о «малых делах»⁷⁰. Если это так, то «осветиться» в глазах Михайловского «с совершенно неожиданной стороны»^a Кривенко мог уже в конце 1893 г.

Одним из наиболее значительных явлений общественной жизни России 1890-х годов была полемика народников с марксистами по вопросу о развитии капитализма в России. Она началась в «Русском богатстве» на рубеже 1893/94 гг., задействовав ведущих публицистов журнала (Михайловский, Кривенко, Южаков и др.).

Отношение Кривенко к Марксу и его учению было типичным для народников. Марксизм с его критикой капиталистических порядков Западной Европы всегда воспринимался им с симпатией, но не как учение, применимое к России. Укреплению у Кривенко данного убеждения способствовало небезызвестное письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877 г.), где он доказывал возможность избежать все перипетии капиталистического строя в случае сохранения русской поземельной общины. В дальнейшем это письмо использовалось народниками в качестве одного из главных аргументов в споре с марксистами⁷².

Впервые о «псевдо-марксистах», т.е. учениках Маркса, следующих букве, а не духу его идейного наследия, Кривенко заговорил в конце 1890 г.⁷³ Поводом для начала серьезной полемики послужила статья легального марксиста П. Б. Струве, появившаяся в одной из немецких газет в начале октября 1893 г. Она содержала несколько претенциозных суждений в адрес книги Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893).

^a Выражение взято из письма Н. К. Михайловского к Н. С. Русанову (июнь 1896 г.): «Что касается Кривенко, то мне больно растравлять старые раны, которые нанес моему сердцу этот человек, которого я когда-то очень, до ослепления, любил и который в “Русском богатстве” осветился для меня с совершенно неожиданной стороны. Собственно в литературном отношении у него есть пунктик по части “малых дел”, ультранародничества и презрения к “политике”, но все это очень уклончиво, не ярко, так что в этом отношении дело с ним кое-как вести можно»⁷¹.

Струве, в частности, указывал на игнорирование народниками действительных успехов капитализма в России, который со временем сгладит разницу между ее земледельческим и неземледельческим населением и обратит основную массу крестьян в рабочих.

По мнению Кривенко, главная ошибка марксистов состояла в преувеличении степени развития капитализма в России. Фабрика по-прежнему оставалась «небольшим кусочком жизни», сравнительно с деревней («из 120 млн. общего населения мы еле насчитываем только 1,112 т. чел., занятых в капиталистическом производстве...»). Бралась под сомнения и сама необходимость «вываривания народа в фабричном котле». Где гарантии, что он выйдет оттуда невредимым и обновленным и где доказательства, что западноевропейский рабочий обязан своею большею культурностью и развитием именно фабричному котлу, а не другим условиям и влияниям? Ссылаясь на К. Маркса, народнический публицист доказывал как раз обратное. «Мучения» буржуазного строя таковы, что лучше их избежать⁷⁴.

Еще один довод против русских учеников Маркса – то, что капитализм в России насаждался сверху, благодаря поддержке правящих классов – подробно развивался Кривенко в статье «Письма с дороги». Сам автор заметил, что она была написана под впечатлением от прочтения упомянутой выше книги Даниельсона⁷⁵.

В 1894 г. спор народников и марксистов вступил в новую стадию. Струве публикует книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894). О Кривенко здесь пишется мало. Полемику с ним автор считает мапопроизводительной тратой времени, так как Кривенко даже не понял текста его первой статьи и искажил ее смысл. В основном достается опять Даниельсону, который в свою очередь находит у Струве «много нелепых положений, несогласных с фактами и здравым смыслом»⁷⁶.

Кривенко отозвался на книгу небольшой заметкой – постскриптом к статье «К вопросу о нуждах народной промышленности» (1894. № 10), еще раз разъясняющей причины возникшей дискуссии: отрицание марксистами возможности перехода России к более совершенному общественному устройству, минуя стадию господства капиталистических отношений. Больше на страницах «Русского богатства» Кривенко о марксистах не писал. Зато столкновение народников со Струве нашло живейший отклик в работах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

В сентябре 1894 г. выходит третий выпуск книги Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?»,

специально посвященный «политику-практику» Кривенко. Как известно, в ней народничество было представлено порочной, реакционной идеологией, отстаивающей сохранение доживающего свой век натурального хозяйства. Кривенко Ленин назвал идеологом мещанства, замазывающим антагонизм между основными классами русского общества, а его программу общественных преобразований – «кротко-либеральным штопаньем современных порядков»⁷⁷. Именно за отрицание народниками теории классовой борьбы как движущей силы социального развития, Ленин заклеил их как врагов распространения марксизма в России.

Появившаяся в январе 1895 г. работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» также содержала резкую критику Кривенко, но на этот раз как «субъективиста», не способного понять закономерности развития в России капиталистического способа производства⁷⁸. Следующий (ответный) ход был за Кривенко. Он сделал его в сентябре 1896 г., благо завязавшийся спор только набирал силу.

Анализ описанной выше полемики позволяет внести некоторые коррективы в сложившиеся представления об отношении Кривенко к капитализму. Во-первых, из того, что этот публицист не рассматривал капиталистический способ производства в качестве закономерной ступени к социализму, еще не следует, что он отрицал его чисто экономические преимущества. Неприятие публицистом хищнического капитализма основывалось на реальном ухудшении положения «непосредственного производителя», имевшем место в истории всех стран до тех пор, пока отношения между рабочими и работодателями не оказывались законодательно урегулированы государством.

Требует разъяснения и утверждение Кривенко об искусственном развитии капитализма в сельском хозяйстве России. Можно, конечно, уличить народника в игнорировании существования у крестьян частнособственнических инстинктов. Однако по существу он был прав. Одной из главных причин пышного расцвета в деревне кулачества, наживающегося за счет эксплуатации сельского мира, являлась патерналистская политика русского правительства, не позволяющая развиваться здоровому крестьянскому предпринимательству, основанному на производстве, а не на ростовщически-спекулянтских операциях.

В течение 1894 г. отношения в редакции «Русского богатства» продолжали обостряться. Poleмика народников с марксистами, в которой сотрудники журнала выступили единым фронтом, не только их

не сплотила, но еще больше расширила трещину между основными народническими фракциями. Определенную роль сыграли здесь так называемые «привходящие обстоятельства». Кривенко плохо ладил с Иванчиным-Писаревым и Короленко, недовольными тем, как он справляется со своими редакторскими обязанностями. В переписке между собой они называли Кривенко «размазней» (т.е. человеком, излишне уступчивым и мягкотелым), всерьез опасаясь за дальнейший успех журнала⁷⁹. Но можно понять и Кривенко, не чуравшегося закулисной интриги против своих противников. В который раз человек потратил уйму сил и энергии, чтобы организовать новый журнал, подобрать сотрудников, наладить отношения с цензурой. И вот опять образуется блок против его вмешательства в дела собственного детища.

Были здесь и более веские причины, чем личные симпатии-антипатии. Это постепенно выявляющееся несходство взглядов и убеждений ведущих сотрудников. По крайней мере, так считало большинство исследователей, занимавшихся историей раскола редакции «Русского богатства»⁸⁰. О содержании этих идейных разногласий Михайловский в общих чертах сообщает своему постоянному корреспонденту Русанову. «Отщепившиеся сотрудники слишком уж гнули кто в сторону “маленьких дел” и “светлых явлений”, кто в сторону народничества на подкладке экономического материализма, т.е. с фырканьем по адресу политики (у нас это так складывается, хотя не у всех, конечно)»⁸¹.

Сам Михайловский народником себя не считал. Ему претила та узость и закостенелость мышления, которым отличалось, по его мнению, ортодоксальное народничество 1890-х годов. После голода 1891/92 гг. в окружении Михайловского окончательно укрепляется убеждение, что программа преобразований страны, базирующаяся на экономическом укреплении общины как очага альтруизма и залога быстрого прорыва русского народа в царство высшей культуры, отвергается самим ходом пореформенного развития России. Необходимо было отказаться от «горделивого самообмана», что коллективная мысль простого народа совпадала с социальными идеалами интеллигенции и насущная задача последней заключалась в развитии общественной самодеятельности трудящихся масс (превращении их в самостоятельный фактор, или, как у Воронцова, в «рычаг» социальной

^a Кстати, пересказывать Н. С. Русанову причины раскола «личного характера» Н. К. Михайловский категорически отказался («это будет длинно и все-таки для Вас непонятно»).

эволюции)^{a83}. Пожалуй, это и был наиболее острый пункт разногласий между правоверными народниками, по-прежнему отстаивающими принцип «все для народа и посредством народа», и политизированной фракцией «Русского богатства», отрицающей возможность осуществления второй части этого принципа на почве существующих политико-правовых порядков.

Последнее совместное заседание редакции «Русского богатства», после которого Кривенко вышел из журнала, произошло 2 декабря 1894 г. Непосредственный участник событий П. В. Засодимский, спустя много лет, вспоминал, что «оно оставило отвратительное впечатление». Так, на его вопрос к собравшемуся «цвету интеллигенции», известны ли причины, по которым Сергей Николаевич уходит из «Русского богатства», чей-то голос за всех ответил: «Конечно, известны!» «Некоторые из пайщиков, перед этим возмущавшиеся, промолчали, – и лишили меня возможности говорить». Кривенко тоже промолчал. Он обещал Засодимскому когда-нибудь объяснить свое отношение к «Русскому богатству», но обманул его. «Вынудили уйти человека и только, – заключает писатель»⁸⁴.

По другим сведениям, «цвет интеллигенции» обвинял Кривенко в поддержке им Воронцова, лишённого редакцией права печататься в журнале, и в его благосклонном отношении к пропаганде «малых дел» Абрамовым. Интересно, что сам Михайловский хотел, чтобы Кривенко по-прежнему работал в «Русском богатстве»⁸⁵. С конца 1870-х годов эти люди были связаны узами самой тесной и даже нежной дружбы. Михайловскому импонировало необычайное добродушие Кривенко. «Сереженька, – любил повторять он, – это какой-то образ, сорвавшийся со стены». Возникшие между ними недоразумения так огорчили и расстроили его, что, по свидетельству Э. К. Пименовой, он решил, пока вопрос о дальнейшей судьбе журнала не будет выяснен, уехать из С.-Петербурга на Иматру (Финляндия). Когда через несколько дней Михайловский вернулся, участь «Русского богатства» была решена, и он окончательно перешел в его руки. Однако

^a Современный исследователь социальной доктрины Н. К. Михайловского В. В. Блохин прямо пишет о пренебрежительном отношении «властителя дум молодежи» к народу, как к грубой и отсталой массе. Склонный к авторитарному типу мышления Михайловский «не воспринимал народа как такового, как историческую реальность в ее данности». В этом смысле видение народа славянофилами и такими правыми народниками, как И. И. Каблиц было более реалистичным⁸².

личные отношения с Кривенко расстроились навсегда. Они расстались, чтобы больше не встречаться до самой смерти⁸⁶.

«Этот эпизод, — замечает Е. Е. Колосов, — был одной из самых драматических страниц в истории народнической литературы, так как вырывал из жизни обоих бывших друзей наиболее дорогие и трогательные воспоминания, оставляя их одинокими в такую сравнительно позднюю пору их жизни, когда новые связи составляются с трудом, а потеря старых чувствуется особенно больно»⁸⁷. Но прошлое забыто не было. И Михайловский, и Кривенко полностью отказались от каких-либо выпадов друг против друга.

Итак, некогда единое течение легального народничества распалось на два крыла. Современная историческая наука, в отличие от непосредственных участников событий, не склонна преувеличивать идейные расхождения между ними. В то же время пальма первенства в их обоюдных претензиях на хранение наследства 1860–1870-х гг. всегда отдавалась политическим радикалам, на том основании, что спор разрешила сама история⁸⁸. 8 января 1895 г. группа русских ученых и писателей, включая Михайловского и Кривенко, обратилась к Николаю II с петицией, в которой просила о «принятии русской литературы под сень закона» (ограждении от произвола светской и духовной цензуры)⁸⁹. Мечтания о каких бы то ни было реформах по инициативе властей оказались «бессмысленными», о чем новый монарх во всеуслышание заявил в первой же своей публичной речи 17 января 1895 г.

Жизнь как будто подтверждала правоту сторонников политической борьбы. Но во всем ли были неправы те, кто стоял на позиции теории «органической культурной работы», особенно если принять во внимание трагическую судьбу России после свержения монархии?

§ 3. «Культурная работа» и «малые дела»

В 90-е гг. XIX в., когда окончательно сложилась культурническая доктрина С. Н. Кривенко, Россия вступила в один из самых противоречивых периодов своей дореволюционной истории. Небывалый промышленный подъем, железнодорожный бум, введение золотой валюты сопровождалось ростом рабочего движения, обострением аграрного кризиса в деревне и страшным голодом 1891–1892 гг. (более 40 млн. пострадавших).

Вместе с развитием в стране капитализма в обществе усилилось разочарование в народническом учении с его упованиями на общину как на базис крестьянского благополучия и спасительницу России от надвигающихся на нее бед. Молодежь больше не хотела «идти в народ», убедившись в бесплодности каких бы то ни было попыток отдать ему свой «долг». Как писал известный публицист А. И. Богданович, в сознании интеллигенции деревня мало-помалу утрачивала значение «центра всей русской жизни, где только и может произойти разрешение всех запутанных вопросов нашей общественности»⁹⁰. На этой почве и произошло размежевание в лагере легального народничества, отражением которого стал раскол редакции его главного литературного органа – «Русского богатства».

Существует мнение, что в условиях падения популярности народнической идеологии Кривенко попытался возродить некоторые идеи из «наследства» 1860–1870-х гг., прочно связав их с модной тогда теорией «малых дел»⁹¹. В доказательство пристрастия публициста к «малым делам» обычно приводится его утверждение о том, что «маленькое дело вовсе не является синонимом маленькой цели» и «при известном средстве и содействии “маленькие дела” могут слагаться в большие суммы, как слагаются капли в реки и паровые частицы в тучи, а также могут синтетически входить в большое дело, подобно тому, как каждое дело в свою очередь разбивается на части. В этом... смысле чуждаться маленьких дел, конечно, нельзя»⁹².

Даже из этой цитаты видно, что, защищая «живое дело», как первооснову любых преобразований, Кривенко скорее руководствовался здравым смыслом и практическим опытом общественного развития, а не сомнительной теорией, обещавшей «великие результаты» (разрешение всех социальных проблем), если только каждый будет сознательно и честно выполнять то дело, к которому приставлен⁹³. Но, учитывая не вполне оправданное отождествление идейного содержания теории «малых дел» и «культурничества» в современной литературе, рассмотрим затронутый вопрос более подробно.

Кривенко прекрасно понимал значение «широких мер», затрагивающих крупные общественные вопросы и резоны нелюбви к «мерам малым» как частным и второстепенным. Вслед за Н. В. Шелгуновым, в конце 1880-х гг. полемизировавшим с «Неделей» по поводу значения «малых дел», он разделял опасения, что если «малые дела» или, точнее, малые цели, будут рекомендоваться молодежи как нечто самодовлеющее, то мала будет и общественная польза от них. Отдель-

ная деятельность, будучи совсем изолированной, действительно похожа на «заплатывание худого кафтана, который будет пороться в других местах». Но справедливо ли утверждать, что такая участь ожидает любое дело, малое в данную минуту, словно иначе и быть не должно? Гораздо больше опасений внушали Кривенко не сами малые дела, а элементарное нежелание людей прилагать усилия к их должному развитию⁹⁴.

Как публицист, длительное время писавший о наболевших вопросах русской жизни, Кривенко видел, что очень многие полезные начинания, например, в сфере кооперации, гибнут не столько от внешних препятствий, сколько из-за отсутствия у «подвизавшихся» на этом поприще лиц навыков правильной организации и ведения дела, а также необходимой для его успеха предприимчивости и веры в собственные силы. Нет, заключает Кривенко, у русского человека «того ровного, сознательного и энергичного упорства в преследовании раз намеченной цели, каким отличаются иностранцы, в особенности немцы и англичане...»⁹⁵.

Неумение русских доводить начатое дело до конца и порождало их удивительную способность больше надеяться на «авось» – благоприятные обстоятельства, случай или же на спасительное вмешательство каких-нибудь благожелательных внешних сил, чем на самих себя. Для примера Кривенко обращался к старым народным сказкам «По щучьему велению», «Конек-Горбунок»... Кто были там реально действующие лица? Ведь, отнюдь, не Емеля или Иванушка-дурачок, а их чудесные помощники. Это ли не зеркало, где отражается весь русский человек и его судьба⁹⁶.

В реальной жизни силой всемогущего «щучьего веления» наделялись, конечно же, власти предержавшие. Кому не известна давняя страсть русского человека жаловаться на все свои беды начальству? Вот сидит огромный детина и плачется, как казанская сирота, «что его обижают, что финансов у него нет, что Волга перестала его кормить», но сам ничего не делает, только к начальству обращается: «Ваше высокопревосходительство, погибаю от отсутствия железной дороги, страдаю, будучи разобщен с Волгой, затем финансы у жидов и немцев, прогоните их, а финансы пожалуйте мне!»⁹⁷. Но «иностранцы или мы сами виноваты в наших... затруднениях и неудачах?», – спрашивает Кривенко. Кто как не Россия обладала такими самобытными формами жизни, как община и артель, приближающими ее в силу их альтруистической природы к «высшему типу челове-

ческой культуры». Почему же при таких задатках наше отечество «путешествовало» обыкновенно в хвосте европейской цивилизации?⁹⁸ Для Кривенко ответ очевиден.

Русские всегда были склонны считать себя особым народом. Любят поговорить о необходимости выбраться на новую дорогу общественного развития с учетом национальных традиций и устоев народного духа, чтобы рано или поздно оказаться впереди всего мира и повести его за собой. Но действительно ли они к этому стремятся?⁹⁹ По наблюдениям Кривенко, «человеческие общества весьма редко действуют как один человек, их движение вперед слагается обыкновенно их мелких частных движений, из сил поступательных и противодействующих и сопровождается более или менее жестокою взаимною борьбою, то затихающею, то разгорающею вновь»¹⁰⁰. Побеждают в этой борьбе отнюдь не самые умные, но наиболее целеустремленные и деятельные. Потому-то служение идеалам прогресса требует от людей огромной энергии, упорного систематического труда и, зачастую, отказа от личных интересов. Громадное же большинство русского общества, по мнению народнического публициста, на деле оказалось не готово к такому самопожертвованию. Оно было сыто и вполне удовлетворялось «утробными процессами», а все эти рассуждения о будущем России – не более чем естественная потребность души образованного человека в каком-нибудь возвышенном предмете для приятного время препровождения¹⁰¹.

В результате на исторической сцене преобладали не сторонники новых форм экономической и политической жизни, а консервативный и реакционный элемент, представители старой (крепостнической) и нарождающейся (буржуазной) формации. Они-то и старались во имя своего личного счастья и благополучия, но под личиной народничества (о, лукавые люди!) засыпать народные задатки всяким мусором, грудой исторических обломков, воспользовавшись пассивностью большинства «полукультурного» общества. И «нам нельзя, – продолжает свои рассуждения Кривенко, – противопоставить Европе ни нашей науки, искусств и литературы, для развития которых всегда недоставало важнейшего условия – свободы; ни гражданского порядка, подавленного административной опекой; ни аграрного устройства, которым... мы могли бы гордиться, если бы народ был действительно обеспечен землей..., ни промышленного развития и благосостояния народа, т.к. поддерживали только капиталистов, а не народную промышленность; ни общественного призрения, ни народного

образования, одним словом – не можем выставить ничего, что могло бы удивить и устыдить Европу»¹⁰². Пока она сама стыдила Россию за такие «археологические редкости», как телесные наказания, ее паспортная и податная системы, препятствующие всякому продвижению к нормальной человеческой жизни.

К сожалению, замечает публицист, эти простые истины еще не были осознаны «нашим бесформенным и разрозненным обществом». Свыкшись с мыслью, что в условиях отсутствия свободной общественной жизни ничего изменить нельзя, так как «все равно ничего не выйдет», оно только смотрело и молчало, ожидая, видимо, пока условия эти улучшатся сами собой¹⁰³. Однако мир и людские отношения никогда самопроизвольно не совершенствуются. И даже механическое введение общественных форм не в состоянии устранить из жизни присущие ей дурные обычаи и злоупотребления.

Интересные наблюдения на этот счет сделал известный славянофил И. С. Аксаков в газете «Русь». В январе 1882 г., подводя итоги за памятный всем прошедший год, он предупреждал своих современников, что «насочинять и наделать, особенно с помощью принудительной власти, новых форм для жизни не особенно мудрено», но кто вдохнет в них жизнь, где взять людей, созрели ли они для этого обновления? «Не надлежит ли самому обществу, вместо слепого отрицательного отношения к действиям власти, добросовестно допросить себя: все ли исполнено им самим в пределах деятельностей, ему предоставленных, что могло бы облегчить, упростить государственную задачу нашего времени... Кто решится сказать “да, все”?»¹⁰⁴. В свое время Кривенко процитировал это назидание Аксакова в журнале «Устой». Являясь социалистом-народником, он, конечно, не стремился к оправданию существующего в стране политического режима. В позиции славянофильской «Руси» ему симпатизировал сам призыв газеты к компромиссу между всеми прогрессивными силами в обществе и правительстве¹⁰⁵.

^a Как тут не вспомнить рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином» (1896 г.), где главный герой (художник) отрицает необходимость для народа медицинских пунктов, школ и библиотек, так как при существующих условиях они служат лишь еще большему его порабощению. Позиция этого горе-интеллигента очень показательна: до тех пор, пока люди не будут освобождены от тяжелого физического труда, жизнь культурного человека не имеет смысла. Если он только не желает поддерживать своей работой существующий порядок.

Еще в середине 1870-х гг. Кривенко, касаясь особенностей социального прогресса, обратил внимание на взаимосвязь между состоянием умственного и нравственного развития населения страны и характером общественных форм, контролируемых дурные (с точки зрения общежития) склонности человеческой природы. Проще говоря, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает¹⁰⁶. Однако Кривенко не был бы народником, если не делал здесь оговорку, что такой подход несколько не исключает возможности постепенного органического роста самосознания и самодеятельности масс, вплоть до превращения их в активный и самостоятельный фактор истории. Более того, одними внешними мерами без внутреннего развития народа и общества, без приобщения их к таким элементарным благам человеческой цивилизации, как законность, охранение прав личности и самоуправление (лучшая школа общественности) Россию никогда не сделать подлинно культурной страной¹⁰⁷.

Таким образом, выступление Кривенко в защиту пусть маленького, но практически полезного дела, необходимо рассматривать в контексте его борьбы за развитие самодеятельности русского общества, более живого отношения к своим прямым интересам и делам, против «общественной апатии, подавленности духа и празднословия». Бездействие, постоянно напоминал публицист своим читателям, может стать самым большим врагом лучшего, так как те, кто ничего не делает для отвращения бед и улучшения дел становятся на один уровень с теми, кто, благодаря их пассивности, эти беды причиняет¹⁰⁸.

Для консолидации усилий разрозненных лиц, как известно, нужна ясная руководящая идея, позволяющая привести их действия к единому знаменателю, в качестве таковой Кривенко вместе с другими народниками предлагал идею «народа», объединяя этим понятием всех тех, кто занимался «созидательным» трудом (преимущественно физическим) и уже поэтому был «кровно» заинтересован в создании условий для его свободного развития^a. Ближайшей задачей общественных преобразований Кривенко считал обеспечение благосостояния и правового порядка крестьянства – главного представителя «народа» – в соответствии с его бытом, мировоззрением и идеалами гражданского строя. Сюда, на эту мирную «культурную работу», при-

^a «Не народ», с точки зрения С. Н. Кривенко и его единомышленников, – это так называемые эксплуататорские классы общества, не производящие материальных благ и уже поэтому «кровно» заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения.

званную создать широкую социальную базу для предстоящих радикальных реформ и укрепить имеющиеся к ним материальные и духовные предпосылки, и предполагалось направить энергию всех слоев населения России с земством и правительством во главе^{а109}.

Это была поистине титаническая задача. Причем одна из главных трудностей состояла в том, как убедить русское общество превратить служение народным интересам в отправную точку его самостоятельности. Суть позиции Кривенко сводилась к решительному отказу навязывать общественному мнению какой-либо образец «единственно верного» метода «культурной работы». «Ко всяким исканиям новых путей следует... относиться, прежде всего, с терпимостью». Каждый человек должен был делать для народа все, что может, стараясь сделать возможно больше и привлекая к своей деятельности других, так как только занимаясь реальным практическим делом большинство людей смогло бы научиться возводить частные факты к общим причинам и тем самым лучше понять, в чем состоят истинные причины «торжествующего зла» и как с ними бороться дальше. До этих пор общество просто отворачивалось от предлагаемых ему «бинтов» и «рецептов» для поведения, не представляя себе, к чему все это должно было привести¹¹⁰.

Данные мысли Кривенко перекликались с культурническими идеями Я. В. Абрамова и особенно Р. И. Сементковского. С точки зрения последнего, одной из главных причин малокультурности России было стремление русской интеллигенции «создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья», минуя кропотливую работу над удовлетворением текущих хозяйственных потребностей. А между тем, замечает публицист, широкие законодательные реформы, как бы гуманны и либеральны они не были, сами по себе ни к чему не приводят, если не идут рука об руку с главным источником культурных успехов – самостоятельностью народа «в области достижения своего благосостояния»¹¹¹. Однако, несмотря на внешнее сходство, между культурничеством Сементковского (не выходящим за рамки теории «малых дел») и взглядами на задачи «культурной работы» Кривенко есть весьма существенные различия.

^а Отстаивание С. Н. Кривенко «коренных устоев» русской жизни вовсе не означало, что он был узким самобытником. Признавая специфичность исторического развития России (сохранение общины и артели), Кривенко в то же время настаивал на необходимости приобщения простого народа к передовым достижениям европейской культуры и цивилизации.

Поскольку под «культурой» Кривенко понимал, прежде всего, общее состояние народа, характеризующееся определенным уровнем развития материального быта, общественных и духовных отношений, в его идейных построениях выделяется самая верхняя ступень культурного развития, некий идеал «высшей» культуры, совершенной во всех отношениях. На достижение именно такого идеала, социалистического по своей природе, была в конечном итоге сориентирована пропагандируемая публицистом культурная работа^a.

Необходимо также отметить гибкость позиции Кривенко относительно путей разрешения «вопроса о человеческом счастье». В отличие от многих своих соратников, он сознательно стремился не отделять частные меры от общих, внутренние условия от внешних, экономику от политики. Если, например, Л. Е. Оболенский и А. И. Фаресов спорили по поводу его статей о деятельности культурных людей в деревне: стоит ли им начинать с личного самосовершенствования или сначала добиться смены «общего режима»¹¹³, то сам публицист доказывал ошибочность избрания какого-либо одного способа выполнения задач настоящей цивилизации. По его убеждению, культурная деятельность по воспитанию нового человека (посредством участия людей в конкретных общественных делах, развивающих в них альтруизм и солидарность), должна была осуществляться совместно с работой по изменению общественных форм. «Люди, – писал Кривенко, – идущие от частного к общему, нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному». Наоборот, разъединение практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, – «двойная трата сил»¹¹⁴.

Иными словами, как деятельность по подготовке сил и средств к радикальному переустройству экономического и политического строя России, «культурная работа» Кривенко носила органический характер. В общем виде она включала два уровня: общекультурные мероприятия, охватывающие экономическую, правовую и духовную жизнь народа и направленные на поднятие общей сознательности населения и увеличение его благосостояния (она была рассчитана на людей «обычной меры»); и высшую ступень для деятелей «уже проникнутых стремлением к духовному просветлению и обновлению» и

^a В действительности социалистический идеал воспринимался народниками достаточно абстрактно, как некий вневременный абсолюте, выводимый ими из идеализированных представлений о «справедливости», «правде», «добре», а не из объективных тенденций модернизирующегося российского общества¹¹².

связанную с проведением в жизнь отдельных начал будущего строя (физический труд, экономическая солидарность, сочувствие к общему благу, общественное самоуправление и т.д.). Со временем успехи, достигнутые на уровне отдельных сельскохозяйственных и промышленных артелей и земледельческих общин (где в основном была сосредоточена деятельность «новой» творческой интеллигенции), послужили бы примером для остального населения страны¹¹⁵.

В современной литературе появляются исследования, авторы которых не без оснований доказывают, что только с обращением к «малым делам» и «культурничеству» значительная часть интеллигенции превратилась в живую силу общественного строительства. «Трудно поверить, – пишет, например, М. Колеров, – что лишь желание исподволь подготовить социальный переворот держало врачей, учителей, статистиков в нищих деревнях»¹¹⁶. Однако именно это желание одухотворяло одного из главных идеологов культурнического народничества 1890-х годов – Кривенко. При всех своих заявлениях о праве народа на жизнь по собственной воле он, как и большинство социалистов, вменял себе в обязанность создать специальные условия, при которых русский народ смог бы сделать «правильный» выбор.

Одним из первых об этом изъяне народнической идеологии писал Л. Тихомиров. Обращаясь к упомянутому спору «лучшей части» русской интеллигенции о путях преобразования России, основную ее ошибку он увидел не в выборе способа действия – «сверху» или «снизу», а в самом стремлении пересоздать нацию по своему (якобы общечеловеческому, а в действительности узкоклассовому) типу. «Такая задача есть по существу абсурд». Желание навязать народу свое понимание жизни несло бы гибель России, но «к счастью, – замечает бывший народоволец, – это предприятие невозможно, а потому в истории нашей является другое зло – значительно меньшее: бесплодная гибель известной доли образованных сил в ложных и вредных для страны попытках»¹¹⁷.

Тем не менее, из всех течений русского радикализма нам наиболее симпатично то, что было представлено Кривенко. Так уж сложилась история России, что борьба интеллигенции за лучший строй общественных отношений носила печать объективной необходимости. Другой вопрос, в какие формы (мирные или насильственные) она выливалась. С этой точки зрения утопическая идея предварительной подготовки масс к сознательному восприятию социалистического идеала выглядит более цивилизованной и гуманной, чем

реальная возможность насаждения этого идеала, опираясь на силу и мощь революционного государства.

Повторяем – дело здесь не в личной проницательности Кривенко. Его позиция учитывала умственное состояние, настроение всего образованного русского общества, основную массу которого составляли отнюдь не радикалы, верные революционным традициям прошлого, а интеллигенция, предпочитающая политике занятия своими непосредственными профессиональными обязанностями. Понимая, что без ее активной поддержки дело социального преобразования России грозило либо заглухнуть, либо перерасти в братоубийственную классовую борьбу, Кривенко стремился разработать такую программу действий, которая удовлетворила бы все народолюбивые силы страны. И надо признать, что, судя по отзывам русских марксистов, по тем письмам, что публицист получал с мест, его практические установки находили немало последователей среди общественных деятелей провинции¹¹⁸.

Остается выяснить, как повлияли культурнические идеи Кривенко на его положение в народническом лагере после того, как он покинул журнал «Русское богатство».

§ 4. С. Н. Кривенко во главе «Нового слова» и «Сына отечества»

Переговоры между правоверными народниками «Русского богатства» о необходимости покупки нового журнала начались осенью 1894 г., когда их разрыв с политическими радикалами, группировавшимися вокруг Н. К. Михайловского и А. И. Иванчина-Писарева, стал вопросом времени¹¹⁹. Добившись поддержки О. Н. Поповой, располагавшей крупными денежными средствами, в начале 1895 г. С. Н. Кривенко и его единомышленники выходят из «Русского богатства». В мае эта богатая дама приобретает для них «Новое слово»^a, а 30 августа состоялось первое редакционное совещание.

Как и в былые времена, главным руководителем и идейным вдохновителем нового народнического журнала становится Кривенко, хотя номинально должность редактора будут занимать совсем другие

^a Журнал «Новое слово» выпускался с 1894 г. И. А. Баталиным и был продан им за 8 тыс. руб. О. Н. Поповой как бесцветное и убыточное издание.

люди^a. Изначально Кривенко стремился превратить «Новое слово» в орган целого коллектива, члены которого едины в общих устремлениях, несмотря на «оттенки в мыслях». Единодушные сотрудники вместе с определенностью их мирозерцания и «чуткостью к жизни» являлось, по его мнению, одним из важнейших условий успеха нового журнала¹²¹. Но, очевидно, не все шло так, как он планировал.

Только в октябре «Новое слово» заявило о переходе журнала в руки народнической редакции, подчеркнув новый характер издания сменой принятой ранее нумерации. Октябрьская книга стала № 1, а подписной год завершался в сентябре 1896 г. Сотрудниками нового издания объявлялись публицисты Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон, критики А. М. Скабичевский и Л. Е. Оболенский, беллетристы Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. А. Мачтет, К. М. Станюкович и А. П. Чехов^b. Но, как писал по поводу обновленного «Нового слова» анонимный обозреватель «Книжек “Недели”», первый номер еще не обещал журналу блестящей будущности, так как представлял собой «довольно безликий свод посредственных статей посредственных писателей»¹²³. Заметим, что первое внутреннее обозрение Кривенко, отражающее дух и общее направление «Нового слова», появилось лишь в ноябре 1895 г.^c Это еще один факт, свидетельствующий о начале внутриредакционных разногласий.

Программа журнала, вопреки его названию, состояла в пропаганде прежних народнических воззрений и лозунгов, считавшихся другими органами печати устаревшими. Основное место занимало в ней напоминание обществу о его «долге» перед народом. С точки зрения Кривенко, понятие о нем оказалось утраченным вследствие «духовной конверсии» интеллигенции, отныне стремящейся «к самодовлеющим интересам собственного культурного существования». Рази-

^a До октября 1895 г. «за редактора» подписывался А. А. Слепцов. Затем его сменил муж издательницы «Нового слова» А. Н. Попов¹²⁰.

^b С Чеховым, однако, поспешили. В письме к С. Н. Кривенко Антон Павлович ответил на его приглашение учтивым отказом. Видимо, он не хотел связываться с молодым изданием, которое могло быстро прогореть¹²².

^c Для «Нового слова» С. Н. Кривенко написал 9 обозрений «По поводу внутренних вопросов», названных так в память об «Отечественных записках»; одну большую статью «Артель-община из переселенцев» (1896. № 5–6). Кроме того, с весны 1895 г. он вел рубрику «Обо всем», поместив в ней несколько собственных фельетонов. В целом литературная деятельность Кривенко в «Новом слове» была менее плодотворной, чем в «Русском богатстве», главным образом из-за большей загруженности редакторской работой.

тельный пример – безмолвие общества по вопросу об отмене телесных наказаний для крестьян (активно отстаиваемых известным «народолюбом» В. П. Мещерским) и прочих творящихся на этой почве «возмутительных надругательств» над человеческой личностью. Было бы ошибкой думать, что вся вина за эти напасти возлагалась Кривенко на одно общества. Но разве то, что оно порицало их втихомолку, до тех пор, пока они не нарушали его «филистерского» благополучия, не создавало саму возможность появления подобных фактов?¹²⁴

В скором времени на статьи публициста в «Новом слове» откликнулся журнал «Русская мысль». Приводя жалобы «С. К.» на игнорирование интеллигенцией своих обязанностей перед «младшим братом», его критик замечает, что эти утверждения «или прямо неверны, или ломаются в открытые двери». По мнению самого автора, «культурное общество..., когда ему делается возможным вздохнуть хоть крошечку посвободнее и не трепетать за собственное существование, всегда становится на т.з. общенародных интересов». Народники же, чьи теоретические положения «разбиты вдребезги самой жизнью», намеренно или ненамеренно избегают постановки общественных вопросов на «единственную правильную почву – на почву обсуждения внешних условий деятельности». «А ведь в этом все и дело, в вопросе о возможной роли интеллигенции и культурного общества вообще в будущей эволюции России, – в вопросе, разделяющем... народников от не народников»¹²⁵.

Отвечая на выговор «Русской мысли» за необоснованную критику общества и непонимание значения внешних условий общественной деятельности, Кривенко недоуменно восклицает: «Почтенный московский журнал такого дурного мнения обо мне, что, по-видимому, полагает, что такая точка зрения мною “намеренно” игнорируется или даже совсем недоступна... Я был бы очень благодарен за это указание..., но смею думать, что молодое поколение, пишущее в “Русской мысли” и недовольное моим брюзжанием, никаких новых для меня горизонтов не открывает и ничего нового не говорит». «Я столько писал в защиту интеллигенции..., что уж обвинять меня в недоброжелательстве к ней никак нельзя; но это несколько мне не мешает говорить, что я недоволен теперешним настроением нашего общества и печатью, и чем больше буду любить их..., тем больше буду говорить об их недостатках... по примеру Гоголя, Салтыкова, Добролюбова, Демерта, Елисеева, Толстого и др. лучших наших писателей – напоминать пословицу: коли сам плох, так не даст Бог, будить сонных,

подбадривать усталых, стыдить, кто этого заслуживает..., апеллируя всегда не к губернаторам, а к тому же обществу и печати, указывая на их разобщенность и уклонение от народных интересов...»¹²⁶.

Иначе говоря, для успешной деятельности интеллигенция прежде всего должна была преодолеть внутренние идейные разногласия, связанные с изменением «взгляда на мужика», как на главную движущую силу культурно-исторического прогресса.

На страницах «Нового слова» Кривенко, как обозреватель внутренней жизни России, естественно, сообщал читателям о ее наиболее важных текущих событиях. Например, в № 11 за август 1896 г. к ним были отнесены: окончание следствия по делу о ходынской катастрофе; майские и июньские забастовки в окрестностях С.-Петербурга, которым «злонамеренные личности» попытались придать «преступных политический характер» (передача текста правительственного сообщения); положение рабочих в провинции. Хотя по признанию Кривенко, рабочий вопрос в России «не имеет еще... такого значения, как на Западе, но это, несомненно, один из очередных и очень важных вопросов, к которому нельзя относиться невнимательно, с одной лишь дисциплинарной точки зрения». Особенно подробно публицист останавливался на законе об облегчении выкупных платежей (от 13 мая 1896 г.), оценивая его как меру необходимую, но не общую. Закон распространялся на беднейшие слои крестьянства, что ставило его проведение в зависимость от усмотрения местного начальства. Не было обойдено вниманием и продление еще на год срока действия усиленной охраны ряда губерний и городов Российской империи¹²⁷.

В сентябрьском номере журнала Кривенко поместил ответ на письмо в редакцию «По вопросу об экономическом материализме». Здесь он возвращается к старому спору народников с русскими марксистами о развитии в стране капиталистического процесса. Среди доводов, выдвинутых публицистом против своих оппонентов, отметим следующее. Согласно трактовке Кривенко, «нео-марксисты», выделяя в качестве основы жизни экономические условия, а все остальные, считая надстройкой, забывают о человеческой личности и обо всех неэкономических факторах, так тесно связанных с капитализмом. Подобное понимание исторического процесса обезличивало интеллигенцию и народную массу, низводя их «до степени шашек, которыми играли г-н капитал и г-жа индустрия и прочие не подлежащие воздействию экономические факторы». В конечном счете, это учение делало живого человека заложником экономической схемы, по кото-

рой ему надлежало «быть строительным материалом, заполнить скорее исторический ров и образовать собою гать, по которой перейдут будущие, не существующие еще поколения в лучшую жизнь»¹²⁸.

«Мы, – обобщает свою позицию публицист, – никак не можем разделять веры в целесообразность и целесообразный исход капиталистического процесса, т.е. что все делается само собою, по хорошему и по-желанному. Подобная вера не материального, а спиритуалистического... происхождения. Человеческая мысль должна неотступно следить за экономическими отношениями и стараться регулировать и направлять их в сторону справедливости, должна заглядывать и в будущее, чтобы вступать в него сознательно, а не с тупостью и покорностью какого-то безжизненного инвентаря. И в этом еще одна причина, почему мы сочувствуем всякому экономическому опыту, всякой сознательной попытке к разрешению экономических вопросов и лучшему устройству человеческих отношений»^{a130}.

На этом Кривенко посчитал предмет своих давних споров с русскими учениками К. Маркса исчерпанным. Но тут же, развивая тезис об обезличивании человека, как отличительной черте всей русской литературы и философии последнего времени, предоставил лишний повод к новым наладкам на народников.

В этот раз против журнала ополчилась «Неделя». В ее ноябрьской книжке за 1896 год появляется гневная статья Н. А. Энгельгардта «Лженародничество». Обращаясь к «Новому слову», автор вначале напоминает его недавнюю историю. Когда журнал перешел к новой редакции, все знали, что он будет органом «консервативного либерализма» в смысле строгого сохранения традиций и заветов 1860-х годов и в то же время органом народническим, который напомнит интеллигенции о задачах ее работы в деревне. Первые тома журнала «удивили всех неопределенностью, пухлостью, расплывчатостью. Но уже скоро под шаблонным либеральным жаргоном стала сказываться какая-то либеральная закваска. Пока, наконец, в сентябрьской и октябрьской книжках не спала маска»¹³¹.

В отношении Кривенко речь шла о его статьях «По поводу внутренних вопросов», где «Неделя» обвинялась в реверансах реакционным идеям; в сведении с пьедестала «ложных героев» 1860–1870-х гг. (Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Салтыков, Михайловский,

^a Интересно, что хотя С. Н. Кривенко и считается субъективистом, он признавал абсурдной саму мысль о возможности главенствования в истории какого-либо одного (экономического или политического) фактора¹²⁹.

Шелгунов и др.), которые как «тараканы» выбрасывались в «помойное ведро»; в том, что «философский камень», отысканный «Неделей» (начинать все с другого конца: с преобразования самого человека, его миропонимания, ощущений, изменения недружелюбных отношений к злу и насилию на любовь и т.д.), не нов. «С этого конца уже не раз люди начинали и не получали искомым результатов»¹³².

Н. А. Энгельгардт назвал статьи Кривенко нелепой и вздорной инсинуацией. «"Неделя", – пишет он, – никогда и никуда критиков 60–70-х гг. не кидала. Но г. С. К. очевидно не может взять в толк, что между сегодняшним днем и 60-ми годами лежит промежуток более чем в четверть века. Корифеи критики 60-х годов для нас уже история. Сочинения их – памятники литературные. А в силу этого мы никак не можем считать их руководителями современности». В свою очередь «Неделя» объявила «ненавистное» отношение журнала «Новое слово» к духовно-философскому движению последних лет (Волынский, Нотович, Меньшиков, Челпанов и др.) и навязывание «литературного старовечества» застою мысли, «ретроградством» и «мракобесием»¹³³.

В ответ Кривенко написал статью «Лжелитература». Поскольку эта полемика приняла характер словесной перепалки, изобилующей грубыми выражениями, нет смысла останавливаться на ней подробно. Отметим только, что оправдываясь перед упреком в непонимании значения оживления философской мысли в России, Кривенко попытался доказать, что пока видит перед собой одну «философскую абракадабру» и не согласен с тем, что Толстой, Вл. Соловьев и Достоевский «заткнули европейскую философию за пояс»¹³⁴.

Теперь рассмотрим, как складывались отношения внутри «Нового слова». По воспоминаниям одного из постоянных сотрудников журнала В. А. Поссе, его редакционные совещания «производили... впечатление чего-то унылого..., казалось, что здесь хоронят умершую идею народничества с его верой в особые пути русского народа, пути, ведущие к социализму, минуя капитализм, с его верой в русскую общину и русскую артель, как ячейки социалистического строя. Поругивали марксистов, но поругивали вяло. Оживленнее поругивали друг друга»¹³⁶.

^a Молодой сотрудник журнала И. А. Бунин пишет брату в конце ноября 1896 г.: «в "Новом слове" по пятницам скука. Тимирязев совершенно кретин, отвратительная личность, портит вечера, Попов, кажется, тоже г... и за что-то обозлен на милого Сергея Николаевича Кривенко... Бывают еще Скабичевский, Поссе,

Особенно доставалось Кривенко. Поссе описывает, как «не в меру плодовитые» сотрудники вроде Оболенского и Воронцова постоянно «наседали» на него, требуя помещать в журнале массу обязательного с их точки зрения материала. Кривенко же, как «человек десятка не храброго», находился у них на поводу, так что даже Н. И. Скороходов – владелец типографии, где печаталось «Новое слово» (а когда-то и «Отечественные записки»), заходя в редакцию, зловеще говорил ему: «Смотрите, как бы ваше детище не умерло от водянки. Берите качеством, а не количеством»¹³⁷.

С конца августа 1896 г. начинает назревать конфликт между Поповыми и редакцией. А. Н. Попов не одобрял слишком дорогих литературных затей своей жены. «Новое слово» уже «съело» более 40000 руб., а аппетит его все возрастал¹³⁸. После долгих колебаний с объявлением подписки на следующий 1896/97 год они, в конце концов, решаются избавиться от убыточного издания.

17 января 1897 г. Попова заявляет Кривенко об отказе от своих издательских прав и готовности передать ему журнал в собственность без возмещения вложенных в него средств. Однако Кривенко дарственную не принимает. Обещает достать деньги и выплатить Поповой произведенные затраты, а заодно найти нового официального редактора. Время расчета по его просьбе откладывается со дня на день, пока 12 февраля не наступает развязка. При посредничестве Поссе Попова за солидную сумму в 48 тыс. руб. продает журнал марксистам¹³⁹. Фактическое руководство изданием временно перешло к тому же Поссе, давно сочувствовавшему марксистам.

Узнав о случившемся, ближайшие сотрудники «Нового слова» собрались в редакции на совещание. Редакционный сторож рассказывал впоследствии, что собрание было очень бурное. «Бедного Сергея Николаевича... совсем заклевали»¹⁴⁰. По общему согласию 13 февраля в «Новом времени» появилось «письмо в редакцию» о коллективном выходе сотрудников из состава «Нового слова».

В конце апреля Абрамов и Скабичевский обращаются с жалобой на Попову в Суд чести «Союза русских писателей», обвинив ее в передаче «Нового слова» лицам другого идейного направления. Суд признал образ действий бывшей издательницы нарушающим «добрые литературные нравы»¹⁴¹. Что касается Кривенко, то некоторые подробности, вскрывшиеся на суде и в ходе возникшей вокруг него

Воронцов, [Гарин]-Михайловский... Пьем вино, чай, едим бутерброды, разговоры обыкновенные... анекдоты...»¹³⁵.

полемики, позволяют объяснить роль публициста в этой на шумевшей тогда истории.

Скорее всего, в основе описанного выше конфликта лежали не принципиальные идейные разногласия (будто бы Кривенко старался превратить «Новое слово» в орган ортодоксального народничества, а Поповы противились этому, считая, что народничество себя изжило и не представляет больше революционной силы¹⁴²). В одном из писем Л. Оболенского читаем: «Попова – вопреки тому, что она говорит, а иногда и делает, стоит на почве капитализма». Из контекста письма видно, что имеется в виду «капиталистическая тенденция», принятая Поповой относительно ведения журнала¹⁴³. Вложив в него свои деньги, она отстаивала право чувствовать себя здесь хозяйкой. Тем более, текущие дела «Нового слова» шли, по ее разумению, из рук вон плохо и конца убыткам из-за «неразборчивости» некоторых сотрудников видно не было¹⁴⁴.

В действительности положение было не так уж плохо. Через 1,5 года журнал имел 3 тысячи подписчиков и по самым скромным прогнозам еще через год-два мог обойтись без дополнительных финансовых вливаний. Успех предприятию создали, прежде всего, сами сотрудники, работая в нем дешевле, чем в других изданиях, так как относились к «Новому слову» как к своему детищу. Вложив неоплаченный труд, они фактически являлись такими же собственниками журнала, как и Попова. Отказ Кривенко принять его на себя даже на самых льготных условиях как раз и вытекал из нежелания становиться владельцем ценности, созданной общими расходами и трудами нескольких лиц. Конечно, фиктивного издателя можно было найти и на стороне. Кривенко поначалу так и действовал, самолично собрав для откупа 45 тыс. руб. Только все предложенные им кандидатуры Попова отвергала как материально несостоятельные, требуя, чтобы издательство принял лично Кривенко. И это без малейших гарантий, что все не рухнет с первой же новой книжки за неутверждением официального редактора (А. Попов от этой должности отказался, вернувшись к ней сразу после продажи журнала марксистам). Таким образом, предлагая «Новое слово» Кривенко, Поповы обставили передачу издания такими ультимативными условиями, которые делали отказ от него практически неизбежным¹⁴⁵.

С марта 1897 г. бывшие сотрудники «Нового слова» обосновались в газете «Сын отечества». Предложение стать ее неофициальным редактором Кривенко получил после перехода газеты к новому вла-

дельцу – товариществу «Паллизен Мерк и К^о». Последнее было совершенно чуждо газетно-издательской сферы. Оно хотело вернуть деньги, которые задолжал ему прежний издатель С. Е. Добродеев. Поэтому Кривенко гарантировалась полная свобода во внутренних делах. Он мог дать газете желательное ему направление, пригласить необходимых сотрудников и т.п.¹⁴⁶ Главное неудобство представлял лишь тот факт, что «Сын отечества» являлся органом строго консервативного направления и имел давно установившийся круг читателей из провинциальных священников, чиновников, купцов и т.д.

Ввиду изменения направления газеты Кривенко предстояла трудная задача: постепенно изменить состав читателей, не отпугивая сразу прежних, чтобы не погубить ее в материальном отношении. Для этого пришлось удержать некоторых старых сотрудников, особенно излюбленных прежней публикой, энергично прилаживая их статьи к новым задачам газеты. Цель эта была достигнута уже к концу третьего года редакторской работы Кривенко, когда «Сын отечества» приобрел совершенно другой круг читателей и преобразовался в газету радикально-народнического направления, почти не уменьшив тиража¹⁴⁷.

За время своего сотрудничества в «Сыне отечества» Кривенко поместил в нем не менее 60 статей и фельетонов. Следуя традициям народнической публицистики, он по-прежнему стремился к показу самых неприглядных сторон русской жизни, пытаясь убедить общество в том, что развитие его самостоятельности есть одно из важнейших условий кардинальных изменений существующих порядков. Наиболее полное изложение своих взглядов на эту проблему Кривенко дал в статье «К характеристике нашего времени»¹⁴⁸.

Еще 35–40 лет назад, пишет народнический публицист, в жизни и литературе вопросы общие преобладали над частными и личными и общественные деятели стремились высоко держать знамя общественного служения. «Теперь положение значительно изменилось». Печать перестала касаться «коренных» вопросов, рассматривая лишь отдельные явления и мероприятия. В обществе возобладала толка о своих делах: отсрочках платежей в банке, курсе бумаг, местах и окладах. Земское и городское самоуправление, как главный центр общественной жизни, постепенно недосчитывалось гласных в заседаниях. Везде действовали «случайные» люди, а «наиболее живые» либо совсем удалились от дел, либо занялись в одиночку каким-нибудь маленьким душевспасительным делом: устройством ночлежных и рабочих домов, приютов, яслей, пожарных дружин, воскресных чте-

ний и т.п. «Конечно, – замечает Кривенко, – подобно тому, как маленькая рыбка лучше большого таракана, так и маленькое дело лучше большого безделья и пустословия, но все-таки, оно остается маленьким и пользу приносит ограниченную». Чтобы произвести большую работу, таких культурных работников должно быть очень много и они должны «одинаково функционировать», т.е. действовать в одном направлении. За последние годы число таких людей возросло, но еще сравнительно невелико и деятельность их по-прежнему крайне разбросана. У нас, сетует публицист, нет ни одного города, где интеллигенция не перессорилась бы до кулаков и палок. Причем, если были возможны разногласия и споры даже по вопросам о телесных наказаниях для низших сословий, о необходимости законности в жизни, о битье учеников в школах и т.п., то чего же можно было ожидать по вопросам менее ясным.

«Словом, – заключает Кривенко, – и разномыслие полное, и люди, берущиеся соединить такие элементы в нечто целое, сплошь и рядом трудятся над столь же трудной задачей, как витье из песка веревок». Обуславливалось это отсутствием «правильной» и свободной общественной жизни, но еще в большей степени недостатком широкой общей цели, которая могла бы духовно объединить людей. Здесь, по мнению публициста, ярко сказалась «слабость нашей культуры», что проявилось в неспособности общества в главной своей массе отделиться от личных интересов.

Каков же итоговый вывод Кривенко? Увы, он был лишен оригинальности: «на передовой интеллигенции лежит прямая обязанность употреблять все силы, чтобы изменить это, хотя бы ради одного только поднятия достоинства самого общества».

На исходе XIX столетия подобные призывы уже не находили такого же понимания и сочувствия, как в прежние годы. Точнее, как утверждали консервативные «Московские ведомости», «необходимость служения на благо народа признается всеми, кто служит Царю и Отечеству». Но «господа народники» говорили о совершенно особом «долге народу», который особенно был признаваем в 1860-е годы. Этот долг состоял в пропаганде атеистических и антиправительственных доктрин. «Слава Богу, – восклицает автор, – что эти идеи утратили теперь свое прежде чарующее влияние...»¹⁴⁹.

Об отношении народников к идеям 1860-х годов писал и Михайловский. В его представлении, народники, ограничив народолюбие деревней и крестьянством, фактически отказались от духовного на-

следства своих духовных отцов, отстаивавших интересы всех трудящихся классов России. Начало отказу от наследства и провозглашению «нового слова», по мнению Михайловского, еще в 1870-е году положили Юзов, Гайдебуров и Червинский, заявившие о том, что интеллигенции необходимо «слиться» с народными массами. Затем последовал новый отказ под предводительством Абрамова и Дистерло, во имя «светлых явлений», «малых дел», уважения к действительности и «пантеистического мировоззрения». В том же ключе оценивалась и деятельность современных представителей народничества в «Сыне отечества»¹⁵⁰.

Михайловскому вторила «Русская мысль». Главной ошибкой народников журнал считал отрицание возможности развития в России капитализма. «В связи с этой ошибкой, – указывал его анонимный внутренний обозреватель по поводу статьи Кривенко “На юбилей Н. Н. Златовратского”, – находятся и другие: для народа необходимо только сохранение его устоев, никаких “надстроек” над ними, по европейскому образцу, не нужно – они послужили бы только на пользу буржуазии. Предполагалось, что народ “отсидится” от капитализма в общинах и артелях. Суровая действительность доказала, что в народничестве недоставало политического такта. Оно повинно и в том, что несправедливо относилось к интеллигенции, утверждая, что она должна учиться у народа». Суд истории еще не наступил для народничества, но, по словам автора, эти заблуждения имели неблагоприятные последствия для нашего общественного развития, которому кроме национальных особенностей, необходимы и общеевропейские основы культуры и общественной жизни¹⁵¹.

Одним из самых активных критиков легального народничества второй половины 1890-х гг. выступил А. И. Богданович («А. Б.»). В течение 1893 г. он вел в «Русском богатстве» хронику внутренней жизни, но затем перешел на марксистские позиции. В своих статьях в «Мире божьем» Богданович постоянно изобличал народников в идеализации деревни. Верное изображение действительности давали, с его точки зрения, А. П. Чехов («Мужики») и В. Г. Короленко («В голодный год»), свидетельствовавшие об отсутствии «гармонии интересов в среде крестьянского мира» и невозможности процветания деревни под покровом общины. «Игнорирование фактов, – пишет Богданович, – завело народническую публицистику в непролазные дебри самобытного духа, привело к отказу от завоеваний цивилизованного Запада в области общественной жизни, во имя сохранения

устоев... и создало, в конце концов, тот ложный круг, из которого не может выбиться народническая мысль»¹⁵².

В качестве примера Богданович приводит статью Кривенко «Бюро литературно-похоронных процессий» с сетованиями автора на то, что его хотят «съесть заживо»¹⁵³. «Такое обращение чувству читателя, – пишет “А. Б.”, – нас сильно трогает, ибо и мы не лишены сострадания к народникам, как ни противен нам самый дух народничества. Но справедливы ли эти жалобы? Мы разве их хороним? Нет: они сами себя похоронили, отгородившись от жизни, замкнувшись в мертвую теорию, которую жизнь опровергла во всех пунктах. Мы не можем припомнить ни одного нового таланта, ни в одной области народнической литературы. Подвизаются все старики и постепенно никнут один за другим... Молодое поколение инстинктивно их обходит (“остатки народничества”. – Г. М.), чувствуя, что живой источник иссяк здесь»¹⁵⁴.

К высказываниям Богдановича можно было бы добавить некоторые статьи из «Северного вестника» – еще одного «могильщика» народнического направления. Но и без того очевидно, что суть затронутой полемики сводилась не к абстрактным рассуждениям о том, нужны ли России завоевания цивилизованного Запада, а к конкретному вопросу о судьбе крестьянской общины. Обречена ли она на разложение как выродившийся до неузнаваемости пережиток старины, или же ее можно и впредь рассматривать как живой источник социального прогресса? Защищая общину, Кривенко по-прежнему оставлял вопрос о ней открытым, так как он «не решен и не исследован хорошо»¹⁵⁵.

В «Сыне отечества» Кривенко в последний раз попытался собрать воедино все имеющиеся в наличии народнические силы. Но закон исторической дифференциации действовал неотвратимо, углубляя разногласия между вчерашними соратниками. Удержать их вместе не мог даже принцип посильного служения практическим нуждам народа, составляющий одну из основ идейной позиции газеты.

Особенно резко обозначились разногласия между Абрамовым, заведующим внутренним отделом «Сына отечества», и Станюковичем, приглашенным Кривенко на пост редактора с «княжеским» правом делать все, что он посчитает необходимым. Газета нуждалась в известных писателях, но «Морской волк» Станюкович никак не хотел согласиться с проводимой сторонниками Абрамова узконароднической точкой зрения. «Читаю корректуры, возмущаюсь многими сотрудниками», – сообщает он жене в августе 1897 г., буквально через

неделю после начала работы в этом издании. «Очень мне, признаюсь, нудно в редакции “С[ына] О[течества]”... Вижу Кривенко, Кривенко, Кривенко...»¹⁵⁶.

В результате весной 1898 г. Абрамов со скандалом выходит из редакции. Как человек прямой, он не постеснялся сказать Станюковичу все, что о нем думает. Одновременно происходит разрыв и с Кривенко. В письме к нему Абрамов говорит, что «было время, когда я почти молился на Вас». Кривенко казался ему «не похожим на других, способных делать одни гадости». Теперь и он обвинялся в неискренности, тайном покровительстве тем, кто в течение последних трех месяцев систематически выживал Абрамова из газеты. «Вы, – обращался он к Кривенко, – решительно ничего не понимаете в газетном деле и совершенно не подготовлены к роли, которую взяли на себя». Такое руководство только «губит и неизбежно погубит» все дело^{a158}. А через год ушел и Станюкович, также мечтавший о «чистоплотной и живой газете», но обретший «клоаку». Так он величал редакцию «Сына отечества».

1 августа 1899 г. Цензурный комитет сделал газете второе предостережение за публикацию заметки «Беспорядки в Сормове». По Временным правилам о печати оно было предпоследним перед закрытием издания. Кривенко просил министра внутренних дел И. Л. Горемыкина не разорять владельцев «Сына отечества» и снять с него этот «дамоклов меч», ссылаясь на то, что «злополучная» статейка была перепечатана из подцензурного «Нижегородского листка»¹⁵⁹.

Однако газету погубило не ее «вредное направление», а неожиданный финансовый крах издательской фирмы. «Ничего хорошего после общего собрания (24-го) ждать нельзя, – сообщает Кривенко С. Е. Усовой, очевидно, в первой половине мая 1900 г. – Ясно одно, что они (хозяева “Сына отечества”. – Г. М.) постараются, так или иначе, сбить газету. Все точно укладываются к переезду. В редакции упадок духа и полная деморализация, что просто тоска, а вместе с тем и злость берет. Все ходят повеся нос, подыскивают себе места, куда перебраться, к делу относятся еще небрежнее, чем прежде: приходят поздно, уходят рано. Вчера, например, я один остался ночью, несмотря на то, что накануне спал только 1 ч. 10 м. Отбыли повинность, составили № и ушли, а тут вдруг в 3 часа оказалось не хватает материала на целых 4 ¹/₂ столбца и ничего прочитанного нет.

^a По другой версии С. Н. Кривенко разошелся с Я. В. Абрамовым из-за нежелания последнего осветить «малые дела» общим великим идеалом¹⁵⁷.

Можешь представить, какую я горячку порол: и корректуру правь и ищи, что поставить, и полосы просматривать. Слава Богу, выкрутился, не опоздал, но зато и ныне спал не дольше 3–3,5 часов... Чтобы написать вчерашний фельетон, нужно было в одну ночь целых шесть книг разных журналов пересмотреть да газет изрядную пачку. Ничего, – просмотрел и написал»¹⁶⁰.

25 мая 1900 г. редакция «Сына отечества» известила своих читателей о прекращении выхода газеты. Вскоре она была продана с аукциона вместе с остальным имуществом обанкротившегося предприятия. Товарищи предлагали Кривенко составить новое общество для перекупки и самостоятельного издания неплохо зарекомендовавшей себя газеты. Но после трех непрерывных неудач у него уже не осталось ни средств, ни сил, ни даже желания.

§ 5. Последние годы жизни С. Н. Кривенко (1900-1906)

В начале 900-х гг. С. Н. Кривенко узнал о развитии у себя опаснейшей болезни – порока сердца. Сказалось пребывание писателя в тюрьме и сибирской ссылке, неправильный образ жизни, который он вел десятилетиями. По свидетельству современников, Кривенко «никогда не мог защититься от посетителей и работу свою переносил на ночь, конечно, не без вреда для здоровья»¹⁶¹. На протяжении всей литературной деятельности верными его спутниками были нужда и умственное переутомление. История с «Сыном отечества» так потрепала ему нервы и душу, что он впервые открыто признался, что устал и хочет покоя¹⁶². Это не означало, что Кривенко «ставил крест» на журналистике и своей прежней мечте о независимом литературном органе. И все же в последующие годы его появление в печати носило случайный характер.

После ухода из газеты Кривенко меняет постоянное место жительства, переселившись из шумной столицы в более спокойное и размеренное Царское село. Каждое лето, как и прежде, проводил на Кавказе, в Туапсе, где у него был небольшой участок земли и собственный дом. Иногда он гостил там по целому году.

Освободившись от обременительных редакторских обязанностей, Кривенко решил посвятить себя осуществлению давних творческих планов. В 1900 г. он публикует свои воспоминания о Г. З. Елисееве¹⁶³.

Это была дань уважения человеку, которого он знал в течение 17 лет и который много сделал лично для Кривенко. Именно Елисеев способствовал развитию у своего молодого единомышленника умения превосходно ориентироваться в вопросах будничной общественной жизни. Кроме того, с именем Елисеева Кривенко связывал введение в литературу «мужика» и народнического направления.

В перспективе у мемуариста – Н. А. Некрасов и целая группа разночинцев (братья Курочкины, Н. А. Демерт, издатель Ф. Ф. Павленков). Ему есть что рассказать. Незадолго до смерти Некрасов пригласил к себе Михайловского и Кривенко с просьбой записать воспоминания о своей молодости, как он ужасно нуждался в первые годы по приезду в Петербург, о знакомстве с Тургеневым и Белинским и начале серьезной литературной деятельности¹⁶⁴. За статью о великом русском поэте («Опыт характеристики Некрасова по личным впечатлениям и его произведениям») Кривенко уже принимался в 1894 г., но закончить ее не сумел.

Задумано было много. В апреле 1901 г. в письме к В. А. Гольцеву писатель перечисляет около десятка работ, предназначенных им для редакции «Русской мысли». Это «Капитализация нашей литературы», «Новые комментаторы учения об антихристе (Вл. Соловьев и Мережковский)», «Роль семьи и общества в школьном деле», «О гипнозическом влиянии школы и игнорируемых способностях человека» и др.¹⁶⁵ По-прежнему мечтает о большом экономическом исследовании по колонизации Черноморского побережья Кавказа с подробным указанием ошибок и просчетов, допущенных в ней царской администрацией. Для пополнения сведений во второй половине 1901 г. Кривенко совершает туда продолжительную поездку по маршруту Екатеринодар – Новороссийск – Батум – Тифлис, с конечной остановкой в Туапсинском округе¹⁶⁶.

В том же году публицист подготовил 2-е издание своей книги «На распутье». На этот раз она вызвала еще более резкие отклики его идейных противников. Характерную рецензию под названием «...запоздалый призыв в деревню» поместил в «Мире божьем» А. Богданович. Похвалив автора за умелый подбор фактов и правильную оценку деятельности культурных одиночек в деревне, он спрашивал своих читателей: «какой интерес и для кого может иметь эта книга, написанная почти десяток лет назад?» «Читая теперь эту историю, испытываешь своеобразное чувство печали, словно слушая рассказ о хороших покойниках, которые делали свое хорошее небольшое дело и ушли, ос-

тавив добрую память. Есть, правда, в конце и “полемические красоты”, ядовитые некогда стрелы по адресу “псевдо-марксистов”, но – уву! – все это кажется таким далеким и чуждым современности, что и яд весь выдохся, и стрелы заржавели». Некогда – «и г. Кривенко один из почтенных обломков этого “некогда”» – русская интеллигенция верила в то, что истинное призвание культурного человека в деревне. По мнению Богдановича, жизнь убедила ее в бесплодности самых энергичных попыток поднять культуру народа без соответствующего изменения «общего направления государственной и общественной работы». И, как пророчествовал рецензент, призывы «старого народника» последовать примеру подвижников на народной ниве вряд ли найдут широкий отклик в обществе¹⁶⁷.

Разумеется, это была спорная точка зрения, о чем свидетельствует набиравшая с конца XIX века силу просветительская деятельность в деревне земской интеллигенции¹⁶⁸. На отзыве Богдановича мы заострили внимание, дабы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на изменение общественных настроений и рост скепсиса по отношению к народническому направлению, Кривенко по-прежнему оставался его ревностным сторонником и пропагандистом. Это был в высшей степени идейный человек. Но народничество представляло для него не просто идейную доктрину. Кривенко видел в нем, прежде всего, живое дело, совокупность сложных и важных практических задач по улучшению крестьянского быта, решение которых подсказывала его бескорыстная любовь к народу и вера в неизбежное торжество человека труда. И за любовь и вера позволяли ему жить в твердом убеждении, что дело, которому он служил, самое нужное и праведное.

Народническая платформа Кривенко аккумулировала немало общих положений, с которыми трудно не согласиться. Вот что, например, писал он в 1902 г. по поводу обсуждавшегося в печати вопроса о расширении дворянских привилегий: «Классовая организация общества несет с собой не меньше грехов, чем сословная. Мы не принадлежим к числу ее сторонников». Общество должно идти вперед и на место сословных и классовых интересов ставить интересы и права человека. Только таким путем не только в России, но и в Европе может разрешиться трудный вопрос об обществе и личности с их бесконечными конфликтами и осложнениями¹⁶⁹.

С другой стороны, нельзя не признать что к началу XX века ортодоксальность общественной программы публициста (прежде всего требование укрепления крестьянской общины, основание на чисто

народническом понимании ее социальной природы) начинала мешать более трезвой оценке действительных потребностей экономического и политического развития России.

В конце 1904 г. Кривенко предпринимает попытку издания народнического сборника по крестьянскому вопросу. К тому времени аграрная политика правительства, способствующая сохранению в деревне пережитков феодально-крепостнических отношений, зашла в тупик. Созванное в 1902 г. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности выявило преобладание «на местах» противников общинного строя, видевших в нем главную причину земельной проблемы¹⁷⁰. В ответ царь манифестом от 26 февраля 1903 г. отменяет круговую поруку крестьянских обществ за своих членов. Свое отношение к ожидаемым переменам в деревенской жизни Кривенко выражал в предназначенной специально для упомянутого сборника статье «Крестьянский вопрос и канцелярское творчество». Поскольку переговоры с соратниками ни к чему не привели, весной 1905 г. он пересылает ее в Москву для публикации в журнале у В. Гольцева^a.

В данной статье февральский манифест оценивается довольно оптимистически. Кривенко выражал надежду, что дальнейший пересмотр «крестьянского дела» будет произведен в духе основных начал реформы 1861 г. и поселяне, наконец, получат полные гражданские права и возможность заботиться о себе самостоятельно^b. Предшествующие 40 лет характеризуются им как эпоха бюрократического произвола и коверканья крестьянской жизни, в чем, по мнению публициста, состояла первопричина земельного кризиса и «оскудения центра».

Особенно подробно Кривенко останавливается на судьбе общины. Местные комитеты, замечает он, рисуют общинные порядки в самых мрачных красках: «как варварское наследие крепостного права, мешающее культурному прогрессу, рассадник косности, лени, взаимного недоверия, а иногда и вражды». «Разумеется, – продолжает народник, – все это нуждается в проверке, но мы охотно допускаем, что в действительности, все так и есть, как говорят комитеты, и

^a Примерно в это же время были написаны статьи «Газетное дело и газетные люди» и «Министерская полемика». В печати они появились уже после смерти публициста. Первая в «Русской мысли» (1906. № 10), вторая в «Вестнике Европы» (1907. № 7).

^b До указа 5 октября 1906 г. об уравнивании крестьян в гражданских правах с другими сословиями С. Н. Кривенко не доживет всего три месяца. Не узнает он и о том, во что выльется эта свобода с началом столыпинской аграрной реформы.

нисколько этому не удивляемся. Тут может быть один только вопрос: насколько справедливо возлагать эти недостатки и смертные грехи на общину, а не на те условия, в каких она столько лет находилась и находится?»¹⁷¹. По данным Кривенко в начале XX в. средний душевой надел равнялся 1,1 дес. (против 3,5 в 1861 г.), а подати и платежи были столь обременительны, что оставалось только удивляться, как до сих пор не началось массовое бегство крестьян из деревни. В дальнейшем автор приходит к выводу, что одним уничтожением общины избавить народ от бесправия и бедности было невозможно. Для этого требовались другие средства – политические гарантии его гражданских прав и свобод; обобществление производства и национализация земли, к чему первым шагом могла стать традиционная крестьянская община¹⁷². Иначе говоря, из того, что пореформенную эпоху правительство поставило общину на службу «фискально-полицейским» целям не следовало делать вывод, что она только к тому и способна. Точно так же, как «из того, что полицейское государство все себе подчинило... преждевременно заключать, что... все так и должно быть»¹⁷³.

Революция 1905 г. застаёт Кривенко в Царском селе. Он встречает ее без особого воодушевления. Е. Д. Максимов сообщает публицисту 24 февраля: «В С.-Петербурге – кавардак, анархия (забастовка)», «ученики одной школы сожгли ее и ограбили учителей», другие «жгут помещичьи экономии». «Улица с хулиганами заполнила прессу»¹⁷⁴. Приятного мало. Но, как вдумчивый наблюдатель, Кривенко сумеет отличить воров и разбойников от рабочих и примкнувших к ним интеллигентов, требованиям которых он сочувствовал. По поводу событий 9 января писатель сделал набросок статьи под названием «Хулиганы и хулиганство», где со слов очевидцев доказывал, что разбои и разрушения на улицах столицы производили именно хулиганы, ничего общего с рабочими не имеющие. Обращаясь к путям прекращения беспорядков, Кривенко замечает, что борьба с ними – это борьба с социальными условиями жизни, при которых они возникают.

На улучшение жизненных условий потенциальных хулиганов и должна была направляться «умиротворяющая» деятельность правительства¹⁷⁵.

В РГАЛИ хранится автограф еще одной неопубликованной работы Кривенко «Нечто о русском разуме и национальном стыде», написанной по случаю печального исхода Цусимского сражения. Вот лишь некоторые цитаты, прекрасно передающие общее настроение «царскосельского затворника»:

– «За долгие годы бесправия и всяческих унижений мы в значительной степени утратили чувство стыда. Мы вспоминаем об этом чувстве тогда, когда нас... побьют, да и тогда приурочиваем это чувство преимущественно к тем местам, по которым принимаем удары...»;

– «У нас слишком уж много равнодушия и в этом гораздо больше национального стыда, чем в военных неудачах. Повторяю, равнодушные это есть прямой результат постоянного отталкивания, отчуждения общества от государственной жизни...»;

– «Разбирая причины наших военных неудач, мы дошли, наконец, до сознания, что кроме лучшего вооружения, у японцев есть просвещение, законность и свобода...».

По мысли автора, отсутствие этих же начал препятствовало и внутреннему развитию России. Однако продолжает он, «бюрократия будет настаивать, что все внутренние неурядицы происходят от японского подкупа и революционной пропаганды, будет все сваливать то на учащуюся молодежь, то на евреев, то на интеллигенцию вообще и будет вызывать к деятельности так называемые “патриотические элементы”, или попросту хулиганов, для содействия в усмирении студенчества и гимназистов». «И все это, – подытоживает публицист, – не причиняет нам никакого стыда»^{a176}.

Свой последний год жизни Кривенко провел на Кавказе. Уже совсем больным человеком, он покинул коренную Россию летом 1905 г., но душой оставался с ней до конца, внимательно следя за развитием революции и изменением политической ситуации в стране.

Вскоре ветер перемен достиг и Туапсе, сделав Кривенко одним из непосредственных участников развернувшихся там событий. С 25 августа по 5 сентября он председательствует на совещании представителей Туапсинского округа по введению земских учреждений в Закавказском крае. В ходе совещания Кривенко единогласно избирается делегатом на губернский съезд в Новороссийске и только болезнь (тогда его особенно мучили припадки аневризмы аорты) заставила отказаться от этой поездки¹⁷⁷.

После манифеста 17 октября обстановка в городе накаляется. Как и по всей стране, здесь образуются политические партии, проходят уличные митинги и шествия. Манифестанты требуют уничтожения коронного суда, смены городского управления, учреждения милиции

^a Кривенко, конечно же, сильно преувеличивал равнодушие и политическую аморфность русского общества, получившего трибуну Государственной думы (т.е. возможность говорить открыто) только в апреле 1906 г.

и т.д. Партий было много, по подсчетам Кривенко, более двадцати. Наибольшей популярностью пользовались богатые интеллигентскими силами кадеты, за ними социалисты-революционеры и социал-демократы. Писатель относился к ним индифферентно. Но дело не просто в несогласии с их программными установками. Он был выше принципа партийности, выступая за объединение всех прогрессивных партий на почве законности и служения народным интересам^а. Кроме того, Кривенко проповедовал «объединение народничества с современным легальным земством для практической разработки и законодательного проведения вопросов». «Они, – пишет он Максиму в начале февраля 1906 г., – об этом не думают..., потребуется масса жертв..., чтобы опять очутиться лицом к лицу с тем же вопросом»¹⁷⁹.

Общее представление об общественно-политической деятельности Кривенко в эти последние месяцы его жизни дают биографические очерки, составленные Максимовым по материалам не дошедшей до нас личной переписки писателя. Из них следует, что в то бурное время «С[ергей] Н[иколаевич] можно без преувеличения сказать, был душой горячо любимого им маленького местечка. Он принимал все меры для предотвращения готовившегося (еврейского. – Г. М.) погрома... По его настоянию был открыт запертый до того времени народный дом; после всесословного вечера, на котором говорили речи представители рабочих и интеллигенции, в нем, опять-таки по инициативе С[ергея] Н[иколаевича], организованы были ежевечерние лекции для рабочих, на которых объяснялось значение дарованных свобод; основан был “союз рабочих”, распределявший работы, сносившийся с подрядчиками, подбиравший артели и т.д. Не было вообще ни одного события, о котором члены местной интеллигенции не пришли бы посоветоваться с С[ергеем] Н[иколаевичем]. Когда же, с падением революционного настроения..., начались аресты, все жены арестованных шли к нему за советом и помощью, как к своему защитнику и покровителю. С пяти часов утра и до вечера люди буквально осаждали С[ергея] Н[иколаевича], совершенно лишая его покоя». И он искал им работу, давал одежду, защищал в суде, писал прошения и т.д. и т.п. «После открытия Первой Думы он начал редактировать и издавать телеграммы СПб. Тел[еграфного] Аг[ентства] (газеты в Туапсе не было), печатавшиеся на гектографе для местного

^а Известно, что С. Н. Кривенко отказался от материально выгодного предложения издателя и журналиста Н. Н. Перцова о сотрудничестве в газете «Слово», как только выяснилось, что дальше программы манифеста 17 октября она не пойдет¹⁷⁸.

общества. За несколько дней до смерти, по усиленному настоянию врачей, он должен был, наконец, бросить эту работу, которая была, конечно, последней каплей, приблизившей его смерть»¹⁸⁰.

Кривенко, можно сказать, погиб на боевом посту. Это случилось 5 июня 1906 г. «Накануне, – пишет сын Е. Д. Максимова Владислав, – сидя на своей террасе, он заговорил со мной о Некрасове, о его болезни и о его предсмертных воспоминаниях, так и не записанных им до конца. А между тем смерть уже стояла за спиной самого Сергея Николаевича. Когда утром следующего дня я подходил к его домику, меня поразили громкие женские рыдания. Оказалось, что ночью Кривенко скончался от паралича сердца, и жена и дочь его, до крайности потрясенные этой внезапной кончиной, в голос оплакивали его. А еще через день по улицам Туапсе, тогда еще убогого провинциального городишка, двигался скромный погребальный кортеж. За гробом шло всего несколько человек – ближайšie родственники и знакомые. Но как только шествие достигло строившегося в то время порта, несколько десятков портовых рабочих, бросив работу, присоединились к шествию».

«В моей памяти, – продолжает В. Максимов, – навсегда врезалась эта картина. Ослепительно яркое южное небо, вечнодвигающееся, вечно переливающееся перламутром южное море; погребальная колесница, медленно поднимающаяся в гору, на “Кадош”, где Сергей Николаевич, несмотря на преклонные годы, своими собственными руками строил себе летнюю хибарку. Теперь уже не маленькая, а большая толпа провожающих с нестареющей песней “Вы жертвою пали в борьбе роковой” на устах. Похороны забытого писателя превратились, т. обр., в политическую демонстрацию. Участники ее за исключением родственников и знакомых мало знали Кривенко, тем более не имели представления о его народническом прошлом. Для них он был только одной из бесчисленных “жертв борьбы роковой”, одним из бесчисленных “страдальцев и печальников” русской революции. Этого было достаточно, с т.з. шедших за гробом рабочих, чтобы отдать ему последний долг...»¹⁸¹.

¹ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 648.

² Подробнее о становлении теории «малых дел» см.: Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 110–112

³ Кранихфельд В. Н. Н. Златовратский // Современный мир. 1912. № 1. С. 317.

⁴ О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 87. Д. 1297. Л. 111–154.

⁵ *Успенский Г. И.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1957. Т. 9. С. 496 (Письмо датируется 18 августа 1888 г.).

⁶ О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. Л. 52–53 об., 62.

⁷ *Колосов Е. Е.* Н. К. Михайловский. Пг., 1917. С. 64.

⁸ О дочери коллежского советника Софье Ермолаевне Усовой. – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81. Д. 996. Л. 43 об., 56.

⁹ *Кривенко С. Н.* М. Е. Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891. С. 59.

¹⁰ Цит. по: [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Из истории созидательного народничества. М. Е. Салтыков и С. Н. Кривенко // Жизнь для всех. 1910. № 11. Стб. 122.

¹¹ *Кривенко С. Н.* Из «Воспоминаний о М. Е. Салтыкове» // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 270–271.

¹² *Макашин С. А.* С. Н. Кривенко // Там же. С. 225.

¹³ *Мейлах Б. С.* Ленин и проблемы русской литературы конца XIX – начала XX в. Л., 1970. С. 100.

¹⁴ См.: [*Кривенко С. Н.*] *С. Н. К.* Из литературных воспоминаний // Ист. вестник. 1890. Т. 39. № 2; Т. 42. № 11, 12.

¹⁵ Письмо С. Н. Кривенко С. Н. Шубинскому. 4 марта 1890 г. – РО РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 46. Л. 81.

¹⁶ [*Кривенко С. Н.*] *К.* Колонизация Черноморского побережья // Русские ведомости. 1889. № 279. 1 октября.

¹⁷ Письмо Я. В. Абрамова к С. Н. Кривенко. Б/д. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

¹⁸ Письмо Н. К. Михайловского к С. Н. Кривенко. Март 1890 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 94. Л. 8 об.

¹⁹ См.: *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы в России. М., 1990. С. 178.

²⁰ [*Кривенко С. Н.*] *К.* Международный тюремный конгресс // Неделя. 1890. № 23. 10 июня. С. 727, 730; *Он же.* Неисправимые преступники // Неделя. 1890. № 25. 24 июня. С. 793; № 26. 1 июля. С. 827–829.

²¹ [*Кривенко С. Н.*] *Сергеев С. Е.* Император Вильгельм II и вопросы международной политики. СПб., 1890. С. 23.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 31, 32.

²⁴ Там же. С. 28, 30.

²⁵ Там же. С. 41–42.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ *Молоствов Н. Г.* Борец за идеализм (А. Л. Волынский). СПб., 1903. С. 346.

²⁹ *Иванова Е. В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в., 1890–1904. М., 1982. С. 91, 101.

- ³⁰ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1891. № 1. С. 41; № 5. С. 67; № 9. С. 60.
- ³¹ Там же. 1891. № 5. С. 68.
- ³² Там же. 1891. № 1. С. 41.
- ³³ Там же. 1891. № 10. С. 64.
- ³⁴ См.: Крутикова Л. В. «Северный вестник» // Очерки по истории русской журналистики и критики (вторая половина XIX в.). Л., 1965. Т. 2. С. 401, 403.
- ³⁵ Цит. по: Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник» // Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та. 1970. Т. 59. С. 68–69.
- ³⁶ Сев. вестник. 1891. № 10.
- ³⁷ Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1911. Т. 3. С. 131.
- ³⁸ Молоствов Н. Г. Указ. соч. С. 346, 386.
- ³⁹ [Максимов Е. Д.] Биография С. Н. Кривенко. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Д. 1939. Л. 11.
- ⁴⁰ Библиографический отдел // Рус. мысль. 1892. № 4. С. 196.
- ⁴¹ Пименова Э. К. Дни минувшие. Воспоминания. Л.; М., 1929. С. 155.
- ⁴² Гаршин Е. М. Памяти С. Н. Кривенко // Приазовский край. 1906. № 158. 18 июня.
- ⁴³ Обозрения С. Н. Кривенко («С. К.») для «Русского богатства» публиковались в № 1–6, 8, 10 и 12 за 1892 г.
- ⁴⁴ [Кривенко С. Н.] С. К. Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1892. № 2. С. 108.
- ⁴⁵ Там же. № 3. С. 301, 312.
- ⁴⁶ Там же. С. 305.
- ⁴⁷ Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестн. Европы. 1891. № 3. С. 370; Он же. Народная беда и общественная помощь // Вестн. Европы. 1891. № 10. С. 785; Он же. Кто прозрел? (Письмо в редакцию) // Рус. мысль. 1892. № 6. С. 210.
- ⁴⁸ Там же. С. 211.
- ⁴⁹ [Кривенко С. Н.] С. К. Хроника внутренней жизни. 1892. № 6. С. 60.
- ⁵⁰ Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 398.
- ⁵¹ Пименова Э. К. Указ. соч. С. 154.
- ⁵² Летов Д. Б. «Русское богатство» // Очерки по истории русской журналистики и критики. С. 418.
- ⁵³ См.: Периодические издания // Рус. мысль. 1892. № 11; Гольцев В. Еще о народничестве (по поводу двух новых книг) // Рус. мысль. 1893. № 10; Протопопов М. А. Воинствующее народничество // Там же; Слонимский Л. З. Наши теоретики народничества // Вест. Европы. 1893. № 11.
- ⁵⁴ Каблиц И. И. Основы народничества: в 2 т. 2-е изд. СПб., 1888–1893. Т. 1. С. 15.
- ⁵⁵ См. отд. изд.: [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления. СПб., 1893. С. 7.
- ⁵⁶ Там же. Подробнее о народничестве «В. В.» см.: Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 9.
- ⁵⁷ [Пыпин А. Н.] В-н А. Теории народничества // Вест. Европы. 1892. № 10. С. 716.
- ⁵⁸ Там же. С. 726, 730, 740–741, 748–749.

⁵⁹ [Воронцов В. П.] В. В. Критик народничества // Рус. богатство. 1893. № 4. С. 16–18.

⁶⁰ Обращение В. П. Воронцова в редакционный комитет журнала «Русское богатство». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–2 об.

⁶¹ Там же. Л. 3–4.

⁶² Кривенко С. Н. На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. СПб., 1895.

⁶³ Там же. Предисловие.

⁶⁴ Там же. С. 5–8, 15–81.

⁶⁵ Там же. С. 3–4, 35, 40, 84, 86.

⁶⁶ Там же. С. 111, 112, 216, 233–236.

⁶⁷ Там же. С. 123, 144–145, 152, 165, 175, 217.

⁶⁸ См.: Матросов Е. Н. Заокеанская Русь // Ист. вестник. 1897. Т. 67. № 1. С. 146.

⁶⁹ См., напр.: Библиографический отдел // Рус. мысль. 1895. № 6.

⁷⁰ Письма С. Н. Кривенко к Н. К. Мхайловскому хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 260. Оп. 3. Д. 310).

⁷¹ Цит. по: Балугев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 102.

⁷² С. Н. Кривенко цитировал текст письма К. Маркса по его публикации в «Юридическом вестнике» (1888. № 10).

⁷³ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1890. № 12. С. 66.

⁷⁴ Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Рус. богатство. 1893. № 12. С. 186, 189, 190.

⁷⁵ Кривенко С. Письма с дороги. Письмо 1-е (Крестьянский бюджет в связи с переходом натурального хозяйства в денежное) // Рус. богатство. 1894. № 1. С. 149.

⁷⁶ Письмо Н. Ф. Даниельсона к С. Н. Кривенко. 10 октября 1894 г. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 82. Л. 7.

⁷⁷ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 264.

⁷⁸ Плеханов Г. В. (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Л., 1933. С. 140, 145–147, 154–155.

⁷⁹ Письмо А. И. Иванчина-Писарева к В. Г. Короленко. 25 января 1894 г. – ОР РГБ. Ф. 135. К. 24. Д. 26. Л. 4.

⁸⁰ См.: [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов // Кривенко С. Н. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. LIV; Летов Д. Б. Указ. соч. С. 418–419; Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народничество 90-х годов // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1969. Вып. 7. С. 41, 43; Хорос В. Г. «Русское богатство» в середине 90-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1967. № 6. С. 36; Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979. С. 268, 295.

⁸¹ Письмо Н. К. Михайловского к Н. С. Русанову. 1895 г. – ОР РГБ. Ф. 358. К. 412. Д. 4. Л. 25–25 об. См. также прим. 70.

⁸² *Блохин В. В.* На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды). М., 2004. С. 81.

⁸³ *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Рус. богатство. 1893. № 10. С. 119–120, 136.

⁸⁴ Письмо П. В. Засодимского к С. Е. Усовой. 14 февраля 1909 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2 об.

⁸⁵ [Максимов Е. Д. Выписки, заметки, копии документов и др. материалы к работе о С. Н. Кривенко. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 11. Л. 41 об.

⁸⁶ *Пименова Э. К.* Указ. соч. С. 151, 164–165.

⁸⁷ [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятих годов. С. LV.

⁸⁸ *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 210, 215; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972. С. 103, 109–111, 126–127, 149; *Харламов В. И.* Указ. соч. С. 178.

⁸⁹ Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. // Красный архив. 1927. № 1. С. 237–240.

⁹⁰ [Богданович А. И.] А. Б. Критические заметки // Мир божий. 1901. № 9. С. 7.

⁹¹ *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. С. 82, 83; *Зверев В. В.* В поисках социалистической перспективы // Наше Отечество (Опыт политической истории). М., 1991. Т. 1. С. 196; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 108, 109.

⁹² *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек. С. 169.

⁹³ См.: *Обнинский П.* Из области современной этики. «Маленькие дела» // Рус. богатство. 1895. № 10. С. 22–29.

⁹⁴ *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек. С. 164, 168–169, 174.

⁹⁵ Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1875. Вып. 3. С. 23.

⁹⁶ [Кривенко С. Н.] Русская жизнь // Рус. богатство. 1880. № 3. С. 49.

⁹⁷ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1890. № 11. С. 47.

⁹⁸ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 398, 448.

⁹⁹ [Кривенко С. Н.] Наша внутренняя жизнь // Слово. 1881. № 2. С. 95.

¹⁰⁰ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 43.

¹⁰¹ [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 350.

¹⁰² *Кривенко С. Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 192–193.

¹⁰³ [Кривенко С. Н.] Антихрист и антихристова печать // Устои. 1882. № 6. С. 106, 109.

¹⁰⁴ Русь. 1882. № 1. 2 января.

¹⁰⁵ [Кривенко С. Н.] Внутреннее обозрение // Устои. 1882. № 1. С. 141–143.

¹⁰⁶ *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 252, 294.

¹⁰⁷ См.: [Кривенко С. Н.] С. К. По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1896. № 10. С. 237, 238, 245.

¹⁰⁸ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1891. № 10. С. 64; Он же. На распутье. С. 222.

¹⁰⁹ Кривенко С. Н. Физический труд. С. 270; Он же. Собр. соч. Т. 2. С. 193; Он же. Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1891. № 6. С. 71; Он же. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 8. С. 226.

¹¹⁰ Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 171.

¹¹¹ Сементковский Р. И. Культура и подвижничество // Ист. вестник. 1895. Т. 60. № 6. С. 790–791. Ср.: Ариевич И. Невыученные уроки // Новое время. 1989. № 39. С. 24–25.

¹¹² Подробнее см.: Баталов Э. Социалистическая перспектива и утопическое сознание // Коммунист. 1988. № 3. С. 73.

¹¹³ Оболенский Л. Е. Личное совершенствование и изменение общественных форм // Рус. мысль. 1893. № 7. С. 77, 94–95; Фаресов А. И. Интеллигенция в деревне // Ист. вестник. 1895. Т. 61. № 9. С. 761.

¹¹⁴ Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 173, 174.

¹¹⁵ См.: [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. Декабрь. Стб. 54–56. Однако, по мнению этого исследователя, конечный социальный идеал С. Н. Кривенко носил общечеловеческий, а не узкосоциалистический характер, как доказывается в данной работе.

¹¹⁶ Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание-сила. 1992. № 2. С. 109.

¹¹⁷ Тихомиров Л. Что делать нашей «интеллигенции»? // Рус. обозрение. 1895. № 10. С. 873–875.

¹¹⁸ [Федорченко Л. С.] Чаров Н. Газета в революционном огне 1905 года (Из воспоминаний старого журналиста-марксиста) // Каторга и ссылка. 1925. № 9. С. 137; Мицкевич С. И. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. Мемуарная запись. М., 1937. С. 183; Силин М. А. Ленин в период возрождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 76. Письма к С. Н. Кривенко из провинции хранятся в его личном архивном фонде в РГАЛИ.

¹¹⁹ Письмо А. И. Иванчина-Писарева к В. Г. Короленко. 5 ноября 1894 г. – ОР РГБ. Ф. 135. К. 24. Л. 9–10.

¹²⁰ См.: Дергачев И. А. Указ. соч. С. 43–44.

¹²¹ [Кривенко С. Н.] С. К. По поводу внутренних вопросов. 1895. № 2. С. 188.

¹²² См.: Чехов А. П. Собр. соч.: в 30 т. М., 1978. Т. 6. С. 76.

¹²³ Новый толстый журнал // Книжки «Недели». 1895. № 12. С. 201.

¹²⁴ [Кривенко С. Н.] С. К. По поводу внутренних вопросов. 1895. № 3. С. 204, 206; 1896. № 4. С. 177–178.

¹²⁵ Библиографический отдел // Рус. мысль. 1896. № 3. С. 130, 144–145.

¹²⁶ [Кривенко С. Н.] С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 8. С. 223–224, 226.

¹²⁷ Там же. 1896. № 11. С. 195–209.

¹²⁸ Там же. 1896. № 12. С. 231, 235.

¹²⁹ Там же. С. 238.

¹³⁰ Там же. С. 234–235.

- ¹³¹ *Энгельгардт Н. А.* Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 292.
- ¹³² [*Кривенко С. Н.*] С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 12. С. 240–247; 1896. № 1. С. 210, 211, 216.
- ¹³³ *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 293–294.
- ¹³⁴ [*Кривенко С. Н.*] С. К. Обо всем (лжелитература) // Новое слово. 1896. № 2. С. 241, 244, 249.
- ¹³⁵ См.: Неопубликованные письма И. А. Бунина // Русская литература. 1963. № 2. С. 180.
- ¹³⁶ *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 114.
- ¹³⁷ *Поссе В. А.* Указ. соч. С. 115–116.
- ¹³⁸ Там же. С. 117.
- ¹³⁹ *Гофштеттер И.* Рубль и мысль (На темы дня) // Жизнь. 1897. Т. № 19. С. 109; *Спасович В.* Письмо в редакцию // Новое слово. 1897. № 7812. 25 ноября.
- ¹⁴⁰ *Поссе В. А.* Указ. соч. С. 120.
- ¹⁴¹ *Гофштеттер И.* Указ. соч. С. 111.
- ¹⁴² Об этой версии см.: *Люблинский С. Б.* К вопросу об истории издания журнала «Новое слово» О. Н. Поповой (1895–1897) // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Л., 1984. С. 51.
- ¹⁴³ Письмо Л. Е. Оболенского к С. Н. Кривенко. 18 ноября 1896 г. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 163. Л. 6 об., 7.
- ¹⁴⁴ *Попов А.* Вопрос о четырех нравственных основаниях перед судом чести Союза русских писателей. СПб., 1897. С. 10, 15, 26; *Энгельгардт Н.* Рыцари чести // Новое время. 1898. № 7857. 11 января.
- ¹⁴⁵ См.: *Гофштеттер И.* Указ. соч. С. 105, 106, 109. Позиция, оправдывающая действия издательницы изложена: *Львов К.* Вопиющее дело. Об оклеветании бывшей издательницы журнала «Новое слово» О. Н. Поповой. М., 1897.
- ¹⁴⁶ [*Максимов Е. Д.*] Биография С. Н. Кривенко. Л. 13.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Сын отечества. 1897. № 133. 28 августа.
- ¹⁴⁹ «Долг народу» // Московские ведомости. 1897. № 166. 19 июня.
- ¹⁵⁰ *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // Рус. богатство. 1897. № 10. С. 171, 178–179.
- ¹⁵¹ Внутреннее обозрение (Отголоски юбилея Н. Н. Златовратского) // Рус. мысль. 1897. № 12. С. 191–192.
- ¹⁵² [*Богданович А. И.*] А. Б. Критические заметки // Мир божий. 1897. № 6. С. 1–10.
- ¹⁵³ Сын отечества. 1898. № 27. 29 января.
- ¹⁵⁴ [*Богданович А. И.*] А. Б. Критические заметки. 1898. № 3. С. 5–6.
- ¹⁵⁵ [*Кривенко С. Н.*] Г-в. Новейшие толки об общине // Сын отечества. 1900. № 104. 17 апреля.
- ¹⁵⁶ Цит. по: *Вильчинский В. П.* Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.; Л., 1963. С. 292.
- ¹⁵⁷ См.: [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии. Стб. 49–50.

¹⁵⁸ Письмо Я. В. Абрамова к С. Н. Кривенко. Б/д. РГАЛИ. – Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–13.

¹⁵⁹ *Кривенко С. Н.* Прощение министру внутренних дел. 1899 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 86. Л. 5–6 об.

¹⁶⁰ Письмо С. Н. Кривенко к С. Е. Усовой. Май 1900. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 92. Л. 11–11 об.

¹⁶¹ *Гаршин Е. М.* Указ. соч.; Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 133–134.

¹⁶² Письмо С. Н. Кривенко к А. М. Скабичевскому. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 115. Л. 1 об.

¹⁶³ *Кривенко С.* Литературные воспоминания и характеристики. Г. З. Елисеев // Рус. мысль. 1901. № 7. С. 93–122.

¹⁶⁴ *Кривенко С. Н.* Из рассказов Некрасова // Литературное наследство. М., 1946. Т. 49. С. 207–210.

¹⁶⁵ Письмо С. Н. Кривенко к В. А. Гольцеву. 15 апреля 1901 г. – ОР РГБ. Ф. 77. К. 4. Д. 3. Л. 3–3 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 3 об.; О дворянине Сергее Николаевиче Кривенко. Л. 189, 191.

¹⁶⁷ [*Богданович А. И.*] А. Б. Критические заметки // Мир божий. 1901. № 9. С. 5–9.

¹⁶⁸ См.: *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

¹⁶⁹ [*Кривенко С. Н.*] *Н-ич С.* Житейские очерки. Разномыслие о дворянстве // Новое дело. № 1. С. 242–243.

¹⁷⁰ Подробнее см.: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая М., 1992. С. 167–174.

¹⁷¹ *Кривенко С.* Крестьянское дело и канцелярское творчество // Рус. мысль. 1905. № 9. С. 9, 10.

¹⁷² Там же. № 6. С. 146; № 9. С. 5, 12–14.

¹⁷³ Там же. С. 5.

¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 145. Л. 11, 12 об.

¹⁷⁵ *Кривенко С. Н.* «Хулиганы и хулиганство» (По поводу событий 9 января). – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–4.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 9.

¹⁷⁷ [*Максимов Е. Д.*] Биография С. Н. Кривенко. Л. 14. Протоколы заседаний совещания хранятся в РГАЛИ (Ф. 2173. Оп. 1. Д. 330).

¹⁷⁸ См.: [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Памяти человека и писателя (письмо в редакцию) // Сегодня. 1906. 14 сентября.

¹⁷⁹ Письмо С. Н. Кривенко к Е. Д. Максиму. 7 февраля 1906 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 43. Л. 12 об.

¹⁸⁰ [*Максимов Е. Д.*] Биография С. Н. Кривенко. Л. 15; Памяти Сергея Николаевича Кривенко // Игрушечка. 1908. № 3. С. 119–120.

¹⁸¹ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Из прошлого. Записки некрасоведа (1902–1921) // Некрасовский сборник. Л., 1980. Вып. 7. С. 203.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*

Сложность и противоречивость времени, в которое жил С. Н. Кривенко, исключают возможность какой-либо однозначной оценки его личности и идейного наследия.

По свидетельству тех, кто лично знал писателя, это был человек необыкновенно честный, порядочный, гуманный и снисходительный к людям, отзывчивый на всякое их горе – личное и общественное, и одновременно строгий по отношению к себе¹. Деловитость и практичность, энергия и целеустремленность сделали его одним из лидеров народнического движения. В отличие от других прирожденных организаторов, он не обладал даром красноречия, зато умел хорошо слушать, терпеливо и бережно относясь к чужой мысли и это также притягивало к нему людей. Симпатизирующая современникам природная доброта и мягкий, не агрессивный характер Кривенко часто играли над ним злую шутку. Особенно когда он становился во главе народнических изданий, редактирование которых требовало не только уравновешенности и чувства такта, но и, как говорится, умения стукнуть кулаком по столу. Не случайно все крупные конфликты (например, в «Русском богатстве» середины 1890-х гг.) решались Кривенко добровольным уходом из журнала².

Совсем иначе было с оценкой содержательной стороны общественной деятельности Кривенко как одного из творцов, самостоятельных выразителей и проповедников народнического мирозерцания. Одни (И. Корсаков и ряд членов редакции «Русского богатства») считали публициста умеренным социалистом-народником, который своей проповедью «культурничества» и «малых дел» фактически призывал к примирению с действительностью, т.е. отказу от идейного наследия 60–70-х гг. XIX в.³. Противоположной точки зрения придерживались его бывшие соратники (В. П. Воронцов, П. В. Засодимский, Е. Д. Максимов и др.), утверждавшие, что всю свою «скитальческую» жизнь Кривенко исповедовал самые высокие идеалы, которых достигла русская творческая мысль (о земле и воле, о трудовом начале, как факторе распределения богатств, о земщине и общественных организациях вообще и о культурной работе в народе), в конце концов,

сделавшиеся общим лозунгом самых передовых и радикальных течений освободительного движения^{a5}.

Мы также не согласны с теми, кто вслед за С. Н. Южаковым пытался отнять у Кривенко «самый образ русского интеллигента», которого нельзя себе представить без «широких горизонтов и теряющихся в облаках вершин» и обратить его в благонамеренного чиновника», т.е. признавал за писателем уклон от последовательного демократизма в «реформистский бюрократизм», лишая его «даже права считать в числе своих наставников всеобщих учителей русской демократической интеллигенции – Чернышевского и Добролюбова»⁶.

По наблюдению Ричарда Пайпса, у каждого радикала этой эпохи имелась формула, воплощение которой непременно должно было самым коренным образом изменить судьбу человечества⁷. Воспитанный на просветительских идеях 1860-х годов, Кривенко также верил в возможность достижения такого рационального общественного устройства, при котором личность перестанет вредить себе подобным, превратившись в беззаветно преданного слугу общества. Считая главной причиной «торжествующего в жизни зла» угнетенное положение «физического труда», Кривенко искренне полагал, что сделав его всеобщей обязанностью, можно будет изменить мировоззрение людей. На основе непомерного преувеличения роли труда в индивидуальной и общественной жизни родилась его утопическая система совершенствования общества. Она состояла в насаждении производственных ассоциаций (последовательно развивающих «лучшие» стороны артели и общины) с целью воспитания «нового человека» и постепенного проведения в жизнь отдельных начал будущего социального строя. И этому своему «коньку» он оставался верен всю жизнь, сначала участвуя в подобных социальных экспериментах лично (кавказская земледельческая колония-община 1870-х гг.), а затем пропагандируя идею «опрощения» со страниц журналов и газет^b. Примечательно, что став профессиональным журналистом, «мирской»

^a Напр., П. В. Засодимский считал, что за «умеренность» и «отсталость» Кривенко его «тупые, ограниченные» критики принимали стремление писателя «к беспристрастию, к справедливости, ко всесторонней оценке людей и фактов»⁴.

^b Одним из пионеров по созданию интеллигентных земледельческих колоний был А. Н. Энгельгардт. По мнению, напр., А. М. Скабичевского, С. Н. Кривенко «был народником именно энгельгардтовского толка». Он не отрицал значения политической борьбы и одно время оказался ее участником, но по натуре и убеждениям от начала и до конца своей практической деятельности принадлежал к сторонникам развития «всякого рода кооперации»⁸.

человек Кривенко попытался внедрить артельные начала и в литературной среде, несмотря на то, что она всегда была наименее восприимчива к «правильным» человеческим отношениям.

Кривенко развивал свои идеи, опираясь на теорию крестьянского социализма А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. В то же время большое влияние на его взгляды оказала эпоха реформ Александра II с ее всеобщим убеждением в необходимости подготовки масс к сознательному восприятию плодов проводимых в стране либеральных преобразований⁹. Признание предварительного социального и духовного обновления народа в качестве основного условия радикальных социальных изменений в обществе, по нашему мнению, составляет главную исходную посылку культурнической доктрины Кривенко. В общем виде она была сформулирована публицистом еще в конце 1870-х гг., когда разрабатываемая им программа подъема народного благосостояния дополнилась требованиями демократизации политической жизни страны (свобода крестьянского самоуправления, законное охранение прав личности и т.д.). С этого времени каких-либо кардинальных изменений в кривенковском учении о «культурной работе» не произошло. Его поддержка деятельности позднейших народолюбцев, как и выступления с начала 1890-х годов в защиту «малых дел», это больше вопрос эволюции тактики осуществления преобразований (сообразно меняющимся условиям общественной жизни), а не их принципиального содержания.

Как писал по этому поводу П. Ф. Якубович, «не всякому борцу даны могучие силы вынести все испытания, видеть гибель лучших товарищей и сохранить до конца юношески смелый взгляд и бодрое стремление вперед: утомленный взор нередко видит пустыню там, где уже появились ростки новой жизни. Потому же, быть может, и Кривенко, вернувшись из Сибири, когда народолюбческому движению нанесен уже был смертельный удар, чересчур мрачными глазами взглянул на родную деятельность, решив, что нужно заново поднимать вновь, забывая землю осторожной и неторопливой сохой. Но если верно, что в этот период безвременья вокруг имени Кривенко пыталась сплотиться умеренная, “правая” струя нашего народничества, то из-под пера самого С. Н. Кривенко не вышло ни одной строчки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники времен “Отечественных записок”»¹⁰.

Вопрос об эволюции идейной позиции Кривенко имеет и другой аспект: насколько выдвигаемые им в 1890-е годы требования соответствовали изменившимся «обстоятельствам места и времени».

Ведь обвинения Кривенко в консерватизме основывались именно на этом. Еще не так давно историки доказывали, что легальные народники (в отличие от революционных) отстаивали не коренные интересы народа. Абсолютизируя реформы как наилучший метод преобразования действительности, они брались защищать крестьянство в условиях медленной капиталистической эволюции, что фактически превращало народничество в идеологию «хозяйственного мужичка». Только распад СССР, отказ от идеи построения коммунистического общества, поиск путей к созданию рыночной экономики (символизирующих возвращение России в лоно «общеевропейской» цивилизации) заставили взглянуть на события столетней давности в другом историческом контексте, а именно с точки зрения особенностей процесса перехода страны от аграрного общества к индустриальному, именуемого «модернизацией».

По мнению современных ученых, главной причиной замедленного хода этого процесса в России явился «догоняющий сценарий» ее внутреннего развития. Буржуазное реформирование страны явилось вынужденной реакцией правительства не столько на потребности внутреннего экономического роста, сколько на ее отставание от передовой Европы в военной сфере, грозившее империи утратой территориальной целостности. Преобразования проводились «сверху», без учета конкретных интересов масс, рассматриваемых как чистый лист бумаги, и с игнорированием специфики российской социальной традиции (приоритет духовного над материальным, обостренное чувство социальной справедливости, стремление к коллективным формам собственности и хозяйствования и т.д.). В итоге между социально активным слоем сторонников преобразований и пассивным и инертным большинством общества образовался разрыв, приводивший к периодическому краху реформ, дальнейшая судьба которых ставилась в зависимость от революции¹¹.

С нашей точки зрения, позиция Кривенко по вопросу о путях общественных преобразований и приведенные выше мнения на этот счет историков и экономистов во многом совпадают. К сожалению, забота правительства о благе России не вела к непосредственному улучшению положения народных масс. Форсированная индустриализация страны проводилась за счет ущемления интересов крестьянства. Видя это, Кривенко выступал за более сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, за неотложную государственную помощь разоряющейся деревне. Постоянно напоминая своим

читателям о слишком высокой «социальной цене» реформ, о долге «высших классов» перед народом, публицист немало сделал для пробуждения в них гражданского сознания. Но добиться консолидации государства и общества на почве общенародных интересов, поставив перед ними задачу постепенного приобщения всего населения страны к «элементарным благам человеческой цивилизации» (благоустроенный быт, законность и правопорядок, свободное общественное самоуправление и т.п.), ему так и не удалось.

Что же помешало Кривенко выступить в роли «спасителя отечества»? Только ли отсутствие необходимых рычагов воздействия на власть? Подробное знакомство с его сочинениями приводит к выводу, что культурническая доктрина публициста (при всем ее демократизме и конструктивности) в конечном счете, была сориентирована на создание предпосылок для социалистических преобразований страны. Абсолютное же большинство русского общества в ту пору не разделяло веры социалистов-народников в возможность улучшения благосостояния людей путем «справедливого» перераспределения богатств. Кроме того, центральным звеном, обеспечивающим целостность экономической и политической программы Кривенко и органическую преемственность между низшими и высшими ступенями культурной работы, выступала поземельная крестьянская община. Требование ее сохранения само по себе нельзя признать реакционным. Этот институт действительно имел глубокие корни в народной жизни и был насильственно ликвидирован (против чего, собственно, и выступал Кривенко) лишь в результате коллективизации начала 1930-х годов. Другое дело идеологизированное понимание народниками его социальной природы и попытки «приучить» крестьян к коллективному труду (общественным запашкам), что нарушало сложившийся в общине паритет между равенством и свободой и превращало ее в казарму. Недаром идейные противники народников уличали их в двойственном отношении к народу. С одной стороны – «народолюбие» и «народопоклонство», стремление слиться с ним и т.п. И в то же время – высокомерное отношение как к объекту спасительного воздействия и попытки «мудрствования» над массами в угоду своим абстрактным идеалам¹².

История доказала тщетность надежд и усилий русской интеллигенции достигнуть идеальной гармонии человеческих отношений путем ли изменения общественных условий жизни или через перевоспитание самого человека. Судьба Кривенко – характерный тому пример. Поддавшись «обманчивым и лживым призракам», он не имел

удачи в жизни ни как человек, ни как писатель. Однако нельзя забывать, что не все социалисты исповедовали антигуманный по своей сути принцип «цель оправдывает средства». Приверженность утопическим идеалам не помешала Кривенко сознательно противостоять попыткам превращения народа в «инструмент для переворачивания мира». Как и многие легальные народники, он никогда не предавал забвению насущные потребности трудящихся масс, справедливо полагая, что прочное «внедрение цивилизации в тело России» невозможно без подъема общего уровня жизни народа. И в этом заключается главное значение общественной и литературной деятельности Кривенко.

П р и м е ч а н и я

¹ *Гаршин Е. М.* Памяти С. Н. Кривенко // Приазовский край. 1906. № 158. 18 июня; *Засодимский П. В.* Из воспоминаний. М., 1908. С. 214–215; Памяти С. Н. Кривенко // Игрушечка. 1908. № 3. С. 118; *Русанов Н. С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 170.

² *Русанов Н.* Из литературных воспоминаний // Былое. 1906. № 12. С. 42; *Хирьяков А.* Памяти С. Н. Кривенко // Страна. 1906. № 93. 8 июня; *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 114–115; *Перцов П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 61.

³ *Корсаков И.* Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. № 14. 7 июня; *Южаков С.* Памяти С. Н. Кривенко // Рус. богатство. 1906. № 7. С. 181–182; По поводу письма г. Воронцова (от редакции) // Рус. богатство. 1906. № 9. С. 195–196.

⁴ *Засодимский П. В.* Указ. соч. С. 233.

⁵ *Воронцов В.* Поругание покойника // Речь. 1906. № 155, 156; *Засодимский П. В.* Указ. соч. С. 233; [*Максимов Е. Д.*] *Слобожанин М.* Памяти человека и писателя (письмо в редакцию) // Сегодня. 1906. № 21. 14 сентября.

⁶ *Воронцов В.* Указ. соч. № 155.

⁷ *Пайпс Ричард.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 354.

⁸ *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 308–310.

⁹ Подробнее: *Абрамов Я. В.* Наши воскресные школы. СПб., 1900. С. 1–2.

¹⁰ *Якубович П.* Памяти С. Н. Кривенко // Рус. богатство. 1906. № 9. С. 195.

¹¹ См.: *Кульков В. М.* Российская социальная традиция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика. 1993. № 3; *Герасимов И.* Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4; *Шелохаев В. В.* Модернизационные процессы в России: общее и особенное // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М., 2001.

¹² *Булгаков С.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 75; [*Пытин А. Н.*] *В-н А.* Еще о теориях народничества // Вестн. Европы. 1893. № 2. С. 787–788; *Слонимский Л. З.* Наши теоретики народничества // Вестн. Европы. 1893. № 11. С. 330, 334.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (С.-Петербург)
- РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. Б. *см.* Богданович А. И.
Абрамов Я. В. 11, 19, 20, 24, 25, 79,
120, 121, 124, 143, 150, 154, 159, 163–
165, 174, 180, 186
Адикаевский В. С. 77
Аксаков И. С. 92, 148
Александр II 6, 9, 53, 72, 91, 96, 100, 183
Александр III 21, 89, 97–100, 103
Альбов М. Н. 79
Анненский Н. Ф. 134
Анненский С. А. 54
Ансберг О. Н. 65
Антоновский 105
Ариевич И. 178
- Бажин Н. Ф. 24, 73, 75, 113
Бажина С. Н. 73, 75
Бажины 77
Бакунин М. А. 44, 65, 68
Балуев Б. П. 18, 20, 27, 28, 176, 177
Барбье О. 93
Баталин И. А. 153
Баталов Э. Я. 178
Белинский В. Г. 167
Белкин А. 27
Белоголовый Н. А. 118
Берви-Флеровский В. В. 63
Бисмарк О. 126
Блан Л. 110
Блохин В. В. 21, 28, 143, 177
Богданович А. И. 23, 163, 164, 167,
168, 177, 179, 180
Богданович Ю. Н. 99
Богучарский В. Я. 102, 117
Бонч-Бруевич 102
Бороздин К. А. 97
Брешко-Брешковская Е. К. 44
Брокгауз Ф. А. 66
Булгаков С. Н. 186
Бунин И. А. 158, 179
Буренин В. П. 79
Бух Л. К. 104
- Бюхнер Л. 32
- В. В. *см.* Воронцов В. П.
Валк С. Н. 17, 27, 94, 95, 116, 117
Ванновский П. С. 34, 64
Васильев М. 106
Васильева Т. А. 27
Васильчиков А. И. 49, 50, 66
Ватаци А. И. 32
Венгеров С. А. 14, 26, 40, 66, 75, 79, 120
Верещагин Н. В. 138
Виленская Э. С. 176
Вильгельм II 66, 125, 174
Вильчинский В. П. 179
В-н А. *см.* Пыпин А. Н.
Волк С. С. 18, 27, 113
Волконские 36
Волосевич А. С. 36
Волынский А. Л. 126, 129, 174
Вольтер 55
Воронцов В. П. 12, 18–20, 23, 25–28,
133–136, 138, 142, 143, 154, 159, 175,
176, 181, 186
Воронцов-Дашков И. И. 98
Вышнеградский И. А. 128
- Гайдебуров П. А. 124, 163
Гарин-Михайловский Н. Г. 159
Гартинг Н. М. 40
Гаршин В. М. 74, 79, 103, 109, 119
Гаршин Е. М. 131, 175, 180, 186
Гаршина Е. С. 119
Г-в (Кривенко С. Н.) 179
Герасимов И. 186
Герцен А. И. 8, 29, 34, 64, 88, 183
Гиппиус З. П. 129
Гирс Д. К. 72
Глазов (Кривенко С. Н.) 109
Глинский Б. Б. 126
Гоголь Н. В. 155
Гольцев В. А. 24, 92, 101, 167, 169,
175

- Гордеева И. А. 21, 28
 Горев Б. И. 117
 Горемыкин И. Л. 165
 Гофштеттер И. А. 179
 Гранат 14, 116
 Грачевский М. Ф. 99
 Гроньяр. *см.* Михайловский Н. К.
 Губонин Б. Б. 90
 Гуревич Л. Я. 126, 129, 130
 Гусев Н. Н. 66
- Даниельсон Н. Ф. 24, 27, 97, 139, 140, 154, 176
 Дворкин В. З. 115
 Дегаев С. П. 94, 98, 103–105, 107, 116, 118
 Демаков 130
 Демерт Н. А. 46, 155, 167
 Де-Пуле М. Ф. 33
 Дергачев И. А. 27, 114, 176, 178
 Дерунов 83
 Дистерло Р. А. 124, 163
 Добродеев С. Е. 161
 Добролюбов Н. А. 124, 155, 157, 182
 Достоевский Ф. М. 158
 Дриль Д. А. 124
 Дурново Н. И. 112
- Евгеньев-Максимов В. Е. *см.* Максимов В. Е.
 Евреинов П. А. 41
 Егорыч, пасечник 30, 31
 Елисеев Г. З. 11, 17, 18, 24, 36, 46–48, 64, 65, 77, 78, 81, 111, 114, 118, 127, 155, 166, 167, 180
 Емельянов Н. П. 18, 27
 Есин Б. И. 65
 Ефрон И. А. 66
- Ж**вания Д. Д. 21, 28
- Засодимский П. В. 45, 46, 65, 73–75, 77, 113, 121, 129, 143, 154, 175, 177, 181, 182, 186
 Зверев В. В. 19, 20, 28, 177
- Златовратский Н. Н. 73, 74, 77, 79, 102, 113, 120, 121, 154, 163, 173
 Зоргаф 179
- И**ван Грозный 33
 Иванов 107
 Иванов С. А. 117
 Иванова Е. В. 174
 Ивановская П. С. 116
 Иванчин-Писарев А. И. 24, 76, 77, 96, 100, 112, 116, 117, 131, 134, 142, 153, 176, 178
 Игнатъев Н. П. 82, 91
 Изгоев А. С. 26, 51
- К.** (Кривенко С. Н.) 174
 Каблиц И. И. 12, 19, 20, 23, 27, 28, 74, 113, 121, 133, 134, 136, 143, 163, 173, 175
 Кавелин К. Д. 29, 164, 169
 Казаков А. П. 66
 Калюжный И. В. 99
 Каменский 122
 Канаева Т. М. 19, 27
 Капустин С. Я. 78
 Каратаев Н. К. 67
 Караулов В. А. 96, 99, 105, 116
 Караулов Н. А. 96, 99, 101, 104, 105
 Карауловы 103
 Карпачев М. Д. 7
 Касторнов С. Н. 21, 28
 Катков М. Н. 77, 92, 107
 Кауфман А. А. 126
 Каханов М. С. 86
 Кириллов М. К. 27, 28
 Кирпотин В. Я. 17, 26
 Книгин И. А. 27
 Кобычев А. А. 77
 Ковалик С. Ф. 44
 Козьмин Б. П. 15, 26
 Колеров М. А. 152, 178
 Колосов Е. Е. 13–15, 18, 22, 26, 64, 67, 78, 102, 113–117, 144, 174, 176, 177
 Конради Е. И. 33
 Корба А. П. *см.* Прибылева-Корба А. П.

Короленко В. Г. 134, 136, 142, 163, 176, 178
Корсаков И. 93, 116, 181, 186
Корш В. Ф. 36, 45
Костомаров Н. И. 70
Коцони Я. 25
Кранихфельд В. 173
Кривенко Л. Н. 105
Кривенков А. Н. 11, 33, 64
Кривенков И. Н. 11, 35, 118
Кривенков Н. А. 30
Кривенков С. (Кривенко С. Н.) 37
Кривенкова Г. В. 30
Кривенковы 30–32, 35
Кропоткин П. А. 63
Крутикова Л. В. 175
Кузнецов В. 111
Кузьмин Д. см. Колосов Е. Е.
Кульков В. М. 186
Куницкий С. Ч. 104
Куприяновский П. В. 27, 175
Куропаткин А. Н. 11, 25, 34, 64, 106
Курочкин Н. С. 46, 73
Курочкины 167

Лавеле Э. 51
Лавров П. Л. 30, 55, 63, 68, 76, 106
Лаврский К. В. 121
Лассаль Ф. 34, 81
Левенвольде Р. Г. 110
Ленин В. И. 16, 18, 27, 140, 141, 174, 176, 178
Леонтъев И. Л. 81
Лермонтов М. Ю. 90
Лесевич В. В. 136
Летов Д. Б. 175, 176
Лизогуб Д. А. 95
Лихачев В. С. 76, 105, 114
Лодыгин А. Н. 41
Лопатин Г. А. 95, 103, 104
Лорис-Меликов М. Т. 9, 82
Льюис Д. 58
Любимов Н. А. 107
Люблинский С. Б. 179

Макашин С. А. 26, 118, 174

Маков Л. С. 95
Максимов А. Н. 14
Максимов В. Е. 15, 24–26, 66, 114, 115, 173, 180
Максимов Д. 26, 114
Максимов Е. Д. 10–15, 22, 25, 26, 30, 31, 39, 42, 64–67, 80, 118, 119, 170, 172–175, 177–181, 186
Мальнев И. М. 36, 41
Мальнева Е. Н. 75, 77
Мамин-Сибиряк Д. Н. 27, 80, 114, 118, 154, 176
Маркс К. 75, 81, 97, 110, 139, 140, 157, 176
Матросов Е. Н. 176
Мачтет Г. А. 112, 154
Меньшиков М. О. 158
Меньщиков Л. П. 107, 118
Мережковский Д. С. 129, 167
Мещерский В. П. 155
Милль Д. 60
Милль Д. С. 48, 51
Минский Н. М. 79, 129
Миронов Б. Н. 115
Михайлов М. Л. 118
Михайловский Н. К. 7, 10–12, 17, 18, 20, 23–25, 28, 36, 47, 53, 55, 63, 69, 70, 78, 81, 90, 95–98, 102, 106, 110, 113–115, 117, 118, 121–124, 133, 134, 136, 139, 142–144, 153, 157, 159, 162, 163, 167, 174, 176, 177, 179
Михневич В. О. 48, 65, 92, 116
Мицкевич С. И. 178
Мокшин Г. Н. 7, 28, 64, 115, 116, 175
Молоствов Н. Г. 174, 175
Муро Ж. 48

Наумов Н. И. 73, 74, 79
Некрасов Н. А. 27, 34, 46, 47, 127, 167, 173, 180
Немчинов А. А. 41
Немчинов А. Н. 41
Немчинов В. А. 41
Никитина 83
Николадзе Н. Я. 24, 79, 94, 97–99, 116, 117

- Николаевский Б. И. 117
 Николай II 144, 177
 Николай, священник 32
 Н-ич С. (Кривенко С. Н.) 180
 Нотович О. К. 158
- Обнинский П.** 177
 Оболенский Л. Е. 19, 27, 75, 121, 131, 151, 154, 159, 160, 178, 179
 Оленин В. К. 36, 41
 Ольденбург С. С. 180
 Орел Г. М. 138
 Остерман А. И. 110
 Оуэн Р. 34
- Павленков Ф. Ф.** 121, 124, 167
 Пайпс Р. 92, 116, 182, 186
 Панов А. А. 103
 Пантин И. К. 113
 Папковский Б. М. 26, 78, 114
 Перелешин Д. А. 24, 112, 119
 Персигов М. М. 18, 27
 Перцов Н. Н. 172
 Перцов П. П. 186
 Петр I 95
 Пименова Э. К. 24, 143, 175, 177
 Пирумова Н. М. 180
 Писарев Д. И. 34, 157
 Пищулина Ю. П. 116
 Плева В. К. 106
 Плеханов Г. В. 44, 140, 141, 176
 Плещеев А. Н. 46, 74, 77, 81
 Победоносцев К. П. 77
 Подбельский А. В. 104, 106, 107
 Познанский Н. 28
 Полонский Л. А. 73
 Попов А. Н. 159, 160, 179
 Попов И. И. 16, 24, 26, 94, 99, 104, 115–118
 Попов С. Е. 96
 Попова О. Н. 136, 153, 159, 160, 179
 Поповы 159, 160
 Поссе В. А. 24, 158, 159, 179, 186
 Прибылева-Корба А. П. 95, 99, 116
 Прокопенко З. Т. 25
 Протопопов М. А. 79, 95, 129, 175
- Пругавин А. С. 28
 Пругавин В. С. 121
 Прудон П. Ж. 34, 110
 Пустарнаков В. Ф. 27
 Пыпин А. Н. 23, 135, 136, 175, 186
- Ракитников Н. И.** 14, 26
 Рау К. 51
 Романовы 100
 Роцевская Л. П. 28
 Рубакин Н. А. 129
 Русанов Н. С. 15, 24, 26, 47, 65, 75, 80, 96, 102, 113, 114, 116, 117, 139, 142, 177, 186
 Рыбаков Д. М. 73
- С. К. (Кривенко С. Н.) 65, 66, 113, 155, 158, 175, 177–179
 С. Н-ъ (Кривенко С. Н.) 119
 Сажин Б. Б. 21, 28
 Салтыков М. Е. *см.* Салтыков-Щедрин М. Е.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 11, 17, 24, 26, 47, 72, 74, 78, 79, 81, 91, 97, 103, 105, 106, 108, 114–116, 118, 122–124, 155, 157, 174, 180
 Свешников М. И. 126
 Седов М. Г. 117
 Семенов Е. 94, 116
 Сементковский Р. И. 129, 150, 178
 Сенчакова Л. Т. 18, 27, 117, 118
 Сергеев С. Е. (Кривенко С. Н.) 66, 67, 174
 Сибиряков А. М. 43, 75
 Силин М. А. 178
 Скабичевский А. М. 15, 24, 46, 47, 65, 73–75, 77, 80, 95, 114, 129, 154, 158, 159, 180, 182, 186
 Скороходов Н. И. 159
 Слепцов А. А. 154
 Слобожанин М. *см.* Максимов Е. Д.
 Слонимский Л. З. 79, 175, 186
 Соловьев В. С. 23, 129, 130, 132, 133, 135, 158, 167, 175
 Сосновский 42
 Спасович В. Д. 179

- Спенсер Г. 52
 Сперанский М. М. 110
 Станюкович К. М. 95, 107, 131, 134, 154, 164, 165, 179
 Стасов В. В. 45
 Стасюлевич М. М. 72
 Степурин К. А. 106, 107
 Страхова Н. И. 30
 Струве П. Б. 27, 139, 140
 Стукалич В. К. 104, 181
 Суворин А. С. 72, 89, 90, 115
 Судейкин Г. П. 102–105
 Сухомлин В. И. 94, 116, 118
- Таиров Г.** 138
 Тан-Богораз В. Г. 116
 Твардовская В. А. 119
 Теодорович И. А. 16
 Теплинский М. В. 18, 27
 Тиб-Бриньоль П. 106
 Тимирязев В. А. 158
 Тимофеев М. А. 113
 Тихомиров Л. А. 23, 95, 98, 117, 152, 178
 Ткачев П. Н. 68
 Толстой Д. А. 45, 72, 91, 113
 Толстой Л. Н. 53, 59, 66, 129, 137, 155, 158
 Томашевский В. В. 66
 Троицкий Н. А. 113, 118
 Трубецкие 110
 Тургенев И. С. 24, 27, 74, 103, 114, 118, 124, 167
- Усов Е. А.** 110
 Усова С. Е. 11, 13, 14, 24, 26, 43, 65, 99, 102–105, 109–112, 119, 122, 165, 174, 177, 180
 Успенский Г. И. 11, 24, 43, 53, 73–75, 91, 95, 96, 102, 110, 114, 116, 117, 121, 134, 174
 Успенский И. И. 79
- Фаресов А. И.** 102, 151, 178
 Федорченко Л. С. 178
 Федотова В. Г. 115
 Фигнер В. Н. 94, 95, 98, 99, 116, 117
- Филарет (Дроздов В. М.), митрополит 32
 Фирсов В. М. 27
 Фрейберг И. Г. 36, 41, 122
 Фурье Ш. 34
- Харламов В. И. 19, 27, 173, 174, 177
 Хирьяков А. 186
 Хорос В. Г. 18, 19, 27, 139, 176, 177
- Цебрикова М. К.** 33
 Церпицкий 35
- Челпанов Г. И.** 158
 Червинский П. П. 20, 163
 Чернышевский Н. Г. 8, 34, 98, 157, 182, 183
 Чехов А. П. 148, 154, 163, 178
 Чичерин Б. Н. 81
- Шебалин М. П.** 26, 94, 99, 106, 116
 Шелгунов Н. В. 11, 95, 96, 107, 110, 116, 118–121, 145, 158
 Шелгунова Л. П. 118
 Шелохаев В. В. 186
 Шишко Л. Э. 64
 Штейн Р. 51
 Шубинский С. Н. 24, 124, 174
- Эльсберг Я. Е. 26, 27, 78, 114
 Энгельгардт А. Н. 182
 Энгельгардт Н. А. 23, 157, 158, 179
 Энгельс Ф. 97
 Эртель А. И. 24, 71, 72, 75, 95, 113,
- Южаков С. Н.** 10, 18, 25, 27, 45, 65, 78, 134, 136, 139, 182, 186
 Юзов *см.* Каблиц И. И.
 Юферов А. Н. 76
- Якубович П. Ф.** 99, 106, 116, 117, 183, 186
 Якушин Н. И. 73, 113
 Янсон Ю. Э. 50
 Ярмонкин В. 97
 Ясницкий Д. 84

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ С. Н. КРИВЕНКО

Отдельные издания

- Император Вильгельм II и вопросы международной политики. СПб., 1890. 49 с.
К русскому обществу от русских революционеров. Петербург, 1883. 26 с.
М. Е. Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. 1-е изд. СПб., 1891. 112 с.
На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. 1-е изд. СПб., 1895. 275 с.
Один из пробелов местного самоуправления // Путь-дорога. Научно-литературный сборник. СПб., 1893. С. 446–465.
Собрание соч.: в 2 т. СПб., 1911.
Сущность, цель и границы потребительских обществ // Сборник материалов об артелях в России. Потребительские общества. СПб., 1875. Вып. 3. С. 1–26.
Физический труд как необходимый элемент образования. 2-е изд. СПб. 1887. 300 с.
Чего ожидать от коронации. Петербург, 1883. 17 с.

Статьи в периодической печати

- Антихрист и антихристова печать // Устои. 1882. № 6. С. 102–110.
Артель-община из переселенцев // Новое слово. 1896. № 5–6. С. 232–250.
Бюро литературно-похоронных процессий // Сын отечества. 1898. № 27. 29 января.
Внутреннее обозрение // Устои. 1882. № 1, 2, 5, 7, 11, 12.
Время и люди // Сын отечества. 1899. № 226. 22 августа.
Г. З. Елисеев // Сибирская газета. 1888. № 55. 22 июля.
Газетное дело и газетные люди // Рус. мысль. 1906. № 10. С. 1–16.
Г-н Костомаров об исторической задаче // Отечеств. записки. 1878. № 4. С. 239–258.
Два вечных узника. Кавказская легенда // Игрушечка. 1908. № 2. С. 70–77.
Дворянский вопрос // Сын отечества. 1900. № 79. 20 марта.
Дореформенная народная школа // Сев. вестник. 1886. № 5. С. 83–91.
Дорожные разговоры об отцах и детях // Эпоха. 1888. № 1. С. 118–131.
Европа и мы // Сын отечества. 1897. № 226. 21 августа.
Житейские очерки. Разномыслие о дворянстве // Новое дело. 1902. № 1. С. 235–251.
Землевладение и земледелие в России и других европейских странах // Отечеств. записки. 1877. № 8. С. 252–264.
Земская жизнь // Сын отечества. 1898. № 340. 15 декабря.
Из медвежьего угла (Письмо из Глазовского уезда) // Сев. вестник. 1886. № 6. С. 68–103.
Из поездки в Сибирь (Дорожные разговоры и впечатления) // Сев. вестник. 1888. № 6. С. 41–82.

- Из провинциальной печати // Сев. вестник. 1890. № 7–9, 11, 12; 1891. № 1–11.
Интеллигентные колонии // Сын отечества. 1900. № 100. 13 апреля.
К вопросу о мелком земельном кредите // Отечеств. записки. 1879. № 9. С. 1–33.
К вопросу о нуждах народной промышленности // Рус. богатство. 1894. № 7, 9, 10.
К характеристике нашего времени // Сын отечества. 1897. № 233. 28 августа.
Кавказский берег Черного моря // Отечеств. записки. 1878. № 3. С. 34–55.
Как живет Закавказье // Рус. богатство. 1894. № 11, 12.
Колонизация Черноморского побережья // Рус. ведомости. 1889. № 271. 1 октября. С. 3.
Кооперация на русской почве (Наши потребительские общества) // Отечеств. записки. 1873. № 10; 1874. № 2, 3.
Корреспонденция из Сочи // Рус. ведомости. 1902. № 263. 23 сентября. С. 2.
Крестьянское дело и канцелярское творчество // Рус. мысль. 1905. № 6, 9.
Культурное безвременье // Сын отечества. 1899. № 317. 22 ноября.
Культурные заработки // Сын отечества. 1898. № 41. 12 февраля.
Культурные люди // Сын отечества. 1899. № 213. 9 августа.
Культурные одиночки в деревне // Рус. богатство. 1893. № 5, 6.
Культурные скиты // Рус. богатство. 1893. № 2, 3.
Люди «золотой середины» // Сын отечества. 1897. № 330. 4 декабря.
Международный тюремный конгресс // Неделя. 1890. № 23. 10 июня. С. 725–730.
Мелкий долгосрочный кредит для покупки крестьянами земель // Отечеств. записки. 1878. № 11. С. 63–103.
Мелочи культурной жизни // Сын отечества. 1897. № 288. 23 октября.
Московская ворчливость // Сын отечества. 1898. № 18. 20 января.
На юбилей Н. Н. Златовратского // Сын отечества. 1897. № 316. 20 ноября.
Наш народный кредит // Отечеств. записки. 1874. № 7, 11.
Наша внутренняя жизнь // Слово. 1881. № 2, 4.
Наше сельское хозяйство // 1899. № 282. 18 октября.
Невинные воспоминания из недавнего прошлого // Отечеств. записки. 1873. № 9. С. 60–93.
Неисправимые преступники // Неделя. 1890. № 25. 24 июня; № 26. 1 июля.
Нечто о русском разуме и национальном стыде. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–9.
Новая докучная сказка (Об устройстве школы в память Н. А. Некрасова) // Сев. вестник. 1891. № 6. С. 137–152.
Новая эра // Листок «Народной воли». 1883. № 1. 20 июля. С. 1–4.
Новейшие толки об общине // Сын отечества. 1900. № 104. 17 апреля.
Новые всходы на народной ниве // Отечеств. записки. 1879. № 2. С. 125–152.
Новый тип сельских кредитных учреждений (сельские банки) // Сев. вестник. 1889. № 5. С. 30–43.
О профессиональном образовании // Рус. богатство. 1880. № 1. С. 56–77.
Обо всем // Новое слово. 1896. № 2, 3.
Отбросы общества (Письмо из Тобольской губернии) // Волжский вестник. 1887. № 117. 5 мая; № 118. 7 мая.

Очерк жизни крестьян Тарского округа, Тобольской губернии // Мир божий. 1894. № 9, 10.

[Передовая статья] // Листок «Народной воли». 1883. № 2. 26 октября. С. 1–3.

Петербургские разговоры // Сын отечества. 1899. № 68. 12 марта.

Письма с дороги. Письмо 1-е // Рус. богатство. 1894. № 1. С. 149–168.

По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 2, 3; 1896. № 1, 4, 8, 10–12; 1897. № 5.

По поводу внутренних вопросов // Отечеств. записки. 1881. № 7–12; 1882. № 1–12; 1883. № 1–12; 1884. № 1.

По поводу воззвания конституционалистов // Народная воля. 1884. № 10. 30 сентября. С. 21–22.

По поводу культурных одиночек // Рус. богатство. 1893. № 12. С. 160–192.

Поиски за гражданским идеалом (Проекты всесословной волости и обсуждение их в С.-Петербургском дворянском собрании) // Отечеств. записки. 1875. № 5. С. 41–80.

Промыслы городского и сельского населения в Тарском округе // Рус. ведомости. 1889. № 271. 1 октября. С. 2.

Русская жизнь // Рус. богатство. 1880. № 1, 3, 4.

Русские народные артели // Отечеств. записки. 1874. № 1. С. 1–27.

События и новости // Сев. вестник. 1891. № 10. С. 77–85.

Спекуляция крестьянским лесом (Письмо из Вятской губернии) // Сев. вестник. 1886. № 12. С. 87–100.

Хроника внутренней жизни // Листок «Народной воли». 1883. № 2. 26 октября. С. 5–7.

Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1892. № 1–6, 8, 10, 12.

Хулиганы и хулиганство (По поводу событий 9 января). – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–8.

Циркуляр М. В. Д. от 16 июля // Народная воля. 1897. № 1. 1 октября.

Экономические кризисы (По Максиму Вирту) // Отечеств. записки. 1878. № 6, 7.

М е м у а р ы

Воспоминания о М. Е. Салтыкове // Ист. вестник. 1890. № 11, 12.

Из литературных воспоминаний (И. Тургенев и Успенский) // Ист. вестник. 1890. № 2. С. 260–286.

Из рассказов Н. А. Некрасова // Литературное наследство. М, 1946. Т. 49–50. С. 207–210.

Литературные воспоминания и характеристики. Г. З. Елисеев // Рус. мысль. 1901. № 7. С. 93–122.

Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о гр. Дм. Андр. Толстом // Вестн. Европы. 1907. № 7. С. 237–252.

Сергеевы игры // Игрушечка. 1908. № 3, 6, 7, 10.

Человек служебного долга и справедливости. Воспоминания о П. С. Ванновском 1904–1905 гг. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

Научное издание

Мокшин Геннадий Николаевич

**ИДЕИ И ЖИЗНЬ
«АРТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»
С. Н. КРИВЕНКО
(1847-1906)**

Художественный редактор
Е. Ю. Бочарникова

Подп. в печ. 01.03.2012. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 50 экз. Заказ 1639.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. (факс): +7 (473) 259-80-26
<http://www.ppc.vsu.ru>; e-mail: pp_center@ppc.vsu.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3. Тел. +7 (473) 220-41-33

МОКШИН
Геннадий
Николаевич

Доктор исторических наук,
доцент кафедры истории
России Воронежского госу-
дарственного университета.

Специализируется на изучении истории общественной мысли пореформенной России. Автор монографий: «Русское легальное народничество 60-90-х гг. XIX века. Очерки истории и историографии». Воронеж, 2005; «Идеологи легального народничества о русской интеллигенции». Воронеж, 2007; «Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.». Воронеж, 2010.

